

Ашвагхоша

**Жизнь
Будды**

Имя «Асвагоша» означает «Голос коня». И священный напев Асвагоши могуч, как конское ржание в бою, как топот копыт скакуна, мерный и быстрый. И есть предание. Будда однажды проходил, беседуя с учениками, в саду. Соловей увидал его лик, пленился и запел. Будда, растроганный, сказал: «Пусть же, в новом воплощении, он будет человеком». Этот человек, нравом своим, участвовал в горячей природе коня и в певучей природе птицы. Он назывался — Асвагоша.

К. Бальмонт

ПРОПОВЕДНИК, ПОЭТ, ДРАМАТУРГ

«Переходил Будда из одной местности в другую, из города в город, из селения в селение и достиг Оленьей рощи близ Варанаси, в которой жили пять аскетов», — так начинается буддийское предание рассказ о первой, Бенаресской проповеди Учителя. «Вступивший на Путь должен избегать двух крайностей. Каковы же они, эти две? Одна — желания, стремление к наслаждению, страсти, она — низменная, недостойная, постыдная, ведет к новому рождению; другая — обращена к самоистязанию и связана с тщетностью, она — скорбная, грубая, бесполезная. Татхагата * избежал этих крайностей и избрал срединный путь. Путь этот дает высшее знание, мудрость и прозрение, ведет к нирване.

Прежде всего следует познать четыре благородные истины. Первая истина о страдании — существование есть страдание; вторая о возникновении страдания — жажда жизни, наслаждения и страсти, третья о прекращении страданий — избавление от жажды жизни, освобождение от страстей и желаний. Четвертая — о пути преодоления жажды жизни и земных страстей — благородный Восьмеричный Путь: помыслы, направленные к истине, высокие стремления, правильная речь, добродетельное поведение, праведный способ существования, усилия, ведущие к истине, верная память, истинное самоуглубление».

Услышав эти слова, пять аскетов поняли глубокий смысл слов Будды и, согласно преданию, стали первыми последователями, приверженцами доктрины. Проповедь в Бенаресе буддисты называют «поворотом колеса Дхармы».

Так началось шествие учения Будды по Индии, а затем и по другим странам Азии, в наше время даже Европы и Америки.

* Т а т х а г а т а — один из эпитетов Будды — «достигший [совершенства]».

Более сорока лет скитался Будда по областям Северо-Восточной Индии, разъясняя смысл своего учения и путь достижения «освобождения», избавления от страданий и новых перерождений.

«Подобно тому как океан имеет лишь один вкус — вкус соли, — говорил он, — так и мое учение имеет лишь один вкус — вкус освобождения». Будда отвечал на вопросы горожан и сельян, зажиточных и бедняков, царей и аскетов, мужчин и женщин, брахманов и ремесленников. Простые и доступные всем изречения Будды содержали этические нормы, житейские советы. Он проповедовал милосердие и незлобливость, рассказывал о своей жизни, прежних страданиях — «оковах бытия», о неминуемости болезней, старости и смерти; подобно врачу, как говорят буддисты, исцелял от суеверий и заблуждений, от затемнения рассудка низкими страстями, от яда алчности и корысти.

Постепенно число монахов, вступивших в сангху — «общину равных», и мирян — верных приверженцев новой доктрины заметно множилось. Мирянам Будда обещал «достижение небесного рая», монахам — возможность подойти к нирване, а наиболее благочестивым из них — архатам — навсегда разорвать «цепь перерождений». В возрасте 80 лет Будда скончался *, оставив своим ученикам завет — оберегать чистоту доктрины, строго следовать пути к «освобождению» и полагаться лишь на самих себя. «Будьте вы сами себе светильниками и на других не полагайтесь. Да будет светильником вам учение, к учению прибегайте и ни к чему другому».

Одни из первых рассказов о мудреце из племени Шакьев — Шакья-муни — содержатся в сутрах канона на языке пали школы Стхавиравадинов (палийское Тхеравадинов) — строгих ревнителей первоначального учения и приверженцев идей Хинаяны — «Малой Колесницы». Условно это учение относят к Южному буддизму, поскольку буддизм этого направления утвердился в южных областях Азии — Шри Ланке, Таиланде, Бирме, Камбодже, Лаосе. В рассказах действуют многие конкретные персонажи, их жизнь разворачивается в обычных земных ситуациях. Сам Будда предстает как лицо историческое — царевичем по имени Сиддхартха из рода Гаутама племенного объединения Шакьев. Согласно традиции, он становится «Просветленным» благодаря своему усердию и духовному подвижничеству.

Биография Учителя в ранних палийских текстах очень

* Буддийские предания относят это событие к VI в. до н. э., большинство современных ученых придерживается иной даты — 483 (486) г. до н. э.

схематична. Сходная картина — в санскритских канонах различных хинаянских школ: целиком эти каноны до нас не дошли и известны лишь в переводах на китайский и тибетский языки. Позднее, в первые века н. э., буддизм претерпевает значительные изменения. В нем развивается новое направление: Махаяна — «Большая Колесница». По этому учению, достичь высшей религиозной цели могут все верующие, а не только монахи.

Качественно меняется и образ Будды. Он предстает наделенным сверхъестественными способностями, божественными чертами и атрибутами, ему начинают поклоняться не как Учителю, но как существу божественному. Согласно Махаяне, исторический Шакья-муни — воплощение некоего сверхъестественного вечного принципа; исторический Учитель буддизма лишь отражение трансцендентного Будды, который явился в мир для проповеднической деятельности. Число будд в Махаяне бесконечно; они, подобно богам, обитают в бесчисленных сферах, не имеют начала и конца жизни, они вечны. В Махаяне получает обоснование идея о «трех телах Будды», трех воплощениях Единого Будды: дхарма-кая («тело дхармы») олицетворяет изначальную и неизменную сущность, самбхога-кая («тело блаженства») — пребывание Будды в сверхъестественных мирах, нирмана-кая («тело преобразования») или рупа-кая («материальное тело») — принятие им облика человека. В историческом основателе буддизма воплотилось, таким образом, одно из проявлений последнего «тела Будды».

Общая канва биографии Учителя остается прежней, но каждый эпизод содержит уже новый смысл: Будда Махаяны — сверхчеловек, не чувствующий ни голода, ни жажды: он обладает даром непорочного зачатия, ибо жена его, родив сына, остается девственницей. Будде приписывается тридцать два особых свойства «Совершенного Существа». Магией он побеждает богов; не убеждением, но чудесной силой обращает в свою веру и т. д.

Будду постоянно окружают боги; словно им, а не людям излагает Учитель суть своей доктрины. Нравственная чистота и истинная праведность — главные условия духовного усовершенствования и «освобождения» — замещаются в Махаяне мистическим созерцанием. Не Будда-учитель и верность его доктрине ведут верующего к «освобождению», а неисчислимые и сострадательные к земным невзгодам бодхисаттвы *. Именно так рисуется жизнь Будды в раннемахаянском произведении

* Согласно раннему буддизму, до рождения Будды Шакья-муни путь бодхисаттв, стремившихся стать Буддой, прошли только двадцать четыре «святых». После Будды его пройдет и будущий будда — Майтрея. По Махаяне, каждый может достигнуть состояния бодхисаттвы.

«Лалитавистара» (русский перевод поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии», основанной на «Лалитавистаре», несколько раз издавался в России).

На рубеже двух эпох в истории древнего буддизма — Хинаяны и Махаяны — было создано одно из самых популярных сочинений в буддийском мире — «Буддачарита» («Жизнь Будды»). Автор его — прославленный поэт и драматург Ашвагхоша (дословно — «Голос коня», «Мелодия, подобная плавному бегу коня»). По сравнению с «Лалитавистарой» «Буддачарита» — именно жизнеописание Учителя, наделенного человеческими чертами; поэма глубоко лирична и музыкальна; жизнь Будды рисуется в ней на фоне судеб людей с их благородными и недостойными поступками, настроениями и страстями. По образному выражению С. Леви, «Буддачарита» — сплошное песнопение. К сожалению, мы мало знаем об авторе «Буддачариты» — талантливом поэте, основателе драматургического искусства Индии. Легенды о жизни Ашвагхоши сохранились лишь в тибетских и китайских сочинениях. Они немногочисленны, но все же позволяют воссоздать образ верно приверженца учения Будды. Всего несколько фактов биографии содержат сохранившиеся оригиналы его произведений и более поздние буддийские тексты Северной Индии.

Колофоны его сочинений сообщают о месте рождения — крупном культурном центре Сакета в Северо-Восточной Индии, одном из шести священных городов. Ашвагхоша происходил из брахманского рода, получил традиционное образование; судя по его сочинениям, он прекрасно знал священные ведийские тексты.

Время жизни Ашвагхоши устанавливается весьма приблизительно. Наиболее авторитетные исследователи относят его к первой половине I в. Тексты позднихинаянской школы Сарвастивада связывают Ашвагхошу с известным кушанским царем Канишкой (II в.), при котором была создана огромная империя, охватившая территорию Северной Индии, Пакистана, Афганистана и Юга Средней Азии. Согласно китайским и тибетским преданиям, Ашвагхоша жил при дворе Канишки и был обращен в буддизм советником царя по имени Паршва. Сарвастивада соотносит с Ашвагхошей III буддийский собор, который проходил в Кашмире в период правления Канишки. Указывается, что Ашвагхоша собрал представителей различных школ, и ими после двенадцати лет обсуждений была создана «Махавибхаша» — огромная энциклопедия доктрины Сарвастивады. Насколько эти сообщения верны, сказать трудно. Следует иметь в виду, что индийская традиция часто связывала с могущественными правителями деятельность прославленных поэтов,

писателей и философов. Например, имя известного махаянского философа Нагарджуны связывается с деканским царем династии Сатаваханов (I—II вв.). К эпохе Чандрагупты II (конец IV в.) относят деятельность таких почитаемых ученых и писателей, живших в разное время, как Калидаса (V в.), лексикограф Амарасинха (V—VI вв.), грамматик Вараручи (I в. до н. э.).

Не избежал этой участи и Ашвагхоша: связь с ним могла лишь прославить любого правителя. Благодаря буддийским источникам, соединившим воедино Ашвагхошу и Канишку, имя великого поэта и драматурга стало известно не только в огромном буддийском мире — от Индии до Японии, но и далеко за его пределами.

Перу Ашвагхоши нередко приписывалось более тридцати буддийских сочинений самого разного жанра. Знаменитый тибетский проповедник буддизма Таранатха (XVII в.) сообщает о двенадцати буддийских текстах Ашвагхоши, в том числе и таких, которые были составлены много позднее времени его жизни. Автором семи или восьми крупных произведений, прежде всего махаянской направленности, считает Ашвагхошу раннебуддийская историография Китая. Следуя этим традиционным взглядам, исследователи соотносили с Ашвагхошей явно большее число произведений, чем могло быть в действительности.

В предисловии к переводу Бальмонта 1913 г. Сильвэн Леви — первый переводчик на европейский язык нескольких песен «Буддачариты» — связывал с Ашвагхошей семь сочинений: музыкальное произведение «Раштрапала» («Покровитель царства»), махаянские тексты «Махаяна Шрадхотпада» («Пробуждение махаянской веры»), «Ваджрасучи» («Алмазная Игла»), сборник поучительных рассказов «Сутра-аламкара» («Украшение проповедей»), поэмы «Саундаранада» («Сундара и Нанда»), драмы «Шарипутрапракарана» («Драматическое сказание о Шарипутре») и «Буддачарита» («Жизнеописание Будды»). По мнению английского буддолога Э. Джонстона, только три последних сочинения безусловно принадлежат Ашвагхоше. Остальные были приписаны ему позднее.

Если тибетские и китайские тексты рисовали Ашвагхошу блестящим поэтом, одаренным музыкантом, умелым полемистом и страстным проповедником буддийского учения, то после археологических раскопок начала XX в. в Центральной Азии открылась новая сторона его творчества — искусство драматурга. В Восточном Туркестане, в Турфане, немецкая экспедиция обнаружила большое число санскритских текстов. Многие

из них до этого были известны лишь по переводам на тибетский, китайский, уйгурский и монгольский языки.

Исследуя турфанские рукописи, известный немецкий ученый Х. Людерс (1911 г.) отождествил несколько фрагментов с драмой «Шарипутрапракарана», автором которой, как показал текстологический анализ, был Ашвагхоша. Хотя сохранилась лишь небольшая часть сочинения, ему свойственны некоторые общие черты раннеиндийских драм: герои Ашвагхоши в зависимости от социального положения говорят на санскрите и разных пракритах («народных наречиях»), проза перемежается стихами. Эти особенности были восприняты более поздними драматургами, в том числе Бхасой и Калидасой. Действует в драме и видушака (веселый друг монаха) — этот персонаж в образе царского шута стал затем одной из центральных фигур в драмах Шудраки и Калидасы. Сюжет драмы — обращение в буддизм двух юношей, Маудгальяны и Шарипутры, самых преданных Будде учеников, — содержится в более ранних палийских текстах.

Благодаря открытию «Шарипутрапракараны» значительно удревнилась история индийской драматургии. Нововведение Ашвагхоши состояло в том, что общие принципы драматического искусства были применены к новому типу драмы — буддийской. Театр Ашвагхоши стал одним из проводников буддийского вероучения.

Полная трагизма поэма о любви Нанды и Сундари сюжетно проста. Нанда, сводный брат Будды, женится на красавице Сундари и, охваченный страстью к молодой супруге, не мыслит пробыть без нее и нескольких минут. Будда объясняет брату, к каким страданиям могут привести его земные наслаждения. Но Нанда непреклонен: его любовь к молодой жене прочна и неколебима. И Будда берет с собой Нанду в небесный рай Индры, где брата окружают божественные девы — необыкновенной красоты апсары. Когда Нанда поддается соблазну и на миг забывает Сундари, Будда возвращает его на землю. Нанда осознает свое душевное бессилие, пытается отрешиться от жажды земных радостей и встать на праведный путь. Будда обращает брата в свою веру, и тот удаляется в лесную обитель, где проводит время в медитации. Впоследствии Нанда вступает в общину и становится проповедником буддийской доктрины.

Лирические образы Нанды и Сундари, история их печальной разлуки, изысканность формы поэмы и богатство языковой палитры сделали сочинение Ашвагхоши одним из любимых литературных произведений индийцев. Именно литературных, поскольку Ашвагхоша впервые построил буддийский проповеднический текст в стиле «кавья» — поэзии. Дальнейшее раз-

вление его нововведение получило в «Буддачарите». Автора «Жизни Будды» в Индии не случайно сравнивают с Вальмики — создателем эпической поэмы «Рамаяна» и с Вьясой — традиционным сказителем «Махабхараты». Ашвагхоша знал эти эпические поэмы и опирался на лучшие традиции поэтического творчества всего предшествующего периода. Поэтому «Буддачариту» нередко называют первым в истории индийской литературы «искусственным эпосом» — эпосом, созданным реальным историческим лицом для пропаганды конкретных религиозных идей.

Многие известные буддийские поэты и писатели следовали традициям Ашвагхоши. В их числе прежде всего Матричета (II в.) и Арьяшюра (VI в.), автор «Джатакамалы» — поэтических сказаний о подвигах Бодхисаттвы. Китайский паломник И Цзин, который посетил Индию в VII в., писал о популярности «Буддачариты»: «Поэму повсеместно читают или поют во всех пяти частях Индии и в странах Южных морей. В немногих словах заключен глубокий смысл и высокие мысли, которые доставляют наслаждение сердцу читателя, и потому он никогда не устает перечитывать и пересказывать поэму».

Санскритский оригинал «Буддачариты» стал известен современной науке лишь в 1883 г., когда английский индолог Э. Коуэл, опираясь на две поздние непальские рукописи, перевел сохранившиеся части «Буддачариты» на английский и издал в серии «Священные книги Востока». Однако дальнейшие открытия показали, что Э. Коуэл опирался на недостаточно авторитетные тексты, содержавшие языковые неточности. К сожалению, многие ошибки Э. Коуэла впоследствии были восприняты специалистами.

В 30-х годах многолетнюю работу по критическому изданию санскритских глав «Буддачариты» и их переводу завершил Э. Джонстон, имя которого уже упоминалось в этом очерке. Он установил, что из сохранившихся глав первоначального санскритского текста «Буддачариты» только четырнадцать (полностью лишь со второй до тринадцатой) принадлежат Ашвагхоше. Эти «песни» охватывают первую часть жизни Сиддхартхи-Будды — от рождения до просветления.

Общее же впечатление о поэме можно составить по тибетским и китайским переводам, которые основывались на санскритском тексте. «Буддачарита» впервые была переведена на китайский буддийским монахом, индийцем Дхармаракшей (или Дхармакшемой) в 414—421 гг. Перевод (точнее, пересказ) включает описание жизни основателя доктрины — от рождения

до нирваны, погребального костра и последующего распределения его праха и священных реликвий. На двести лет позднее был сделан тибетский перевод. Он точнее китайского и много ближе к санскритскому оригиналу. С. Билом на английский была переведена китайская версия Дхармаракши, перевод был издан в 1883 г. в серии «Священные книги Востока». К этому популярному изданию и обратился К. Бальмонт при подготовке русского перевода «Буддачариты».

Выводы Э. Джонстона о том, что Ашвагхоша был автором только трех сочинений — «Шарипутрапракараны», «Саундарананды» и «Буддачариты», — пересматривают творческое наследие поэта, драматурга, буддийского проповедника и позволяют приблизиться к разгадке феномена, который связан с именем Ашвагхоши. В самом деле, если он создал такие сочинения, как «Махаяна Шрадхотпада» и «Ваджрасучи», содержащие идеи развитой Махаяны, то почему в его «Буддачарите» почти нет развитых махаянских концепций? Заключение Э. Джонстона о принадлежности Ашвагхоши к одной из «сект» школы Махасангики, то есть непосредственных предшественников или первых предвестников Махаяны, все ставит на свои места. Тогда понятен характер санскритской «Буддачариты» и двух других произведений Ашвагхоши. Элементов махаянской доктрины в них немного, изложение жизни Будды в целом соответствует древнему канону, но качественный переход от Хинаяны к Махаяне уже заметен, например, в трактовке некоторых эпизодов из жизни Будды. Этот переход особо очевиден в переводе, сделанном на китайский Дхармаракшей, который был приверженцем Махаяны. Поэтому в «Жизни Будды», переведенной Бальмонтом с англо-китайской версии, немало фантастического и магического.

Знакомившим русского читателя с «Жизнью Будды» Сабашникову и Бальмонту, по-видимому, не было известно, что встреча России с царевичем Сиддхартхой, ставшим «Просветленным», была уже не первой. За восемь столетий до этого, в XII в., на Руси была популярна «Повесть о Варлааме и Иоасафе, царевиче индийском». Перевод на древнерусский и на другие славянские языки делался с греческой версии, восходящей в конечном итоге к индийской легенде о жизни Будды и именно к «Буддачарите». Имя Иоасаф искаженное индийское «бодхисаттва» (через персидско-арабскую форму Будасф). Иоасаф был даже причислен к лику святых. Повесть пользовалась широкой популярностью. Знал ее Симеон Полоцкий, при Петре устраивались театральные представления, основанные на сюжете «Повести». Позднее к ней обращались поэты В. А. Жуковский и А. Н. Майков. Вряд ли Бальмонт знал и о том, что драма

«Жизнь есть сон» его любимого испанского драматурга Кальдерона, которую поэт перевел на русский в 1902 г., также написана на сюжет «Повести о Варлааме и Иоасафе».

Издание «Буддачариты» в переводе Бальмонта В. Брюсов назвал ценным подарком русской литературе. Но и через три четверти столетия ценность этого труда не уменьшилась. Она даже возросла. Сочинение Ашвагхоши созвучно нам потому, что сегодня можно новыми глазами увидеть величие культурного наследия Индии, почувствовать общечеловеческое значение идей, высказанных почти две тысячи лет назад, понять красоту образов, силу Слова.

Открытие Первой буддийской выставки в Петрограде в 1919 г. академик С. Ф. Ольденбург предварил следующими словами: «Нигде, может быть, на земле люди не искали с такой силою и напряжением ответа на вопросы о жизни и смерти, о цели и смысле жизни, как в далекой от нас Индии, населенной главным образом народами, нам родными, языки и многие обычаи которых во многом близки нам».

Полные высоких мыслей легенды о Будде, поэтические рассказы о его учении, постоянная созвучность человека и природы, описание быта горожан и селян введут вас в подлинную атмосферу древнеиндийской жизни, познакомят с учениями религиозно-философских школ, радостями и страданиями людей далеких эпох. И поэтому для нашей эпохи переиздание «Жизни Будды» — подарок не только русской литературе, но и отечественной культуре в целом.

Приступайте к чтению «Жизнеописания Просветленного», погружайтесь в еще не полностью понятный, загадочный, но притягательный и поучительный мир прошлого. Уверен, что вам еще не раз захочется перечитать поэму.

Г. Бонгард-Левин

ЖИЗНЬ БУДДЫ

ПОЭМА

1. РОЖДЕНИЕ *

Был некто, рода знатного Икшваку,
Что означает — Сахарный Тростник,
Непобедимый, как река, властитель,
Царь Сакья¹, чистый в умственных дарах
И в нраве — незапятнанности цельной,
Суддхобдана, иначе — Чистый Рис.
Светло любимый всеми существами,
Как мир обласкан новою Луной,
Поистине тот царь был словно Сакра,
Кому все Дэвы неба — сонмы слуг,
Царица же его — богиня Саки.
Сильна, спокойна в мыслях, как Земля,
Чиста по духу, словно водный лотос,
Определить ее — никак нельзя,
Ее же имя, имя-образ, Майя.

Дух снизошел, и в чрево к ней вошел,
Коснувшись той, чей лик — Царица Неба.
Мать, мать, но свободная от мук,
Свободная от заблуждений Майя.
Не возлюбя шумливости мирской,
Вспомнила она сады Люмбини,
Пленительное место, тихий лес,
Где источают влагу водометы,
Цветут цветы и копят сок плоды.

* Перевод публикуется по изданию: Памятники мировой литературы. Творения Востока. Асвагоша. Жизнь Будды. Перевод К. Бальмонта. М., М. и С. Сабашниковы, 1913.

Исполненная нежных созерцаний,
Почтительно заговорив с царем,
Она просила дать соизволение
Ей там побыть, и царь, уразумев
Действительность такого пожеланья,
Был редкостной заботою смущен.
Всем царственным родным, что находились
В дворце и вне дворца, он повелел
Быть с ней в тени садовой и лесистой,
Ее неукоснительно блюсти.
И вот царица Майя ощутила,
Что час пришел родить ребенка ей.
Спокойно лежа на красивом ложе,
Она ждала с доверьем, а вокруг
Сто тысяч женщин служащих стояло.
Четвертый месяц был и день восьмой,
Спокойный час, приятственное время.

Пока она была среди молитв
И в соблюденьи правил воздержанья,
Родился Бодгисаттва от нее,
Чрез правый бок, во избавленье мира,
Великим состраданием побужден,
Не причинивши матери мученья.
Как из бедра рожден был Аурва,
Как из руки рожден владыка Притху,
Как царь Мандхатри был из головы,
Какшиват же рожден был из подмышки,
Так Бодгисаттва, в день, как был рожден,
Из правого он появился бока;
Из чрева постепенно исходя,
Лучи по всем струил он направленьям.
Как тот, кто из пространства порожден,
А не через врата вот этой жизни,
Через несчетный ряд круговремен,
Собой осуществляя добродетель,
Он в жизнь самосознательным вошел,
Без тени всеобычного смущенья.
В себе сосредоточен, не стремглав,
Украшен безупречно, выявляясь
Блистательно, он, излучая свет,
Возник из чрева, как восходит Солнце.
Глядели люди, мыслили они,
Как необычен блеск, но созерцанье
Не повредило зрения у них:

Он дал глядеть им, утаив на время
Блистательность лучистого лица,
Как мы порой глядим на Месяц в небе
И видим только мягкий лунный свет.
Однако ж тело у него сияло;
Как Солнце погашает свет свечи,
Златистой красотою Бодгисаттвы
Был изливаем всюду яркий блеск.

Прямой и стройный, в разуме не шаткий,
Сознательно он сделал семь шагов,
И на земле, пока он шел так прямо,
Отпечатлелись ровно те следы,
Как семь блестящих звезд они остались.
Идя, как царь зверей, могучий лев,
Смотря во все четыре направленья,
До средоточья правды взор стремя,
Он так сказал, и молвил достоверно:
«Родившись так, родился Будда здесь.
За сим — уж больше новых нет рождений.
Теперь рожден я только этот раз,
Дабы спасти весь мир своим рождением».
И вот из средоточия Небес
Два тока снизошли воды прозрачной,
Один был тепел, холоден другой,
Они ему все тело освежили
И освятили голову его.

И вот он помещен в дворец роскошный,
Его постель — вся в яхонтах она,
Цари Небес, златистыми руками,
Стеблистыми руками, в четырех
Местах, где ножки, ложе закрепили.
Меж тем в пространстве Дэвы, ухватив
Цветистые, как яхонт, балдахины,
Запели песни, хор — зовущий хор,
Чтоб укрепить его в свершеньях правых.
А Нага-раджи, радуясь ему
И к верному склонясь благоговенью,
Навстречу к Бодгисаттве изошли,
Как раньше честь являли прежним Буддам.
Они пред ним рассыпали цветы;
И существа, что в чистые одежды
Всегда одеты в Небе, перед ним
Веселым предавались ликованьям,

Не радостью пристрастной восхитясь,
А потому, что все творенье мира,
Что в океан скорбей погружено,
Снискало верный путь освобожденья².
Сумеру, первозданная гора,
Что прочный есть устой Земли великой,
Когда явился Бодгисаттва в мир,
Пред этим совершенством содрогнулась.
Весь мир был чрезвычайно сотрясен,
Как бы челнок, гонимый сильным вихрем;
Цветочная утонченная пыль,
Сандала дух и скрытый запах лилий,
Их нежность сокровенная — взнеслись,
И в воздухе возвышенном смешались,
И вместе так на Землю пали вновь.

Луна и Солнце, в правильном теченьи,
Удвоили свой лучезарный блеск,
И свет огня, повсюду загораясь,
В топливе не нуждался, чтоб гореть.
Вода, ключом свежительно-прохладным,
Мерцающая, проступала здесь и там,
И радовались женщины на это,
И пили и купались они.
Во всех возникли радостные мысли,
И сонмы духов, словно облака,
Доподлинностью веры услаждались.
В садах Люмбини, посреди стволов,
В великом изобилии расцветали,
Вне времени, чудесные цветы,
Всю редкостность особую являя.
Разряды же зловолящих существ
Постигли сразу любящее сердце;
Все скорби и недуги меж людей
Без всякого леченья исцелились.
Звериный крик, разнообразный вопль
Притих, и воцарилось молчанье.
Всплеснулася стоячая вода
И потекла речным потоком быстро.
И все ручьи, где слизь и грязь была,
Внезапно стали светлы и прозрачны.
На небе не сгущалось облаков,
И музыка была слышна повсюду.
Все существа, что чувствуют, живя,

Узнали свет вселенского покоя.
Лишь Мара, царь желаний и страстей,
Не радуясь, печалился глубоко
И был один.

Властительный отец,
Столь дивного когда увидел сына,
Хотя уверен был в своей душе,
Однако был подвигнут изумленьем
И изменился в лице, между тем
Как взвешивать значение события,
То радуясь, то сетуя. А мать,
Царица, увидавши, что ребенок
Родился — всем законам естества
Противореча, в робком женском сердце
Сомнительна была, и ум ее
Меж крайностей качался, схвачен страхом:
Не различая в знамениях сих,
Что — радостно, а что, быть может, грустно,
Давала доступ скорби вновь и вновь.
И женщины глубокой Долгой Ночи,
Блустительницы Ночи Мировой,
Небесного просили указанья,
Молили, чтобы новое дитя
Благословенным в этой жизни было.

В тот час, в священной роще, был Брамин,
Был некоторый верный прорицатель,
С достойным видом, славный, потому,
Что был искусен он и полон знанья.
Увидев знаки, в сердце он своем
Возликовал на дивное событие.
Дабы смущенным не был больше царь,
Ему сказал он голосом правдивым:
«У всех, кто в этом мире порожден,
Желанье есть, чтоб сын родился славный,
И ныне царь, как полная Луна,
Быть в радованьи должен завершеном,
Затем что у него родился сын
Единственный и дивно-несравнимый,
Что будет славой роду своему.
Веселым будь и прогони сомненья,
Все знамения ныне говорят,
Что дому твоему — преуспеянье.
Прекрасно одаренное дитя

С собой несет освобожденье мира;
Такое тело, с цветом золотым,
Имеет лишь учитель, данный Небом.
Достигнет просветленности вполне,
Кто наделен приметами такими,
А ежели восхочет быть в мирском,
Всемирным он пребудет самодержцем.
Везде прият властителем Земли,
Монархом будет четырех империй.
Как Солнца свет среди других огней,
Он между всех пребудет превосходным.
Но если будет он искать жилья
Среди пустынь лесных и гор безлюдных,
Но если, сердце мудрости отдав,
Он обратится весь к освобожденью,
Вселенную он светом озарит,
Затем что как средь гор монарх — Сумеру,
Иль золото средь ценностей есть царь,
Иль Океан — предел среди потоков,
Или Луна есть первая меж звезд,
Иль Солнце — между всех светил небесных,
Так Совершенный, что родился в мир,
Идущий тем путем, который начат,
Есть самый совершенный меж людей.
Его глаза светлы и, расширяясь,
Все видят больше, больше пред собой;
Их затевают длинные ресницы,
А цвет очей — фиалковый есть цвет,
Раек в глазу — кружок есть светло-синий,
Весь очерк — словно полная Луна:
Такие знаки, без противоречья,
Дают узнать, как бы отбросив тень,
Что состоянье мудрости — здесь полно».
Царь, усомнившись, снова вопрошал,
И снова отвечал рожденный дважды³.
Он изъяснил, что были у других
Царей Земли сыны предназначенья.
Вспомнил Бхригу и Виасу он
И назвал сладкогласного Вальмики
Среди имен, которые горят
В умах людей, как звезды светят в Небе.
«Наполни, царь, восторгом светлым дух,
Как светлый мед златится в полной чаше,
Не позволяй сомненьям говорить».
И радовался царь словам провидца.

В саду же Риши был, что свято жил,
Асита звался он и был искусным
В истолкованьи знаков и примет.
Он молвил, вдохновясь: «О правосудный!
Во имя правых — в прежних жизнях — дел,
Теперь плоды прекрасные явились.
Услышь меня, скажу, зачем я здесь.
Когда я шел сюда дорогой Солнца,
Я слышал, как в пространстве мировом
Вещали Дэвы, что рожден царевич,
Который мудрость явит в полноте.
И сверх сего я видел предвещанья
Чудесные, которые меня
Предстать перед тобою побудили,
Да будет мною узрен Сакья-царь,
Установитель Правого Закона».
Царь повелел младенца принести.
Царевича увидев, на подошвах
Тех детских ног увидев колесо ⁴,
Тысячекратной явлено чертою,
Между бровей увидев белый серп,
Меж пальцев тканевидность волоконца
И, как бывает это у коня,
Сокрытость тех частей, что очень тайны.
Увидев цвет лица и кожи блеск,
Заплакал мудрый и вздохнул глубоко.

Царь, видя слезы Риши, был смущен,
И у него пресеклося дыханье.
Привстав, он с беспокойством спросил:
«Что в сыне есть моем, таком прекрасном,
Что мало от Богов отличен он
И видом обещает совершенство,
Изящен бесподобно и красив,—
О, что в нем есть, что так тебя печалит?
Иль, может быть (да не свершится так!),
Он в жизни краткодневен? Иль он только
Не больше как осенний есть цветок,
Из инея цветок,— дохнешь, и где он?»
Увидевши, что царь так огорчен,
Немедленно ему ответил Риши:
«Да ни на миг не будет царь смущен,
Да помнит, что сказал я, а сомненью
Да никогда не даст он в сердце ход.
Большое все знаменья вещают.

Но, вспомнив про себя, что вот я стар,
Я слезы не сдержал. Конец мой близок.
Твой сын, — всем миром будет он владеть,
Родившись, он закончил круг рождений ⁵,
Придя сюда во имя всех живых.
От царства своего он отречется,
Он от пяти желаний ускользнет ⁶,
Он изберет суровый образ жизни
И истину ухватит, пробудясь.
Засим, во имя всех, в ком пламя жизни,
Преграды он незнанья раздробит,
Препоны тьмы незрячей уничтожит
И солнце верной мудрости возжжет.
Всю плоть, что потонула в море скорби,
В пучине безграничной громоздясь,
Недуги все, что пенятся, пузырясь,
Преклонный возраст, порчу, как бурун,
И смерть, как океан, что все объемлет, —
Соединив, он в мудрости челнок,
В свою ладью, все нагрузит бесстрашно
И мир от всех опасностей спасет,
Отбросив мудрым словом ток вскипевший.
Власть размышленья, словно свежий ключ,
Его ученье, словно близкий берег,
Достаточны для всех неожиданных птиц.
В реке широкой есть довольно влаги.
Все существа, что знают страсти зной,
Здесь могут пить, преграды не встречая,
Все те, что знают встречный ветер скорбей,
Все те, что впали в плен пяти желаний,
Обмануты пустынею глухой,
Лежащей меж рождением и смертью,
Без знанья, где же путь, чтоб ускользнуть, —
Для этих в мир родился Бодгисаттва,
Чтоб путь освобожденья показать.
Огонь хотенья, чье горенье — вещи,
Которых жадно жаждешь, больно жжет, —
Он тучке милосердия дал возникнуть,
Быть облачком дал жалости своей,
И дождь Закона ⁷ может погасить их.
Вратами хищной жадности храним,
Оплот тяжелый мрачного безверья,
Сцепивший все живые существа,
Замкнутым был, — и вот врата разъяты.
Щипцами этой мудрости, что есть

Алмазная, противоречья хоти
Он вырывает. Петли бредней всех
Распутав, распустил он сеть незнания,
И кто был связан, вот, он без цепей.
Не сетуй же, о царь, а знай лишь радость.
Что до меня, чрез старость в смерть иду
И не смогу, увы, его услышать.
Хоть мыслью осененный, все же я
Не прикоснусь к ученью Бодгисаттвы,
Мне не дано, я тело износил,
Родиться должен вновь, как высший Дэва,
Но все-таки подвержен бедам трем,
Которые, скорбя, еще узнаю:
Упадок сил, преклонный возраст, смерть».
Узнав причину истой скорби Риши,
Промолвил царь: «Ты мне даешь покой.
Но мысль, что он свое оставит царство,
Покинет дом, та мысль меня гнетет».

Услышав это, Риши обратился
К царю и молвил верные слова:
«Он просветленья полного достигнет».
Так утишив сомнения царя,
Велением своей духовной силы
Поднялся в воздух Риши и исчез.

Суддхóдана, услыша все, что слышал,
И видя предвещательность примет,
Проникнут был почтением к дитяти,
И ряд своих забот удвоил он.
Он издал повеление по царству,
Что узники свободны от темниц,
И, согласуясь с волей книг священных,
Распространил на всех свои дары.
Когда дитя прошло чрез завершенность
Десятидневья, зоркий ум отца
Вполне спокоен стал, и возвестил он,
Что будут ныне жертвы всем Богам
И общинам благоговым будут
Обильные дары, и всем родным,
И всем, не только властным, но и бедным.
И кто хотел, являлся за скотом,
За деньгами, конями и слонами,
И всяк, в размере нужд, был награжден.
Потом, гаданьем час избрав счастливый,

Дитя переселили во дворец,
Поставив колыбельку на повозку
И дав повозку ту везти слону,
С прекрасно белоснежными клыками,
Сияющему дивной красотой,
Блестящему от разных умщений
И яркому от множества прикрас.
Обняв дитя, царица круг свершила,
Благоговенья духам вознося,
Потом в свою блестящую повозку
Она взошла, а царь сопровождал,
И сонмы слуг и весь народ шли вместе.
Так Сакра, царь Небес, через лазурь
Идет, а вокруг него толпятся Дэвы.
Так Магесвара, полный торжества,
Младенца шестиликого родивши ⁶,
Давал даянья щедрою рукой.
Так ныне царь, как был рожден царевич,
Возликовал, с царем же весь народ,
И было в ликовании все царство.

2. ДВОРЕЦ

И вот чертог царя был весел,
И все родные были щедры,
Затем что был рожден царевич
Необычайной красоты.
Слоны, и кони, и повозки,
И драгоценные сосуды
Приумножались каждодневно
Везде, где в них была нужда.
Из недр Земли самоисторгнут,
Являлся блеск сокровищ скрытых,
И самоцветные каменя,
Придя из тьмы, впивали свет.
С вершины снежных гор спускаясь,
Слонов явилось стадо белых,
И вот, хоть были не ручными,
Пришли бесшумными они.
Не укрощенные рукою
Ничьей, но самоподчинившись
И непревзойденно прекрасны,
Явились кони всех мастей.

Их гривы в яхонтах сверкали,
Хвосты их были словно волны,
И рьяно так они скакали,
Как бы примчавшись на крылах.
Коровы, с телом тучно-стройным,
И с шерстью очень чистой в цвете,
И с молоком душисто-свежим,
Пришли, в числе — как облака.
Вражда и зависть уступили,
Давая путь покою мира,
Везде довольство возмогало
И единение сердец.
Был тихий воздух, дождик в меру,
Не слышно было вскриков бури,
Не выжидая часа, стебли
Взросли и дали урожай.
Созрела пятикратность злаков,
С зерном душисто-полнокровным,
У тварей всех родились чада,
Не повредивши их тела.
Все люди, даже те, что мыслью
Не знали Четырех Великих⁹,
Являли светлый блик беззлобья,
Существовали без вражды.
Все люди с женами своими,
Все женщины, что были в мире,
Являли свет души глубинной,
Как люди самых первых дней.
Все Божьи храмы, все часовни,
Сады, ключи, криницы, рощи
В неукоснительное время
Являли всю свою красу.
Был неизвестен голод с жаждой,
Оружье бранное дремало,
Недуги скрылись, и повсюду
Лишь были дружба и любовь,
Взаимно нежа наслаждение,
Без оскверняющих желаний
Все соблюдали справедливость,
И был не слышен звон монет.
И все, кто мог, давали щедро,
Не помышляя о возврате,
Четыре правила свершая,
Желанной Высшим, чистоты.
Как в оно время Ману-раджа

Родил дитя, что называлось
«Блеск Солнца»,— злое прекратилось
И был расцвет во всей стране,—
Так ныне был рожден царевич,
И все приметы возвестили
Благополучие и счастье,
И был Сиддхартой назван он.
И ныне царственная мать,
Царица Майя, видя сына
Таким отмеченного блеском,
В чрезмерном счастье — умерла.
Вознесена была на Небо.
Праджáпати же Гаутáми,
Дитя подобное увидя,
Ему была как мать сама.
Как в свете Солнце или Месяц
Растут, крепчая понемногу,
Дитя росло в духовной силе,
Росло в телесной красоте.
Струило тело дух сандала,
Неоценимость аромата,
Дышало полностью здоровья,
Блестя в запястьях золотых.
Владыки-данники, узнавши,
Что у царя рожден наследник,
Дары послали: колесницы,
Коней, оленей и быков,
Одежды, ценные сосуды
И много разных украшений,
Но, хоть дары блистали ярко,
Царевич был невозмутим.
Еще был малым очерк тела,
Но сердце в малом было стойко,
И дух, для замыслов созревший,
Не мог быть тронут суетой.
И вот царевич стал учиться,
Но только что ему расскажут,
Уже все знал он без запинки
И превзошел учителей.
Отец, такого сына видя
И чувствуя его решимость
Уйти от всех соблазнов мира,
Стал вопрошать о именах
Тех, кто в его был славен роде
Среди утонченно-красивых,

И первую меж дев приятных,
Средь всех, была Ясбдхара.
Она во всем была такая,
Чтобы пленен ей был царевич,
Чтоб это сердце было можно
Ей нежной сетью уловить.
Царевич, столь от всех далекий,
Душой и с виду — чарователь,
И дева, в прелести любезной,
Столь утонченна и нежна,
Всегда тверда и величава
И весела и днем и ночью,
Полна достоинства и чары,
Спокойствия и чистоты, —
Как некий холм, легко взнесенный,
Как белизна осенней тучки,
Тепла — по времени или же
Согласно часу — холодна.
Со свитою поющих женщин,
Чьи слышны голоса согласно
И неприятного нет звука,
Но все забвение дают,
Подобные Гандхарвам Неба,
Они желанными все были
И увлекали нежно сердце
Зовущей очи красотой.
Так, слыша сладкие напевы,
Прекрасный юный Бодгисаттва
Жил во дворце своем высоком,
Где вечно музыка слышна.
А царь-отец, во имя сына,
В свершенье Правого Закона,
В своем дворце жил чистой жизнью,
Изгнав из сердца темноту.
Не осквернял себя чрезмерным
Хотеньем, видя в том отраву
И мысли те любя, чрез кои
Покорены сердца людей.
Тех обращая, в ком безверье,
Мир направляя к просветленью,
Хотел всеобщего покоя,
Что нашим детям мы хотим.
Он также был благоговейным,
Пред духами сжигал он жертвы,
И, сжав ладони рук в молитве,

В себя впивал он блеск Луны,
Купался в чистых водах Ганга,
Купая сердце в водах веры,
Стремясь не к малым совершеньям,
Чистосердечно мир любя.
Горя сочувствием к живому
И понимая мудрость духов,
Служа добру, себя явил он
Как мудрый зодчий на Земле.
С самим собою в полном мире,
Являя в членах соразмерность,
Блюдя покой глубокий сердца,
Он совершения свершил.
Меж тем царевич жил в согласьи
С Ясодхарой, своей супругой,
И время шло своим порядком,
Сын Рагула им был рожден.
И мыслил царь: «Мой сын, царевич,
Теперь уже дитя имеет,
Престол наследованьем точным
Вполне надежно укреплен.
И так как сын мой сына любит,
Как я люблю его любовью,
Он не захочет дом оставить,
А будет праведным царем».
Так превосходнейшую карму
Он уготовал лучезарно,
Как Солнце тысячами в мире
Шлет светоносные лучи.
И лишь хотел, чтоб сын, являя
Свои достоинства, был славен,
Чтоб, светлое снискавши имя,
«Рожденный Богом» звался он.

3. ТРЕВОГА

Там, вовне, лежат лужайки,
Брызжет влагой водомет,
Чисты свежие озера,
Разно светятся цветы.
На ветвях дерев, рядами,
Золотистые плоды,
От ветвей глубоки тени,

Стебли — нежный изумруд,
Много там и птиц волшебных,
В играх вьются посреди,
И цветов — четыре рода
На поверхности воды.
Краски — светлы, дух — душистый,
Девы стройные поют,
И царевича пленяют
Струнной музыкой они.
Из чертога слыша пенье,
Он вздыхает о садах,
Хочет он услад садовых,
Быть в смарагдовой тени.
И, лелея эти мысли,
Хочет выйти из дворца, —
Слон в цепях так тяготится,
Хочет воли и пустынь.
Царь, услышав, что царевич
Быть желает во садах,
Повелел их разукрасить
И в порядок привести.
Сделал царскую дорогу
Очень ровной и прямой,
Все убрать с пути, что может
Взор глядевший оскорбить.
Старых, хилых и недужных,
Иль увечных, или тех,
Кто, нуждаясь, непригляден,
Иль чрезмерно воскорбел.
Царь-отец об этом думал,
Чтоб царевич, в этот час,
Сердца юного не ранил,
Огорчение узнав.
Во свершенье приказанья
Разукрашены сады,
И царевич приглашен был
Пред отцом-царем предстать.
Сын приблизился с почтеньем,
Тронул царь его чело,
Цвет лица его увидел,
Грусть и радость ощутил.
Но, в своих сдержавшись чувствах,
Их вовсе не показал,
Рту его хотелось молвить,
Сердце он свое сдержал.

Вот, в камнях самоцветных
Колесница, а пред ней
Четверня красивых, статных,
Равных в приткости коней.
Кони выучки хорошей,
Бег их точно предрешен,
Белоснежные, а сбруя
Перевита вся в цветах.
Строен тот, кто в колеснице
Направляет бег коней.
Путь усыпан весь цветами,
По бокам висят ковры.
Деревца, малютки ростом,
Обрамляют царский путь.
На столбах резные вазы,
Разноцветный вьется стяг.
Чуть повеет легкий ветер,
Шевельнется балдахин,
Светлый занавес качнется,
Шелк узорчатый шуршит.
Вдоль дороги много зрящих,
Смотрят зорко их глаза,
Но не груб тот взор, а кроток,
Словно лотос, что склонен.
Вкруг царевича-владыки,
Свита следует за ним,
Словно это — царь созвездья,
Окруженный сонмом звезд.
Всюду шепот заглушенный,
Редок в мире вид такой,
Все сошлись, богатый, бедный
Кто смирен и кто взнесен.
Бросив дом — как только был он,
Не поставив скот в загон,
И монеты не считая,
И дверей не заперев, —
Все пошли к дороге царской,
Башни все полны людей,
Люди в окнах, на балконах,
На валах, среди дерев.
Все тела склонив согласно,
Взоры все стремя в одно,
Все умы в один сливая,
Были зрящие — как круг.
И окружно устремленный,

К одному тянулся ум:
Вид как бы небесной тени
Возникал и проплывал.
Словно лилия, что только
Перед этим расцвела,
На садовые лужайки
Светлоликий устремлен.
Во свершенье предвещанья,
Старца Риши слов святых,
Вкруг себя царевич смотрит,
Приготовлены пути.
Влагой политы дороги,
У толпы нарядный вид,
Ткани светлы,— и царевич
Ликованье ощутил.
В колеснице златосветной
Пред толпою он возник,
И народ смотрел на блески
Этой юной красоты.
Между тем Властитель-Дэва,
Из пределов Чистоты,
Снизошел, и близь дороги
Он с внезапностью возник.
Превративши лик свой светлый
В дряхлый облик старика,
Он изношенным явился,
С сердцем, слабым от тягот.
И царевич, видя старца,
Страх тревоги ощутил,
Вопрошает он возницу:
«Это что за человек?
Голова его — седая,
Телом дряхл, в плечах согбен,
Очи тусклы, держит палку,
Ковыляет вдоль пути.
Иль он высох вдруг от зноя?
Иль таким он был рожден?»
И возница, затрудненный,
Не умеет отвечать.
Он бы вовсе не ответил,
Если б Дэва вмиг ему
Не умножил силу духа
И ответ не предрешил:
«Вид его иным был видом,
Пламень жизни в нем иссяк,

В измененном — много скорби,
Мало радости живой.
Дух в нем слаб, бессильны члены,
Это знаки суть того,
Что зовем — «Преклонный возраст».
Был когда-то он дитя,
Грудью матери питался,
Резвым юношей он был,
Пять он чувствовал восторгов ¹⁰,
Но ушел за годом год,
Тело порче подчинилось,
И изношен он теперь».
И взволнованный царевич
Вновь возницу спросил:
«Человек тот — он один ли
Дряхлым возрастом томим,
Или буду я таким же,
Или будут все как он?»
И возница вновь ответил
И промолвил, говоря:
«О царевич, и тобою
Тот наследован удел.
Время тонко истекает,
И пока уходит час,
Лик меняется, — измене
Невозможно помешать.
Что приходит несомненно,
То должно к тебе прийти,
Юность в старость облачая,
Общий примешь ты удел».
Бодгисаттва, что готовил
С давних дней оплот ума,
Зодчим мудрости высокой
Безупречным быть хотел, —
О преклонности печальной
Слыша верные слова,
Так сражен был, что внезапно
Каждый волос дыбом встал.
Как в грозу раскаты грома
Обращают в бегство скот,
Так сражен был Бодгисаттва
И глубоко вздохнул.
С сердцем, сжатым пыткой «Старость»,
Взор застылый устремив,
Думал он о том, как скорбно

Бремя дряхлости узнать.
«Что́ за радость, — так он думал, —
Могут люди извлекать
Из восторгов, что увянут,
Знаки ржавчины прияв?
Как возможно наслаждаться
Тем, что нынче силен, юн,
Но изменишься так быстро
И, исчахнув, будешь стар?
Видя это, как возможно
Не желать — бежать, уйти?»
И вознице Бодгисаттва
Говорит: «Скорей назад!
Что́ сады мне, если старость
Надвигается, грозя,
Если годы этой жизни
Словно ветер, что летит?
Поверни же колесницу,
Во дворец вези меня».
Но, как бы придя к гробницам,
Был и дома скорбен он.

Царь, узнав о грусти сына,
Побудил его друзей
Предпринять прогулку снова,
И велел прибрать сады,
И еще пышней украсить
Всю дорогу повелел.
Но теперь явился Дэва
Как недужный человек.
Он стоял там у дороги,
Безобразен и раздут,
С бормотаньем, весь заплакан,
Руки, ноги — сведены.
И спросил опять царевич:
«Это что за человек?»
Отвечал ему возница,
И ответ гласил: «Больной.
Все четыре естества в нем
В беспорядке сплетены¹¹,
Силы нет, и весь он слабость,
Просит помощи — других».
И царевич, это слыша,
Сразу сердцем грустен стал
И спросил: «Один ли только

Скорбен он, или есть еще?»
И ответ гласил: «Такие
Всюду в мире люди есть,
Кто живет, имея тело,
Должен в жизни ведать боль».
Слыша это, был царевич
Мыслью скорбною смущен:
Так, порой, на ряби водной
Схвачен зыбью лик Луны.
«Кто в печи великой горя
Ввержен в дым и в жгучий жар,
Как он может быть спокойным,
Может ведать тишину?
Горе, горе ослепленным,
Если может вор-болезнь
Каждый миг предстать пред ними
И в веселье бросить тьму».
Вновь золотая колесница
Повернулася назад,
И скорбел он — боль недуга
Видя в зеркале ума.
Как израненный, избитый,
Тот, кто посох должен взять,
В одиночестве, в безлюдьи,
Так он жил в своем дворце.
Царь, узнав, что сын вернулся,
Вопрошает — почему.
И ответ ему был точный:
«Боль недуга увидал».
На блюстителей дороги
Царь посетовал весьма,
Сердце он сдержал, тревожась,
Ничего он не сказал.
Он число поющих женщин
Увеличил во дворце,
Вдвое громче раздавались
Звуки пения теперь.
Эти лики, эти звуки
Чарой быть должны тому,
Кто, лелея наслажденья,
Дом не должен разлюбить.
Днем и ночью, множа чару,
Умножается напев,
Но царевич не внимает,
И не тронут чарой он.

Царь нисходит самолично,
Чтоб сады все осмотреть,
Избирает свиту женщин
С наилучшей красотой.
Тех, что смогут все устроить,
С быстрым вкрадчивым умом
И мужское сердце могут
Нежным взглядом уловить.
Он еще поставил стражей
Вдоль по царскому пути
И убраться велел с дороги
Все, что может ранить взор.
Знаменитому вознице
Убедительно сказал,
Чтоб смотрел он хорошенько,
Надлежащий выбрал путь.

Между тем великий Дэва
Из пречистой высоты,
Снизойдя опять, как прежде,
Лик умершего явил.
Перед взором Бодгисаттвы
Тело четверо несли,
Это видел лишь царевич
И возница, не народ.
«Что несут они? — спросил он.—
Там знамена и цветы,
Свита, полная печали,
Много плакальщиков там».
И возница, знаку свыше
Повинуясь, отвечал
И к царевичу промолвил:
«Это мертвый человек.
Жизнь ушла, и силы тела
Истожились у него,
Ум — без мысли, сердце — камень,
Дух ушел, и он — чурбан.
Нить семейная порвалась,
В белом трауре друзья,
Уж его — не радость видеть,
В яме скрыть его несут».
Имя Смерти услышавши,
Был царевич угнетен,
Сердце сжалось мыслью трудной,
И печально он спросил:

«Он один ли, этот мертвый,
Или в мире есть еще?»
И услышал он, что в мире
То же самое везде.
«Жизнь начавший — жизнь окончит,
Есть начало — есть конец.
Силен, молод — но, имея
Тело, должен умереть».
И царевич, отуманен,
Мыслью скорбною смущен,
Весь пригнулся к колеснице,
Словно принял тяжкий гнет.
Пресекалося дыханье
У него, как он сказал:
«О, безумье заблуждения,
Роковой самообман!
Тело — прах, и, это зная,
Не печалясь, живут,
Сердце бьется — и не хочет
Знать, что все исчезнет здесь».
Он к вознице обратился,
Повернуть велел назад,
Чтоб не тратить больше время,
Не блуждать среди садов.
Как бы мог он, с этим страхом
Смерти, ждущей каждый миг,
С легким сердцем веселиться,
Уезжая вдоль пути!
Но возница помнил слово
Говорившего царя,
И назад боялся ехать,
И вперед помчал коней.
Кони дрогнули, и мчались,
Задыхаясь, ко садам,
И примчались к тихим рощам,
Где журчали ручейки.
Возвышались деревья
В изумрудной красоте,
Звери разные блуждали
По земле среди травы.
И летучие творенья
Пели ласково кругом,
Взор и слух имели радость,
Было дивно во садах.

4. ОТРЕЧЕНИЕ

Вот вступил в сады царевич,— и кругом
Стали женщины являть внушенья чар,
Взоры манят, мысли вольные у них,
Каждой мнится: «Я понравлюсь тем и тем».
С тайным замыслом друг к другу наклонясь,
Бьют в ладоши и ногами движут в лад
Или телом к телу льнут, рука с рукой,
И сливаются совсем друг с другом вплоть.
Или в шутках ищут быстрый дать ответ
И улыбкой на улыбку проблестеть,
Иль задумчивый принять и грустный вид,
Чтоб сочувствием внушить ему любовь.
Но увидели они — царевич хмур,
В теле стройном нет его обычных чар,
И смотрели все, и ждали, вверх смотря,
Как мы ждем, порой, восшествия Луны.
Но напрасно были хитрости их всех,
В Бодгисаттве сердце тронуть им нельзя,
И столпились все они, и сбились в круг,
Озадачены, испуганы, молчат.
Брамапутра был в тот миг там во садах,
Он Удаи звался. Женщинам сказал:
«Вы красивы, но плените ль все хоть раз?
Красота имеет власть, но не навек.
Все же держит-держит мир она в плену
Силой чувственной и тайностью путей,
Все же в мире вашим чарам не идти
Вровень с чарами небесных дивных дев.
Боги, видя их, ушли бы от Богинь,
Духи были бы в соблазны введены,—
Что ж царевич, пусть он даже царь Земли?
Почему бы не проснуться чувствам в нем?
В оно время ведь была же Сундарй,
Ей великий Риши был же сокрушен,
Вовлекла она его в любовь к себе
И принизила хваленость высоты.
Также был еще Висвáмитра Брамин,
Прожил он в молитвах десять тысяч лет,
А корабль его был сразу сокрушен,
В день один царицей Неба был пленен.
Если были те Брамины сражены,
Много можете вы, женщины, теперь,
Измышляйте ж сети новые любви,

И запутан царский сын в них будет вмиг.
Слабы женщины, природа такова,
Но мужчинами умеют управлять,
И чего же не сумеют совершить,
Чтобы чувственность желанья в них зажечь?»

Свита женщин, услышав его слова,
Всколыхнулась и ободрилась вполне, —
Услышавши так касания бича,
Заленившийся проснется сразу конь.
Снова — музыка, веселый разговор,
Зубы белые, брови подняты у них,
Очи смотрят, — взор, горя, идет во взор, —
В легких тканях видны белые тела.
Изгибаясь и жеманно подходя,
Как невеста, что застенчиво идет,
Так идут они с желанием любви,
Женской сдержанности больше нет у них.
Но царевич в сердце был неколебим,
Был безгласен, соблюдая тишину, —
Так стоит, порой, один могучий слон,
Стадо ж все толпится шумно вокруг него.
Так божественный был Сакра в небесах,
Вкруг него же Дэви Неба всей толпой,
Как царевич ныне медлил во садах,
Светлым множеством красавиц окружен.
Но напрасно им одежду поправлять,
Изливая благовонья на тела,
Но напрасно им цветы перевивать
И шептать друг другу тайные слова, —
Вместе, порознь, говорят или молчат,
Для соблазна выгибают ли тела, —
Бодгисаттва, как скала, в себе замкнут
И для грусти и для радости закрыт.
Видя странные старания их всех,
Глубже думает, все глубже мыслит он,
Видит женские он замыслы насквозь,
Начинает понимать всю их тщету.
«И не ведают, — так молча мыслит он, —
И не ведают, как скоро красота
Опадает, как увядший лепесток,
Смята старостью и смертью взята.
В том великая беда, что знанья нет!
Обольщенье затеняет их умы.
День и ночь тот обоюдоострый меч

Им грозит, — но вот, не помнят про него.
Старый возраст, и болезнь, и с ними смерть,
Эти чудища возможно ль созерцать
И, глядя на них, смеяться и шутить,
С мертвой петлею на шее — ведать смех?
Человека — человеком ли назвать,
Если внутреннего знания он лишен!
Не из камня ли фигура он тогда,
Не из дерева ли сделанная тень!
Не растет ли так в пустыне стройный ствол,
Есть плоды на нем, и ветви, и листья,
Но спилят его, а призрак от него
И не ведает, что вот последний миг!»

Тут к царевичу Удаи подошел
И, увидевши, что пять желаний спят,
«Магараджа, — так он начал говорить, —
Другом сыну своему велел мне быть.
Говорить мне можно ль дружески с тобой?
Друг — трояк: он, что не нужно, устранил,
В чем действительно нужда есть — достает,
И в превратности он с другом тут как тут.
Про такого — просветленный говорят,
Просветленным другом быть тебе хочу.
В чем же три истока выгоды узреть?
Слушай, верные слова тебе скажу.
Если молодость созрела и свежа
И в расцвете все улады красоты,
Неги женского влиянья не принять, —
Это значит, что бессилен человек.
Иногда лукавство должно допустить,
Подчиниться малым хитростям вполне,
Тем, что в сердце там гнездятся, в глубине,
Как в течениях подводных держат путь.
В наслаждениях коль шалостью ты взят,
То не худо в женском мнении, никак, —
Если в сердце нет желания сейчас,
Все же играм этим нужно уступать.
Сердцу женскому согласие — восторг,
Уступить ему — есть полная краса.
Если ж это отвергает человек,
Он как дерево без листьев и плодов.
Почему ж, однако, нужно уступать?
Чтобы в этом всем удел свой получить,
Раз возьмешь его — конец тревогам всем,

Переменчивость мечты не мучит нас.
Наслажденье — помысл первый есть у всех,
Без него самим Богам не обойтись.
Сакра-бог к жене был Риши привлечен,
Он супругу Гаутамы полюбил.
И Агастия так Риши, что уж был
В долгой ночи воздержанья много лет,
Пожелавши Дэви нежную обнять,
Вспыхнул так, что все заслуги потерял.
Бригаспати, Чандрадэва, и еще,
Парасара, Каваньджара, и еще,
Эти все, и с ними множество других,
Были женскою любовью сражены.
Сколь же больше должен ты медвяность пить,
Преимущества имея все свои,
Знать в пленительных уладах свой удел,
Окруженный всеми теми, кто с тобой».
Слыша то, что говорил Удайи-друг,
Те искусно сочетанные слова,
Этих тонких различений образцы
И примеры, приведенные с умом,—
Так царевич, отвечая, говорил,
Так словами он подробный дал ответ:
«Я за искренность тебя благодарю,
Дай и мне ответить искренно тебе,
И покуда ты внимаешь,— приговор
Пусть помедлит, молча, в сердце у тебя.
Я совсем не безучастен к красоте,
Человеческих восторгов знаю власть,
Но на всем измены вижу я печать,
Оттого в тяжелом сердце эта грусть.
Если б это достоверно длилось так,
Если б старость, смерть, болезнь — не ждали
нас,

Упивался бы любовью и я, —
Не узнал бы пресыщенье и печаль.
Если женщинам ты этим возбранишь
Изменяться или вянуть в красоте,
Пусть в любовных наслажденьях есть и зло,
Все же им держать в неволе ум дано.
Знать же только, что другие где-то там
Заболели, постарели, видят смерть,
Только это знать — и радости уж нет,—
Что же, если это ведать про себя!
Знать, что эти наслаждения спешат,

Ускоряют порчу тел и гнилость их,
И, однако ж, предаваться снам любви,—
Люди в этом превращаются в зверей.
Многих Риши ты приводишь имена,
Что по чувственным дорогам в жизни шли,—
Их примеры умножают скорбь мою,
В том, что сделали, погибель их была.
Ты приводишь имя славного царя,
Что служил свободно всем своим страстям,—
Как они, и он в деяньи том погиб,
Победителем отнюдь он не был в том.
В сеть уклонных слов кого-то уловить,
Улестить кого-то. волю взять его,
Ум мутя, узнать уступчивое «Да»,—
Или замысел тот правильно-красив?
Это значит лишь — обманом соблазнить,
То пути не для меня и не для тех,
Кто достоинство и правду возлюбил,
Ибо истинно неправы те пути.
В этом следовать нельзя мне ни за кем,
Ни с бунтующимся сердцем — уступать.
Старый возраст, и болезнь, и смерть — грядут,
Горе движут к нам и горе громоздят.
Их влияньем все кругом меня полно,
Их присутствие везде, увы, увы!
И вот в этом-то нет друга у меня,
О Удаи, это в мыслях — может встать!
Боль рожденья, старый возраст, смерть,
болезнь,—

Это мучает и это нам грозит,
Очи видят, как все падает кругом,
И, однако ж, сердце следует за всем.
В этом мало что могу я повелеть,
Сердце слабое совсем поглощено,
Вижу старость, вижу бѣдность, вижу смерть,
Так я не был никогда еще смущен.
Ночь не сплю и мыслю днем,— восторг ли
знать! —
Старость ждет, болезнь придет и смерть
верна,—
Если б не был я печалью омрачен,
Деревянным бы иль каменным я был».

Так царевич, в усложненный свой ответ
Пытки сладостей вводя, их означал

И не видел, что, пока он говорил,
День бледнел и, догорая, угасал.
Звоны музыки и чары унося,
Увидав, что все старанья ни к чему,
Удалилися все женщины, стыдясь,
Возвратилася в столицу их толпа.
И царевич, в той безлюдной тишине,
Увидавши опустелые сады,
Вдруг почувствовал изменчивость вдвойне
И вернулся опечален во дворец.
Царь-отец, спросив о сыне и узнав,
Что от радостей царевич отвращен,
Был такой великой скорбью поражен,
Точно в сердце острый меч его пронзил.
Он немедленно же созвал весь совет,
Вопрошал, и все ответили ему:
«Недостаточно желаний для того,
Чтобы сердце, полонивши, удержать».

5. РАЗЛУКА

И царь увеличил возможности чары,
Влеченья телесных усад.
Ни ночью, ни днем не смолкали напевы,
Царевич от звуков устал.
Ему опостытели нежные звоны,
Он жаждал отсутствия их.
Он думал о старости, боли и смерти,
Как лев был, пронзенный стрелой.
Послал к нему, зоркой заботой тревожим,
Отменных советников царь
И тех из родных, что с младыми летами
Красу сочетали и ум.
Чтоб, ночью и днем пребывая с грустящим,
Влияли они на него.
Чрез малое время царевичу снова
Возжаждалось выезд свершить.
Опять колесница золотая готова,
Рысистых коней четверня,
И с свитой блестящей друзей благородных
Из пышных он выехал врат.
Как, семенем выращен четырехкратным,

Под Солнцем сияет цветок,
Так в блеске духовном был светел царевич,
В нем юное время — как луч.
Меж тем как из города ехал в сады он,
Ему уготован был путь,
Цветами, плодами сияли деревья,
И сердцем беспечен он был.
Но возле дороги он пахарей видел,
Что шли, проводя борозду,
И черви там вились, — и дрогнуло сердце,
И вновь был пронзен его дух.
О, горестно видеть свершенье работы,
Работают люди с трудом,
Тела склонены их, и волосы сбились,
На лицах сочащийся пот.
Запачканы руки и пылью покрыты,
Пригнулись волы под ярмом,
Разъяты их рты, и неровно дыханье,
И свесился набок язык.
Царевич, исполнен огнем состраданья
И с любящим нежным умом,
Был ранен такою пронзающей болью,
Что в пытке своей застонал.
Сойдя с колесницы и севши на землю,
На зрелище боли смотрел,
И в мыслях, сплетясь, протянулись дороги
Рожденья и смерти пред ним.
«Увы, — он вскричал, — злополучие миру,
В несведущей он темноте!»
И спутникам он предложил, чтобы каждый,
Где вздумает, там отдыхал.
Сам сел он под тению дерева Джамбу
И мыслям отдался своим.
Он думал о жизни, о смерти, о смене,
О тлене, о дальнем пути.
Так сердце свое закрепив без смущенья
И тучкой пять чувств затянув,
В просвете он внутреннем весь потерявшись,
Изведаль первичный восторг¹².
Первичная чистая степень восторга,
Все низкое прочь отошло,
Настало затем совершенство покоя,
Слиянье с Верховным в одно.
Отдельность души от препоны телесной,
Один ясновидящий взор.

Он видел страду и томление мира,
Предельное горе его.
Болезнь разрушает, и в старости — тленье,
И смерть убивает совсем,
И люди не могут для правды проснуться,
И гнет он чужой принимал.
«Я буду искать, — он сказал, — и найду я
Один благородный Закон,
Чтоб встал он на смерть, на болезнь
и на старость,

Людей бы от них защитил».
В спокойном потерянный так созерцаньи,
Он думал, что юность, и мощь,
И жизненность силы, в повторном возврате,
Свершают конечный свой тлен.
О том он без радости мыслил чрезмерной,
Без скорби, без смуты ума,
Без грезы дремотной, без крайней истомы
И без отвращения души.
Он думал об этом в спокойствии мира,
Лучами внутри осиян.
И Дэва из Чистых высот появился,
Как Бхикшу, как нищий, пред ним.
Дошел он до места, где медлил царевич,
Царевич почтительно встал,
Спросил его, кто он, и Дэва ответил,
Отвествуя, молвил: «Шаман¹³.
При мысли о старости, смерти, недуге
Томительно я заскучал,
Оставил свой дом, чтоб искать избавленья,
Но всюду, куда ни взгляну,
Все старость да старость, все смерть и недуги,
Все гибнет, не прочно ничто.
Ищу я блаженства чего-нибудь в мире,
К чему не притронется тлен,
Того, что не вянет, того, что не гибнет,
Начала не знает совсем,
На друга и недруга с равенством смотрит,
Не ждет красоты и богатств, —
Ищу я блаженства — того, кто находит
Покой сам с собою один,
В обители тихой, далеко от мира,
Куда не приходит никто,
Не тронут истоком мирских осквернений, —

Что́ нужно поесть, — попрошу».
И как он стоял пред царевичем, — кверху
Поднявшись, в пространстве исчез.
Царевич, с отрадой, подумав, вспомнил
О Буддах, что были в веках,
И в полном нашел соответствии вид их
С явлением того, кто исчез.
Так все сопоставив в уме, самоцельно,
Он мысли о правде достиг
И как до нее досягнуть. Пребывая
В молитвенной этой тиши,
Он чувства свои подавил, он всем членам
Послушными быть приказал,
И в город направился. В это же время
Вся свита сбежалась к нему,
Помедлить просили его; но, лелея
Те тайные мысли в уме,
Он двигался телом по той же дороге,
А сердцем был в дальних горах:
Привязанный слон так, плененный цепями,
Все в диких пустынях умом.
И в город царевич вошел, и увидел
В людском закрепленных людей.
О детях своих умолял его старец,
Молил молодой о жене,
Другие для братьев чего-то просили,
У каждого просьба была.
Все те, кто был связан родством и семьею,
Стремилась к тому иль тому,
Все бывшие слитыми родственной связью,
Разлуки страшились они.
И сердце царевича радость узнало,
Когда он услышал слова:
«Разлука и слитность». «То добрые звуки, —
Он тихо сказал про себя. —
Они мне вещают, что будет свершен он,
Обет, что я принял душой».
Он думал о счастье «родства, что порвалось»,
В Нирвану он мыслью вошел.
И было все тело его — в светосиле,
Как скалы Горы Золотой,
И плечи его — как слона были плечи,
И голос — как вышний был гром,
Лазурны глаза — как у первого в стаде,
У сильного рогом быка,

И светел был лик — как Луна в полнолуние,
Шаги — были поступью льва.
В дворец так вступил он, и, полный почтения,
Как Сакры-Властителя сын,
Он прямо к отцу подошел и,*склонившись,
Спросил: «Как здоровье царя?»
Затем, изъяснивши свой страх, что внушили
И старость, и смерть, и болезнь,
Почтительно он попросил позволения
Уйти и отшельником стать.
«Все в мире, — сказал он, — хоть ныне и слито,
Все в мире к разлуке идет».
И мир он оставить просил разрешенья,
Чтоб «истинность воли узнать».
Отец его, слыша о бегстве от мира,
Сердечной был дрожью пронзен, —
Могучий так слон потрясает клыками
И хоботом ствол молодой.
Он встал и, царевича за руки взявши
И слезы роняя, сказал:
«Постой! Говорить тебе так еще рано,
Не время в молельность уйти.
Ты силен и юн, в сердце — полность биенья,
В молитвенность с этим идти
И трудно и страшно, смущенья приходят,
Желанья возможно ль пресечь.
Оставить свой дом, истязаниям плоти
Отдаться — нелегкий то путь,
Жить в диких пустынях и в долах безлюдных
Возможет ли сердце твое.
Я знаю, ты любишь молитвенность духа,
И мысль о высоком — в тебе,
Но ты еще сердцем не сможешь смириться,
Ведь годы твои — не мои,
Ты должен принять управление царством,
Мне первому нужно уйти.
Оставить отца и свершение долга, —
В том набожность есть ли, скажи.
Ты должен изгнать эти мысли о том, чтоб
Оставить родимый свой дом,
Свой долг соверши, и составь себе имя,
И после уйди от семьи».
Царевич, почтительность чувства явивши,
Мольбу пред отцом повторил,
Оставить свой замысел он обещался,

Коль бед четырех избежит.

«Коль дашь бесконечную жизнь мне,— сказал он,—

И старости я избегу,

Болезнь не узнаю и гибель владений,

Тогда не оставлю я дом».

И царь отвечал, и царевичу молвил:

«Нельзя этих слов говорить.

Здесь нет никого, кто бы мог устранить их,

Сказать их явлению: Нет.

Ты вызовешь смех у людей, если будешь

Стремиться до тех четырех.

Не думай же больше, чтоб дом свой оставить,

Усладам предайся опять».

Царевич промолвил: «Коль эти четыре

Исполнить не можешь мольбы,

Тогда отпусти, не удерживай больше,

Дозволь мне оставить мой дом.

Молю, затруднений не ставь на дороге,

В горящем чертоге твой сын,

Ужели ж удерживать будешь в пожаре,

Покуда и он не сгорит?

Кто хочет сомненья распутать, он волен,

Не держат его, а не то

Себя он разрушит, дойдет до разгадки

Иным безвозвратным путем.

Неправой дорогой. А после, за смертью,

Кто сможет его удержать?»

И царь увидал, что решение твердо,

Что тратить напрасно слова.

Он женскую свиту сзывает немедля,

Чтоб сына к усладам увлечь.

Беречь наказал он пути и дороги,

Чтоб он не покинул дворец.

Он также созвал всех советников края,

Дабы рассказали они

Примеры сыновнего сильного чувства,

Царевича тронуть ища.

Царевич же, видя, что царь весь заплакан

И скорбью своей отягчен,

В чертог удалился к себе, и сидел там

И думал в молчании он.

Все женщины, бывшие в пышных палатах,

Придя, окружили его,

И молча смотрели на облик красивый,
Не беглым был взгляд их очей,—
Смотрели, как лани, что в чаще осенней,
Увидя охотника, ждут,
Царевич же стройный, царевич красивый
Застыл, как утес золотой.
В сомненьях танцовщицы медлили, ждали,
Велит ли он петь и играть,
И в сердце их — страхом удержано чувство,
Так медлит олень за кустом.
И день уж бледнел и бледнел постепенно,
Сидел он в вечерней заре,—
И свет от него исходил лучезарно,
Как свет от Сумеру-горы,—
На ложе, блестящем от ценных камней,
И в дымах сандала кругом.
Вокруг же танцовщицы с музыкой были,
И редкостный длился напев,
Но мысли царевича гнали напевность,
Он звуков умом не хотел,
И страстные звуки чертог наполняли,
Но он не слышал их совсем.

Узнав, что царевича время пришло,
Тут Дэва из Чистых высот
Во образе внешнем спустился на Землю,
Чтоб женские чары убить.
И полуодетые призраки эти,
Забывшись в сковавшем их сне,
Являли глазам некрасивые формы,
Их скорчены были тела.
Разбросаны лютни, разметаны члены,
Спина прилепилась к спине;
Другие как будто потопшими были,
А их ожерелья — как цепь;
Одежды их были увиты, как саван,
Или выявлялись комком;
Красивыми были и вот уж увяли,
Как сломанный маковый цвет;
Иные во сне до стены прижимались,
Как будто повешенный лук;
Иные руками цеплялись за окна,
Смотря как раскинутый труп;
Иные свой рот широко раскрывали,
Противно сочилась слюна,

И волосы были всклокочены дико,
Безумия жалостный лик;
Цветочная перевязь порвана, смята,
Растоптанный в прахе лохмоть;
И в страхе иные приподняли лица,
Как в пустоши птица одна,
Царевич сидел, в красоте лучезарной,
И молча на женщин смотрел,
Как юны сейчас они были и нежны,
Как искрист веселый был смех!
Как были прекрасны! И как изменились!
И как неприятен их вид!
Вот женщины нрав. Лишь обманчивый призрак.
Заводят мужские умы.
И молвил себе: «Я проснулся для правды,
Оставлю я тех, в ком обман».
А Дэва из Чистых высот, снизошедши,
Приблизился, дверь отомкнул.
Царевич встал с места и между простертых
Поверженных женщин прошел,
Дойдя с затрудненьем до внутренних горниц,
Возницу он, Чандаку, звал.
«Душа моя жаждет, испить она хочет
От влаги нежнейшей росы.
Седлай же коня мне. Скорее. Желаю
Я в город бессмертный войти.
Я жажду. Решился. И связан я клятвой.
Нет чар в этих женщинах мне.
Врата, что замкнутыми были, разъяты.
В судьбе моей здесь поворот».
И Чандака думал, что, должен ли слушать
Веленье царевича он,
Царю не сказавши об этом и этим
Снискав наказание себе.
Но Дэвы послали духовную силу,
И конь, уж оседлан, стоял,
Скакун превосходный и в сбруе блестящей,
Готовым он в путь выступал.
С высокою гривой, с хвостом словно волны,
С широкой и сильной спиной,
С значительным лбом, с головой как бы птичьей,
С ноздрями как будто клешни,
С дыханьем как будто дыханье дракона,
Во всем благороден он был.
И царственный всадник, трепля его шею

И тела касаясь, сказал:
«Отец мой и царь мой с тобой был повсюду,
И в битве бесстрашным ты был,—
Теперь на тебя я хочу положиться,
С тобою достигнуть туда,
Где жизнь бесконечная током струится,
И биться с оплотом врагов,
С людьми, что в погоню идут за услугой
И ищут богатства себе.
Иду я искать исцеленья от пытки,
И это во имя того,
Во имя свободы твоей и всеобщей,
Да будет достойным твой бег».
Так молвив, вскочил на коня и поехал,
И был он как Солнце зари,
И конь был как облачный столп устремленный,
Бежал, но, бежа, не хралел.
С ним были четыре незримые духа,
И каждый ногам помогал,
Скрывая копыт повторительный топот,
Бесшумным соделавши скок.
Был духами чтим и отец безгреховный,
И сын несравненный его,
Все члены семьи были в равенстве чтимы,
От Дэв благотворным — привет!
Сдержав свои чувства, но память лелея,
Из города выехал он,
Такой незапятнанный, светлый и чистый,
Как лилия, бросив свой ил.
Свой взор на отцовский дворец приподнявши,
Свой замысел он возвестил,
И в записях мира тех слов не хранится,
Но эти слова не прейдут:
«Когда б не избег я рожденья и смерти
Навеки,— я так бы не шел!»
И духи в пространстве, и Дэвы в высотах
Воскликнули: «Так! Это так!»
И духи в пространстве, и Дэвы в высотах,
Светло совершенства храня,
Сиянье свое излучали обильно,
И свет был на длинном пути.
Так всадник и конь, оба сильные сердцем,
Как звезды, пошли и ушли,
Но прежде чем свет воссиял на Востоке,
Уж были они далеко.

6. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧАНДАКИ

И ночь прешла в одно мгновенье,
Вернулось зренье ко всему,
Царевич посмотрел и в чаше
Обитель Риши увидал.
Ключи журчали и звенели
Необычайной чистоты,
И, увидав, что человека
Здесь не боится зверь лесной,
Возликовал царевич сердцем,
Усталый конь свершил свой бег
И вздохнул, остановившись,
И он подумал: «Добрый знак.
Знать, воля свыше одобряет
И указывает это мне».
Сосуд для сбора подаяний
Он в доме Риши увидал.
Увидел и другие вещи,
В порядке полном были все.
Сойдя с коня, его ласкал он
И вскрикнул: «Вот, привез меня!»
И взором глаз любовно-тихих,
Как нетревожимый затон,
Взглянув на Чандаку, он молвил:
«О быстроногий! Ты — как конь,
Как легкокрылая ты птица,
Повсюду следовал за мной,
Пока я ехал,— и сердечно
Благодарить тебя хочу.
Тебя как верного лишь знал я,
Теперь как сильный ты предстал,
А может человек быть верным
И силы в теле не иметь.
А ты теперь и честность сердца,
И тело сильное явил,
И, быстроногий, ты за мною,
Не ждя награды, поспешал.
Тебя держать не буду больше,
Хоть можно много слов сказать,
Соотношенье завершилось,
Возьми коня и поезжай.
Что до меня, я в долгой ночи
Неисчислимых перемен
Искал найти вот это место

И наконец его нашел». Сняв с шеи цепь, златое чудо, Ее он Чандаке вручил. «Она твоя,— сказал,— возьми же, И да утешит скорбь твою». Взяв из тиары ценный камень, Что как звезда на нем сиял, В его протянутую руку Он это солнце положил. Сказал: «О Чандака, возьмешь ты Вот этот камень-самоцвет, И от меня отцу свезешь ты, Как знак сердечнейшей любви. Пред ним почтительно положишь И от меня моли царя, Чтобы привязанности чувство В своем он сердце подавил. Скажи ему, чтобы избежать Треликой горестной беды — Рожденья, старости и смерти,— В лес истязаний я вступил, Не для небесного рожденья, Не оттого, что сердцем сух, Не оттого, что в сердце горечь, Но чтоб стряхнуть тот гнет скорбей. Нагроможденья долгой ночи, Желанья жаждущей любви, Желаю эту свергнуть тяжесть И опрокинуть навсегда. К конечному освобожденью Я так отыскиваю путь,— Освобожусь, и уж не нужно Мне будет больше порывать Семейной связи, и не нужно Мне будет покидать мой дом. О, больше не скорби о сыне! Он в этом выбрал верный путь. Пять возжеланий скорбь рождают, Чрез страсть они приводят скорбь. От предков, от царей победных, Я получил блестящий трон, Но, лишь блюдя благоговейность, Я отказался от него. Ты говоришь, я слишком молод И мудрости искать — не час;

Ты должен знать, что верной веры
Искать — всегда удобный час.
Непостоянство, и превратность,
И смерть — всегда нас стерегут;
И потому я обнимаю
Текущий настоящий день
И знаю, час вполне подходит,
Чтоб веру верную искать.
Но пусть отец, тѣмься, не рвется
За мною в помыслах своих
И пусть не помнит призрак сына
И ту привязанность порвет.
А ты, прошу я, не печалься
О том, что так я говорю,
Но сохрани заветный камень
И весть мою царю снеси».
С почтеньем слову увещанья
Смущенный Чандака внимал,
И, простирая руки, молвил,
И так царевичу сказал:
«Те повеленья, что даешь мне,
Боюсь, прибавят к скорби скорбь,
Что в сердце глубже погрузится,
Как слон, что бьется меж трясин.
Когда порвут внезапно-грубо
Привязу нежную любви,
Как может тот, в ком бьется сердце,
Не тосковать и не скорбеть!
Руда золотая под чеканом
Быть может сломана порой, —
Так как же с сердцем, если сердце
Печали тяжело пригнетут!
Царевич был в дворце сохранен,
Он был как чадо между нянь, —
Как быть ему в лесу дремучем
И истязанья выносить?
Когда коня седлать велел мне,
Я был мучительно смущен,
Но силы Неба мне внушили,
Что должен я послушным быть.
А ты, царевич, так решаясь
Дворец оставить верный свой,
Каким намереньем влеком ты
И чьим покорствуешь словам?
Скорбит народ Капилавасту,

Объята скорбью вся страна,
Отец твой, помнящий про сына,
Ведь он не молод уж теперь,
Его оставить — дурно это.
Коль кто не чтит отца и мать
И дом родимый покидает,—
Одобрить это можно ль нам?
Ты был беспомощным ребенком,
Готами грудь тебе дала
И молоком тебя кормила,—
К ней обращаться ли спиной?
Среди семей достопочтенных,
Где добродетельная мать,
Возможен ли такой поступок
И одобрителен ли он?
Дитя Ясодхары, что будет
От года к году созревать,
Оно так не уйдет из дома
И не покинет мать свою.
Но, если ты семью покинул
И от царя-отца ушел,
Не прогоняй меня отсюда,
Ты мой хозяин, я слуга.
С тобой моим я связан сердцем
Как жар — с кипящею водой,—
Как без тебя могу вернуться,
Тебя оставив меж пустынь?
Как во дворец прийти к царю мне,
Как буду я ответ держать?
Как отвечать мне на упреки
Всех обитателей дворца?
И как описывать тебя мне?
Отшельник телом искажен.
Я полон страха, я робею,
Слов подходящих не найду.
Кто в целом царстве мне поверит?
Коли скажу, что жжет Луна,
Скорей поверят, чем что может
Царевич — жестко поступать.
Утончен сердцем он и нежен,
В нем к людям — жалость и любовь,
А бросить тех, кто был любимым,
Не постоянный в этом дух.
Вернись домой, вернись, молю я,
Свое томление смири».

И слушал Чандаку царевич,
И пожалел его печаль.
Но сердцем был он тверд в решении,
И так ему он отвечал:
«Зачем такая боль разлуки,
Зачем она из-за меня?
Все существа, путем различным,
О постоянстве говоря,
Явить хотят свое влиянье,
Чтоб не покинул я родных.
Когда ж умру и стану тенью,
Тогда — как смогут удержать?
Я был во чреве у родимой,
И родила она меня —
И умерла, — вскормить родного
Судьбой ей не было дано.
Одна жива, мертва другая,
Где разность встретится дорог?
Как в чаще леса, на деревьях,
Все птички — по две в темноте,
Придет заря — и разлетелись,
Так все разлуки в мире здесь.
Встают высоко в небе тучки,
Как сонмы островерхих гор,
Но вмиг опять они разъяты, —
Так с человеком человек.
Начально это заблужденье,
Любовь и общность меж людей,
Все, как мечта — за сном, растает,
Не называй же имена.
Коли весенние листочки
Спадают осенью с ветвей,
Здесь часть от целого отходит, —
Так как же в обществе людском?
Меж сочетанных человеков
Еще сильней явленье то.
Оставь же горесть и упреки,
Послушен будь, вернись домой.
Лишь твой возврат — мое спасенье,
Быть может, так вернусь и я.
Узнав, что тверд своим я сердцем,
Не будут думать обо мне.
Но ты слова мои поведай:
«Коли пройду я океан,
Пучину смерти и рожденья,

Тогда опять приду назад.
Но я решился непреклонно,
Коль не найду — чего ищу,
Мой прах развеется по ветру,
Среди безлюдья и пустынь». —
И белый конь, его услыша,
Когда сказал он те слова,
Пал на колени пред высоким,
И ноги он ему лизал,
И плакал грустными очами,
И выпускал глубокий вздох, —
Царевич нежною рукою
Его по темени ласкал.
И молвил белому коню он:
«Товарищ верный, не скорби,
Хоть я грущу, скакун мой быстрый,
Так расставаясь с тобой.
Твоя окончилась заслуга,
И доблесть ты явил сполна,
Надолго отдых ты узнаешь
От мук рождения теперь.
И вот сейчас твоя награда,
Каменья ценные возьми
И этот меч, что искры мечет,
И вслед за Чандакой ступай».
Горящий как драконье око,
Царевич вынул острый меч,
И узел он волос им срезал,
В котором яркий яхонт рдел.
Он бросил волосы в пространство,
Они взошли на небосвод
И плыли там в провалах света,
Как крылья феникса плывут.
И там, где тридесять три бога ¹⁴,
Схватили духи Света их,
И, завладевши волосами,
Они вернулись в небеса.
Свершители благоговений,
Они свершают их вдвойне,
Владея тем венцом лучистым,
Покуда Правый жив Закон.
Царевич царственный подумал:
«Моя краса теперь ушла,
Освободиться только нужно
От этих шелковых одежд».

Узнав, о чем царевич мыслит,
Тут Дэва Чистой высоты
Взял лук, за пояс вставил стрелы
И вмиг охотником предстал.
На нем покров был темноцветный,
И так к царевичу он шел,
Царевич видел цвет покрова,
Смотрел на этот цвет земли
И думал — он подходит к Риши,
Нейдет к охотнику совсем.
Его к себе он подзывает
И мягко говорит ему:
«Как будто бы он не был темным,
Мне приглянулся твой покров,
Дай мне, прошу, твою одежду,
А я в обмен отдам свою».
«Хоть мне нужна моя одежда,
Чтоб дичь не видела меня,—
Тот молвил,— но тебе в угоду,
Отдам ее в промен твоей».
Охотник, взяв наряд роскошный,
Вновь принял свой небесный лик,—
Царевич с Чандакой, то видя,
Мысль редкостную ощутил:
«Покров тот — не покров обычный,
Не человек мирской был в нем».
И был возрадован царевич,
Смотря на этот темный цвет.
Потом, как туча, что нависла
И окружила лик Луны,
На миг застывшим глянув взглядом,
Он в грот отшельника вступил.
Не отрываясь зорким взором,
Печально Чандака глядел,
И вот ушел, исчезло тело,
Его уж больше не видать.
«Мой господин и мой хозяин
Теперь покинул отчий дом,—
Вскричал он горестно,— покинул
Любимых, кровных, и меня.
Он в цвет земли теперь оделся,
Вошел в мучительный он лес».
Воздевши руки, так скорбел он
И в скорби двигаться не мог.
И наконец, руками взявшись

За шею белого коня,
Пошел вперед он, спотыкаясь,
И, медля, все смотрел назад.
И тело шло своей дорогой,
А сердце шло своим путем,
И в мыслях так он забывался
И потуплял свой взор к земле,
И упadaющие веки
Он снова к небу поднимал,
Вставал, упав, и снова падал,
И плакал, и домой так шел.

7. ЛЕС

Когда царевич, с Чандакой расставшись,
В жилище Риши мудрого вступил,
Весь лес он озарил, сияя телом,
Он в Месте Пыток¹⁵ ярко воссиял.
Он одарен был всяким совершенством,
И совершенства отразили свет.
Как царь зверей, могучий лев, когда он
В толпу зверей властительно войдет,
Из их умов обычность мыслей гонит,
И каждый видит подлинно себя,—
Так эти Риши тотчас все собрались,
И, увидав, что чудо между них,
Испытывали радость вместе с страхом,
И, руки сжав, глядели на него,
Кто что держал в руке, не выпуская,
И, вмиг застыв, смотрел перед собой.
Павлины и другие птицы, с криком,
Явили чувство хлопаньем крыла.
Отшельники оленьего устава,
Что всюду за оленями идут
Среди прогалин горных, наблюдая
Согласно с ними образ жизни свой,
Увидевши царевича, смотрели
Блестящими глазами на него.
Один другому говорил, дивясь:
«Один он из восьми Великих Дэв»,
Другие говорили: «Звездный Гений»,
И третьи говорили: «Мара он,
Великий искуситель», и другие
Сказали: «Сурья-Дэва, Солнце-Дух».

Царевич обратил, привет приявши,
К Отшельникам почтительный ответ,
И спросил он старшего меж ними,
Каков есть верной веры правый путь.
И отвечал ему рожденный дважды,
Все трудности устава изъяснил.
Одни едят — не то, что есть в селеньях,
А только то, что в чистой есть воде;
Другие — только ветки молодые,
Плоды, цветы и корни, что в земле;
Одни живут как птицы, и как птицы,
Что швоят, то и служит пищей им;
Другие щиплют травы, как олени;
Иные только воздухом живут,
Как змеи; а иные просят пищу
И отдают, остатки лишь едя;
Иные лишь едят двумя зубами,
Пока не будет ран у них во рту;
На голову иные принимают
По капле воду; служат и огнем;
В воде живут иные, словно рыбы;
Отшельники в лесу есть видов всех,
Они идут дорогой истязаний,
Чтобы в конце родиться в Небесах.
Царь человеков, мастер превосходный,
О всех услышав способах тягот
И в них совсем зерна не видя правды,
Отрады в сердце он не ощутил.
Задумавшись, глядел он с состраданьем,
В согласьи с сердцем рот его сказал:
«Поистине, подобные страданья
Прискорбно видеть, — и притом их цель
Людская иль небесная награда.
В возвратности рождений и смертей,
Как много вы выносите мучений,
Как скудно награждение у вас!
С друзьями расставанье, отречение
От положений тех, где был почет.
Ваш внешний лик, разрушенный чрез вас же,
Чрез пытку многократную ваш путь, —
И это все лишь с тем, чтоб вновь — рожденье,
Продленье пятикратного «Хочу»,
Через страданье — ищите страданья,
Рожденье — смерть и вновь с рожденьем —
смерть.

Бояся боли, длите пребыванье
В пучине боли, в море вечных мук,
Бежите одного разряда жизни,
Чтобы другой немедленно создать.
Что делом восстает на здравый разум,
Тот в сердце как бы корчами стеснен,
Телесное есть лишь причина смерти,
Исходит сила только из ума.
Коль ум из поведенья удалим мы,
Телесное деянье есть лишь гниль,
Так должно упорядочить нам разум,
И тело будет правильно идти.
Есть чистое, то в набожном заслуга,
Вы говорите: если это так,
И звери, что питаются травой,
Знать, в набожном заслугу совершат.
Страдать, вы говорите, есть заслуга
Дальнейшая, когда ты сердцем добр;
Так почему же те, кто не страдает,
Не могут сердца доброго иметь?
И если испуленные все эти,
Живя в воде, лишь чисты потому, —
И тот, кто духом зол, вступая в воду,
Он тоже, значит, будет чист и свят?
Коль праведность — основа чистой жизни,
Такое обиталище есть зло:
Что праведно, должно быть очевидно,
Его не прятать нужно, а являть».
Так о вопросах веры рассуждая,
Заката Солнца дождались они.
Огнепоклонства видел он обряды,
Как чистый пламень в дереве сверлят,
И как его обрядно раздувают
И возлиянья делают из масл,
И слышал, как поют притом молитвы,
А Солнце между тем совсем зашло.
Смысл надлежащий в этом не увидев,
Царевич восхотел от них уйти.
Отшельники же все вокруг собрались
И умоляли, чтоб остался он.
«Пришел сюда из мест ты нечестивых,
В наш лес, где вера правая цветет,
И вот уже уйти от нас желаешь,
Итак, тебя мы просим, подожди».
Все старые отшельники, что были

В одежде из коры и чьи волосы
Лохматы и запутанны торчали,
Просили Бодгисаттву: «Подожди».
Увидя этих возрастом преклонных,
Под деревом Бодгисаттва подождал,
И юные и старые сошлись
И, окружив его, просили так:
«Придя сюда нежданно, в эти рощи,
Исполненные всяческих прикрас,
Зачем теперь уходишь ты отсюда,
Чтоб совершенство меж пустынь искать?
Как человек, что любит долготелье,
Не хочет тело отпустить свое,
Так мы теперь тебя остаться просим,
И не хотим отсюда отпускать.
И Риши, и Брамины постоянно
Здесь пребывали, набожность блюдя,
Небесные и царственные Риши
Здесь в этих самых медлили лесах.
Места, что возле снежных гор ютятся,
Где каются — кто кровию высок,
Сравниться с этим те места не могут,
Отсюда все взошли на Небеса.
Коль нас ты усмотрел как нерадивых,
В нас видишь не довольно чистоты,
Так мы должны тогда уйти отсюда,
А ты останься и почти сей лес».
И молвил Бодгисаттва, и ответил:
«Ищу пути я правого спастись,
Хочу разрушить все влиянья мира,
У вас же всех — пресильные сердца.
К вам всем исполнен я благожеланья,
Приятная беседа всем мила,
Вас слыша, я окреп в благоговеньи.
И вы ко мне с почтеньем отнеслись.
Но вынужден я ныне удалиться,
И сердце оттого весьма скорбит,
Оставил я своих родных и кровных,
А ныне с вами разлучаться мне.
Боль расставанья с теми, кто содруг твой,
Терзание разлуки — велико,
Не может не скорбеть мой дух при этом,
Как недостатки должен видеть он.
Но вы, терпя страдания, хотите
Отраду знать рожденья в Небесах,—

А я хочу от Трех Миров спастися,
Что ум отверг, отбросить должен я.
Закон, что вы свершаете здесь жизнью,
Наследство прежних есть учителей,—
Я ж накопленья все хочу разрушить,
Закона не такого я ищу.
Подобного Закон мой не допустит.
И потому я медлить не могу,
И в роще мне не должно оставаться,
Чтоб бесполезный продолжать здесь спор».
Отшельники, услыша Бодгисаттву,
Всей правдой полновесные слова,
В основах превосходство разделений,
Почтением исполнились в сердцах.
В то время был там некий Брамачарин,
Который постоянно спал в пыли,
С запутанными был он волосами,
Одет он был в древесную кору,
Глаза его от гноя пожелтели,
Он полностью истязаний проходил,
Тем, что зовется там «высокость носа»,—
Поднявши нос, на Солнце он глядел.
Он к Бодгисаттве с словом обратился:
«Ты, сильный волей, мудростью маяк,
Решивший выйти из границ рожденья
И знающий, что в этом лишь — покой,
Не жаждущий небесных благодатей,
Хотящий плотский лик разбить в веках,
Поистине чудесен ты по виду,
Как ты один такой имеешь ум.
Осуществляя жертвы пред Богами
И умерщвленья плоти проходя,
Готовим мы небесное рожденье,
Без смерти себялюбного «Хочу».
В том замысел еще себялюбивый,
Предельного ж спасения искать,
То — истинный учитель замышляет,
То — мастер просветленный восхотел.
Тебе — не подходящее здесь место,
Твой путь — на гору Пáндаву идти,
Туда, где жив мудрец великий, Муни,
Арада Рама — имя есть его.
Лишь он увидел цель благоговений,
Закона око, правую мету.
Ступай же в место, где он пребывает,

И слушай, как толкует он Закон.
Научись свершать его веленья
И в сердце возликуешь ты весьма.
Что до меня, твое решенье видя
И за покой свой собственный страшась,
Еще однажды должен отпустить я
Учеников, что следуют за мной,
Искать других и голову прямее
Еще держать, глядеть во все глаза,
Смочить свой рот, свои очистить зубы,
Покрывши плечи, лик мой озарить
И сделать мой язык подвижно-гладким.
Амриты так испив, росы живой,
Что ты даешь в кринице лучезарной,
Пучин неисследимых я бегу.
Ничто с тем во вселенной не сравнимо,
Не знали Старцы, Риши,— узрю я».
Услышав это слово, Бодгисаттва
Сообщества Отшельников ушел,
Они же, вокруг него ступая вправо,
Вернулись все на прежние места.

8. СКОРБЬ ВО ДВОРЦЕ

И Чандака скорбящий
Дорогой вел коня,
И шел, и горько плакал,
Души не облегчить.
С царевичем был ночью,
Отослан он теперь,
Приказано вернуться,
Держать домой свой путь.
Когда вокруг сомкнулась
Ночная темнота,
Он в духе колебался,
Решиться он не мог.
На день восьмой он прибыл
До города, и конь,
Скакун тот благородный,
Отлично поспешал.
Но, быстроту являя,
Вокруг себя смотрел,
Сомнительно искал он:
Царевич, где же он?

И ноги утомились,
Сгибаясь от труда,
И голова и грива
Утратили свой блеск.
Со скорбью в звуке ржанья,
Ни ночью он, ни днем
Не захотел напиться
Или травы поесть.
И вот Капилавасту,
Печальная страна,
Весь край — опустошенный,
Как брошенный лежал.
Как будто бы селенье,
Где жителей уж нет,
Иль мир, когда сокрылся
Лик Солнца за горой.
Не били водометы
Прозрачную струей,
Все цветики-цветочки
Появили на стеблях.
Померкли на деревьях
Златистые плоды,
Иссохли и опали,
И вот их больше нет.
Потеряны в печали,
На улицах везде
Мужчины тосковали,
И женщины при них.
Так Чандака, неспешно,
И с ним тот белый конь,
Шли молча, как проходят
Во время похорон.
Царевича не видя,
Лишь Чандаку с конем,
Скорбел народ и плакал,
И голос был в толпе:
«Царевич, сладость мира,
Народа верный друг, —
Куда его ты спрятал,
Где ныне он живет?»
И Чандака, печалась,
Народу отвечал:
«Вослед я за любимым
Пошел, его любя.
Не я его оставил,

Он отослал меня.
Обычные одежды
Все сбросил он с себя,
И, с бритой головою,
Монашеский покров
Надел он, и вошел он
В дающий муку лес».
Услышав, что царевич
Отшельник стал теперь,
Кругом все дивовались,
Изведав странность дум.
И тяжело вздыхали,
И плакали они,
И так один другого,
Дивясь, вопрошал:
«Что целесообразно
Нам ныне предпринять?»
И сразу все вскричали:
«Мы поспешим за ним.
Телесная основа
Ослабнет у кого, —
Весь остов умирает,
И отлетает дух.
Так наша жизнь — царевич,
И наша жизнь ушла, —
Как это пережить нам
И как нам дальше жить?
Сей город, что прекрасен
Среди своих холмов,
Сии леса и рощи
На городских холмах, —
Все прелести лишилось,
И опустело все,
Как будто это мертвый,
И точно это труп».
И, тщетно ожидая,
Что он вернется к ним,
Спешили на распутья
И ждали у дорог.
Не знали, что царевич,
Потерян или жив,
И всячески скорбели,
И стон стоял кругом.
«Смотрите! — говорили, —
Как Чандака идет,

Как медленно идет с ним
И белогривый конь.
Царевич, верно, умер,
Царевича уж нет».
К печали прибавлялась
В сердцах еще печаль.
И Чандака, как пленный,
Влекомый пред царя,
Вошел в дворец — с глазами,
Ослепшими от слез.
Тогда, взглянув на Небо,
Он громко восстал,
Заржал и белогривый,
Услышать — скорбь одна.
Все кони на конюшнях,
Все птицы, звери все,
Услышав это ржанье,
Ответили ему.
Все думали: «Царевич
Вернулся во дворец».
Царевича не видя,
Сдержали возглас свой.
И женщины, что ждали
Там сзади во дворце,
Услыша эти ржанья
И крик зверей и птиц,—
Болезненные тени,
Приподняли тела,
Без всяких чарований,
Как звездочки во мгле.
Их волосы — все сбиты,
Их лица — желтый цвет,
Иссохли рты и губы,
Нечисты их тела,
Нечисты и немыты,
Нет силы для прикрас,
Разорваны одежды,
Веселья в лицах нет,—
Разбойник так бывает
Запачкан, загрязнен.
Вон Чандака, он плачет,
Вон конь, и он в слезах,
А жданный, а желанный
Сокрылся, не пришел.
И поднялось рыданье,

Вознесся дружный вопль,—
Так плачут об умершем.
Метались они,
Как стадо, потерявших,
В грозу свой путь, быков.
Праджапати Готами,
Услыша о беде,
Без чувств упала наземь,
Как сломанная вся.
Так вихрем сумасшедшим
Крушится вдруг платан
И падает на землю
Всей золотой листвою.
И снова, услышавши,—
Отшельник сын ее,—
Вздыхала безутешно
И думала она:
«Увы, что эти кудри,
Где каждый волос — луч,
И вольный и блестящий
Иль связанный в венец,—
Увы, что эти кудри
Обрезаны теперь,
Нисброшена корона,
Повержена в траву!
Покатые те плечи,
Походка — поступь льва!
Сверкающие очи,
Как у царя быков!
Сияющее тело,
Как золотой отлив!
И этот голос Браммы,
И эта сила-грудь!
Достоинства такие
Имея, ты ушел
И в лес вступил, который
Дает печаль и скорбь.
Для мира что ж осталось,
Когда потерян им
Такой, средь всех единый,
Святой и добрый царь?
Подумать, эти ноги,
Что нежной белизной
И гибкостью подобны
Лилейному цветку,

Ступать по камню будут,
По терниям, шипам!
О, как это возможно
Им будет так ступать?
Воспитан и вскормлен
В сохранности дворца,
Омыт водой душистой,
В тончайшее одет,
Избранность ароматов
Приявши телом всем,—
А ныне в стуже ветра,
В сырой ночной росе!
Он где же зябким утром
Найдет себе покой?
Где отдых он отыщет
В полдневный жаркий зной?
О, цвет среди родимых,
Прибежище для всех,
Отыскиваем всюду
И всеми вознесен,—
Зачем неосторожно
Ты сделал так, что вот
Забрезжит день — и должен
Ты попросить поесть?
На ложе на царевом
Привыкший почивать,
В часы, когда не спал ты,
Лишь знавший блеск услад,—
Как вынесешь пустыню
И горы и леса,
Как будешь возлежать ты
На той траве сырой!»
Так думая о сыне,
Сидела на земле.
И женщины из свиты
Приподняли ее
И слезы осушали
На горестном лице.
Другие же, тоскуя,
Печали предались,
Недвижные от скорби,
Со скованным умом,
Как будто на картине
Сидели так они.

Ясодхара грустила,
Так Чандаку браня:
«Он где ж теперь, он где же,
Кто здесь в уме всегда?
Ушли вы вместе, двое,
При вас был третий, конь,—
Один с конем вернулся
Лишь ты, а где же он?
Все сердце износилось
От боли и тоски,
Тревога в нем и мысли,
Нет отдыха ему.
Обманчивый товарищ!
Неверный человек!
Лихой кователь злого!
Усмешка под слезой!
Изменник ты, изменник,
Как уходил, был с ним
И без него вернулся,
То был коварный план.
Ты только друг по виду,
В душе ты злейший враг!
Являешь свет и нежность,
Затаивая тьму!
И ныне дом весь царский
Так сразу сокрушен,
И царственные эти
Здесь женщины скорбят!
И их печаль безмерна,
Тускнеет красота,
Загрязнены их лица,
Их щеки — путь скорбей!
Когда б царица Майя
Была теперь жива,
На нем одном покоясь,
Как горы на земле,—
Узнавши, что случилось,
Она бы умерла.
Какой удел печальный
И как его снести!»
С конем заговоривши,
Промолвила она:
«И ты, несправедливец!
Как может это быть,
Чтоб, взяв его, увез ты,—

Как вор во тьме ночной,
Жемчужину похитив,
Бежит проворно с ней!
Когда скакал ты в битвах,
Ни стрелы, ни мечи
Тебя не устрашали,
Ни быстрый свист копья!
Теперь же, как преступен
И ветренен твой нрав,
Мою похитил душу,
Ценнейший самоцвет!
О, ты не конь, ты только
Ползучая змея,
И я тебе не верю,
Когда ты так скорбишь!
Теперь ты ржешь печально,
И всюду этот вопль;
Как милого украл ты,
Зачем же ты не ржал?
Когда б тогда заржал ты
И все бы во дворце
Проснулись, — этой скорби
Не знали б мы теперь».
И Чандака, услышав
Те горькие слова,
Вобрал в себя дыханье,
Собой он овладел,
С лица отер он слезы
И, руки сжав, сказал:
«Молю тебя, послушай,
Дай оправдаться мне,
Да не войдем в опалу
Ни я, ни белый конь.
Не порицай, прошу, нас,
Не гневайся на нас,
Вины мы не свершали,
Велели Боги так.
Почтительно хранил я
Веление царя,
Но Боги устремили
Его на путь пустынь,
И ревностно погнали
Они вперед коня.
С дыханием притихшим
Он мчался на крылах,

Едва земли касаясь,
Беззвучно он летел!
Ворота городские
Открылись перед ним!
Пространство было в светах,
Озарено собой!
То Боги совершили.
И что бы значил я?
И что моя есть сила
В сравненьи с силой их?»
Ясодхара, услыша
Правдивые слова,
Почувствовала в сердце
Особенную мысль.
Что Боги совершают,
Свершение есть их,
Того вменить другому
Никак нельзя в вину.
И, гневные упреки
В себе сдержав, она
Дозволила печали
Великой — тлеть и тлеть.
Так на земле простершись,
Невнятно про себя
Слова печальных жалоб
Твердила между слез:
«Две птички были рядом,
Два голубя вдвоем, —
Зачем же разделять их
И как им розно быть!
Ушла моя опора,
Моей поддержки нет!
Молясь, два были вместе,
Разлука между них!
Что слитно, разделилось,
И как мне жить теперь?
И где того искать мне,
Что было столь мое?
В дни оны властелины
Любили с свитой быть,
И с женами искали
Премудрости они.
В их обществе бродили
По долам и лесам,
А ныне он оставил,

Покинул он меня!
Тот, кто приносит жертву,
Устав Браминский чтя,
Он хочет, чтобы с мужем
Жена была одно,—
Вдвоем да совершают
Служение они,
И оба да получают
Награду в должный час.
А ты скупой, царевич,
В служении своем!
Блуждать один пошел ты,
Меня прогнал ты прочь!
Меня когда ревнивой
Ты, что ли, увидал,
Что так оборотился
Ты сердцем на меня?
Тех ищешь, кто тебя уж
Не будет ревновать?
Иль мной ты утомился,
Небесной жаждешь ты?
Но кто прекрасен в личном
Изыществе своем,
Зачем же умерщвления
Отыскивать ему?
Удел со мною общий,
Быть может, презрел ты,
И на меня так сердце
Зачем ты ополчил!
Возьми же на колени
Ты Рагулу к себе!
Увы, красив ты ликом,
Но сердцем ты алмаз!
В тебе весь блеск и гордость,
Весь твой преславный род,—
И тех ты ненавидишь,
Кто сердцем чтит тебя!
О, как же это можно —
Так спину повернуть
К малютке, что едва лишь
Улыбку изучил!
В груди нет больше сердца!
Мой господин бежал!
Ужель меня забудет?
Ужель из камня он?»

Так молвила и смолкла,
Ум помутился в ней.
И дико повторяла
Безумные слова.
И мнилось ей, что видит
Видения она.
В рыданиях лишилась
Всей власти над собой,
Дыханье ослабело,
И наземь пала, в прах.
Так лилия, раскрывшись,
Лежит, изведав град.

Царевича утратив,
И царь-отец скорбел,
Постился, утешенья
Искал он у богов.
Из врат священных вышел,
Молитву совершив,
И вдруг услышал крики,
Рыдания и стон.
И дух его смутился,
Как, если гром гремит,
Под вспышкой молний, стадо
Слонов бежит, стена.
Он Чандаку увидел
И царского коня,
Узнал, что сын — отшельник,
И наземь пал без чувств.
Сановники немедля,
Блюдя и чтя устав,
К спокойствию взывая,
Приподняли его.
Как только он немного
Собою овладел,
К коню он обратился
И так ему сказал:
«Как часто на тебе я
Легко скакал в бою,
Тебя любил я в битве
И восхвалял всегда!
Но ныне ненавижу,
Гнушаюсь я тобой,
И чувство то сильнее,
Чем вся моя любовь!

Мой сын был превосходен,
А ты его унес
И между гор оставил,
Вернулся ты один!
Возьми ж меня отсюда,
Назад не приноси,
Со мной не возвращайся.
Зачем мне больше жить!
Зачем мне править царством,—
Единый мой восторг
Был сын мой, сын родимый,
Мне без него не жить!
Скорбел о сыне Ману,
Владыка жизнью всех,—
Насколько ж скорбь сильнее
У смертного меня!
Царь Аджа, в оно время,
Так сына миловал,
Что потерялся в мыслях
И вдруг был в Небесах.
Я умереть бессилён!
На долгую я ночь
Так закреплен в печали,
Кругом — большой дворец,
Я думаю о сыне,
Я жажду, я один,
Я как один из духов,
Что пить и есть хотят.
Я пить хочу, и влага
Вот здесь, в моей руке,
Но только наклонюсь я,
Ни капли нет воды.
И все ж не умираю,
И все же я живу!
Скорее же ответь мне,
Скажи мне, где мой сын?
Да не умру от жажды.
И да не буду я
Средь духов тех, чья пытка
Быть в жажде навсегда.
В дни прежние, бывало,
Я силен волей был,
Был тверд, нельзя подвинуть,
Как землю не качнуть.
А сына так лишившись,

Всего лишился я,
Нет больше в сердце воли,
Рассудок раздроблен».
И царственный учитель,
Значительный мудрец,
И главный с ним советник,
Прославленный умом,
Царя увещевали,
И каждый говорил:
«Прошу тебя, опомнись
И к мысли пробудись,
Да судорогой ум твой
Не будет искривлен,
Да скорбь тебя не держит
Сведенным в пытке злой!
Родимый край оставив,
Могучие цари
В дни оны рассевались,
Как бы опавший цвет.
Путь мудрости проходит
Твой сын теперь, — итак,
Зачем же предаваться
Печали и скорбям?
Пророчество Аситы
Припомни в этот час
И то, что вероятно,
Надежным ты сочти.
Твое наследство — радость,
Помысли, царь земли!
А ежели ты будешь
Так напрягать свой дух,
То как же не промолвят,
Твой сумрак увидав:
«Менять владыка может
Сердечный жемчуг свой!»
Пошли же нас немедля,
Нам повелев искать
То место, где царевич,
Чтоб мы нашли его.
Чтоб замыслом искусным
И увещаньем мы
Его поколебали
И стихла б скорбь твоя».
И, радуясь на слово,
Им тотчас царь сказал:

«О, если вы поспешно
Уже теперь бы шли
Так быстро, как голубка
Несется из гнезда,
Со всем проворством птичьим,
Чтоб накормить птенцов!
С единственною мыслью
О сыне, лишь о нем,
Я буду ждать и думать,
Найдете ли его!»
Те двое, лишь услышав
Слова его, пошли,
Принявши повеленья,
Лелейно их неся.
А царь, с своей роднею,
Не торопясь пошел,
Чтоб отдохнуть немного,
И, грустный, все ж дышал.

9. ПОИСКИ

Учитель и советник торопились,
Царь торопил их, скорбь свою сдержав:
Так горячат коня, и конь ретивый,
Почуя хлыст, стремится как поток.
Устали, но с усилием неослабным
Пришли они в дающий пытки лес.
Свой лик тогда согласовавши с должным,
Сложив пять отличительных примет,
Достоинства все видимые знаки,
Они вошли в Браминский тот уют
И почитанье выказали Риши.
Те, в свой черед, просили их присесть.
Они спросили: «Где царевич светлый,
Что сделался отшельником, ища
От старости, и смерти, и болезни
Освобожденья? Мы за ним пришли».
Брамины, отвечая, так сказали:
«Тот юноша — все признаки есть в нем
Великого? Свободно говорил он
О жизни и о смерти и ушел
К Араде, полный путь освобожденья
Желая отыскать». И двое те,
Не смея колебаться в предприятьи,

Немедленно отправились в путь.
Прибывши в лес, где жил царевич светлый,
Увидели его, он им предстал
Как внешнего достоинства лишенный,
Но тело изливало яркий свет:
Так Солнце, исходя из черной тучи,
Цвет ворона сияньем золотит.
Учитель края и страны советник,
Придворные с себя одежды сняв,
К отшельнику неспешно приближались,
Среди лесов, почтенье принесли,
Приветствуя его, и он ответил,
Приветствуя, как должно, этих двух.
Затем, его веленью повинуюсь,
Пред ним уселись оба, как в ночи
На небесах сияет белый Месяц,
И две звезды, два близнеца, при нем.
Почтительно они заговорили:
«О сыне мысля, царственный отец
Печалится своим пронзенным сердцем,
Как будто в этом сердце — острое.
Рассеян ум; он бродит одиноко;
Истерзанный, на пыльной спит земле;
И днем и ночью полон размышлений;
Как дождь струятся слезы по щекам;
Тебя искать сюда теперь послал нас.
О, если бы ты слушать захотел!
Благоговейность чтить — мы это знаем,
Но вот еще не час — в пустыне быть.
Снедает жалость нас, и если только
Благоговеньем движим ты, смягчись;
Не дай печали вовсе захватить нас,
Не оставляя выхода в сердцах.
Потоки рвутся по горам зеленым,
И буря есть, и молния, и зной, —
Не дай же сердца нашего в добычу
Неистовым тем бедам четырем.
Затем что у тоскующего сердца
Четыре эти беды есть вполне:
Смятение и знойная засуха,
Жар страсти и паденье в глубину.
Пойдем и возвратимся в край родимый,
Настанет час — отшельник будешь ты.
Теперь же презирать свой долг семейный
И на отца и мать свою восстать, —

Любовью как назвать мы это можем?
Любовь объятъем осеняет все.
Не требует пустынь благоговейность,
Не надобно отъединений ей,—
Отшельником ты можешь быть и дома,
Мысль, изученье, тщанье — это путь.
Быть с бритой головой, в одежде грязной,
Наедине блуждать среди пустынь,—
Не пробужденье это правой жизни,
А лишь возможность вечный страх питать.
Пусть за руку тебя возьмем мы лучше,
Водою брызнем на главу твою,
Небесной увенчаем диадемой
И под цветной посадим балдахин,
Чтоб все глаза могли тебя увидеть,—
Тогда сможешь дом оставить свой.
Раз очи усладив сияньем верным,
Зайти свободна яркая звезда.
Ануджаса, Ваджрабагу и Друма,
Ватаджана,— цари времен былых,—
С себя свою корону не сложили,
Сияли в самоцветностях они;
Они не отлучались от восторгов,
И пребывали женщины при них,—
Вернись и ты и, долг свой совершая,
Земное чтя, свой скипетр не бросай.
Дозволь нам прекратить рыданья наши
И радостную весть провозгласить,
Отец и мать твоя осушат слезы,
И вновь ты будешь кормчим корабля.
Когда возьмут теленка у коровы,
Она мычит, и стонет, и не спит,—
Так как же мать твоя, что вся забота,
Должна теперь мучительно страдать.
Поистине, ты должен к ней вернуться
И жизнь ее предохранять от зла:
Как птица ты, что потеряла стаю,
Как слон, что в джунглях путь свой потерял,
Единственное чадо молодое,
Защиты не имея никакой,
Не можешь ты не причинять печали,
Не возбуждать заботу: «Что же с ним?»
Рассей же этот сумрак цепенящий,
Как, если затмевается Луна,
Все верные затменье гонят кликом,

Чтоб чудище не съело свет ночной.
Взметенные заставь утихнуть вздохи
И тем, кто ищет влаги, дай ее,
Ее получают — и огонь потушат,
Огонь потухнет — вновь прозреет взор».

Весьма смущен был в духе Бодгисаттва,
Услыша про своих отца и мать,
И, сидя, он предался размышленью
И в должный миг почтительно сказал:
«Отец мой царь, я знаю, обладает
Внимательным и любящим умом,
Но страх рожденья, дряхлости и смерти
Мое повиновенье устранил.
Услышав о его глубокой скорби,
Я тронут возрастанием любви,
Однако ж все, как греза сновиденья,
Проворно обращается в ничто.
Узнайте ж, без возможности отвергнуть:
Не однолик порядок всех вещей.
Природа скорби не необходимо
Есть отношенья сына и отца.
Что создает страдания разлуки,
Влиянье заблужденья это есть,—
Внезапно люди встретятся в дороге,
Лишь миг — и разлучаются они,
И каждый вновь своим путем уходит,—
Так силой совокупности растут
Соотношенья, родственные связи,
Удел отдельный, и разлука вновь.
Кто проследит внимательно ту ложность
Соотношенья связи и родства,
Не должен он печаль в себе лелеять:
Семейная здесь порвана любовь,
В другом же мире вновь той связи ищут,
И грубый — за мгновеньем — вновь разрыв.
Везде куется цепь родства и связи,
Всегда в цепях, всегда разъята цепь.
Кому скорбеть о вечности разлуки?
Зачатый постепенно изменен,
Родится в мире, снова расставаньё,
Чрез смерть разлука, и родится вновь.
Все то, что есть во времени, погибнет,
Леса и горы,— что без часа есть?
Во времени вся пятикратность чувства,

И с временем мирское все живет.
Так, если смерть все время заполняет
И всюду застилает путь его,
Сбрось смерть с себя — и времени не будет.
Меня хотите сделать вы царем,
И долг любви так трудно не исполнить,
Но раз — недуг, тогда его врачуй,
Без врачеванья ж как его снесу я
И как снести тот сан тяжелый мне.
В высоком ли иль низком состояньи,
Безумье и незнание везде,
И люди с беззаботностью проходят,
Велениям покорствуя страстей.
Приходит страх, и тело — в вечном страхе,
Вся мысль — о внешнем лишь, и вянет дух,
С благоговеньем — сердце не содружно,
Коли идти за множеством вослед.
Но поведенье мудрого — не это,
Весь в яхонтах дворец — но в нем пожар,
Сто вкусных яств средь трапезы обильной,
Но примесь в них — язвящие яды.
Там в лилии, на озере спокойном,
Глянь, много насекомых, несть числа,
И в доме у богатого — злосчастье,
Высок, — но мудрый в нем не будет жить.
Я не дерзаю жить в дворце обширном,
В нем черная склубилася змея.
Я царское достоинство отбросил,
Я от пяти желаний ускользнул,
И, чтоб скорбей подобных мог избегнуть,
Блуждаю я среди пустынных гор.
И я, благоговейность возлюбивший
И в мудрость углубляющий свой путь,
И я оставлю тишь лесов спокойных,
Вернусь домой, вернусь к страстям? О нет.
Великий вождь преславного народа,
Молитвенность всем сердцем возлюбя,
От чести племенной навек ушедши,
Чтобы духовным сделаться вождем,
Отбросив лик свой прежний, — вновь отброшу
Теперешний отшельнический лик
И растопчу свой замысел высокий?
Хотя бы было Небо мне дано,
Не мог бы это я свершить, — ужели ж
К тому меня земной подвигнет дом!

Неведение отверг я, страсть отверг я,—
Так что ж, опять их яствами избрать?
Желать опять — свою блевоту видеть?
Такой позор не мог бы я снести.
Пожар, и дом горит, хозяин вышел,
Из пламени сумел он ускользнуть,—
Войдет ли он опять в свой дом горящий?
Войдет,— так он к ничтожеству причтен,
Ища покоя, все ж стремиться к царству —
Противоречья разные то два:
Спасение и царственность — враждебны,
Покой — движенье, пламя — и вода,
Соединить их вместе — невозможно.
Приманку связи я содвинул прочь,
Прямое применил при этом средство,
Оставил дом,— зачем же я вернусь?»

Советник, мысля, про себя промолвил:
«Царевич мыслит правильно сейчас,
Приятно к добродетели склонен он
И мысль вложил в разумные слова».
И, обратясь к царевичу, он молвил:
«Как царственно изволил ты изречь,
Кто хочет в правой вере укрепиться,
Ее он должен правильно искать.
А час твой — он не этот час текущий.
На убыли твой царственный отец,
В преклонности он думает о сыне,
К печали прибавляется печаль.
Ты говоришь: «В освобожденьи — радость.
Возврат есть отречение от себя».
Не в мудрости твоя возникла радость,
И нет в том размышленьи глубины.
Плода ты ищешь, а того не видишь,
Что долг текущий должен быть свершен.
Иные говорят: «Тот свет», «Есть После».
Твердят другие: «После — ничего».
Итак, пока вопрос висит вопросом,
Зачем восторг текущий отвергать?
Коль есть «Тот свет», коль «После» есть,
должны мы
Взять все, что это «После» нам несет.
Коль скажешь ты: «Не существует «После»,
Освобожденья, значит, нет тогда.
Коль скажешь ты, что «После» существует,

Не скажешь ты: «Причины избеги».
Земля тверда, огонь горяч, вода же
Сыра, а ветер движется всегда,—
«Тот свет» — таков же, «После» — в том же
строе,

Отличная природа у него.
Раз говорим о чистом и нечистом,
Нечистое и чистое идет
Из собственной природы той отличной.
Коль скажешь: «Мыслью это устранию»,—
Такая мысль как довод есть безумье.
Основа чувств как чувств предрешена,
Все корни, по природе, изначальны.
И память и забвение — суть два,
Природа их отчетлива в рисунке.
Преклонный возраст, смерть, болезнь, печаль,—
Кто воинской уловкой их избегнет?
Коль скажешь ты: «Вода зальет огонь»,
Иль: «Воду вскипятив, огонь потухнет»,—
Различность их природ лишь утвердишь,
Природа в строе — создает живое.
Так человек, раз в чреве он зачат,
Весь — руки, ноги, все иные части,
И ум его, и дух его,— растет,
Но кто же он, кто это совершает?
Кто он, кто заостряет цепкий терн?
В самодозоре, то природа снова.
Различные возьми ряды зверей,
Что есть, то есть, им быть такими должно.
Неборорожденных, вновь, коснись существ,
Владычествует ими Самобытный¹⁶,
У них же самоцельных нет путей.
Когда б они могли создать причинно
Рожденье, смерть могли бы проверять.
К чему ж тогда искать освобожденья?
Иные говорят, что это «Я»
Причина есть рожденья, а другие
Твердят, что «Я» — причина смерти есть.
Иные утверждают, что рожденье
Идет из ничего и гибнем мы,
Не выполняя замысла кончиной.
Родится так счастливое дитя,
В семье, что благородна и богата,
Завещанному учится, растет,
Великие Богам приносит жертвы,

И имя знаменитое его
Является как путь освобожденья,
В том имени идет к нам ценный клад.
Но, если так, сколь тщетно и бесплодно
Освобожденья все ж еще искать.
Ты вольности возжаждал, ты желаешь
Свой замысел высокий совершить,
А твой отец тем временем тоскует,
И ты едва вступил на этот путь,—
Не будет зла, коли домой вернуться.
Царь Амбариша, в оны времена,
В печальном лесе долгое жил время,
Оставивши всю царскую родню,
И вновь пришел, и царствовал он снова.
И Рама, царский сын, родимый край
Покинувши, ушел в глухие горы,
Но, услышав разлучности упрек,
Вернулся и страной разумно правил.
Царь Друма был, ушли отец и сын,
Отшельниками были и блуждали,
В конце концов вернулись назад.
Еще мне говорить ли о Васите?
Атрею называть ли? Эти все
Достойные, отмеченные древле,
Ушли, пришли, как звезды, свет струить,
Светильники прекрасные для мира.
Пустыню гор оставить — и царить
Благоговейно — нет в том преступленья».

Царевич, слыша добрые слова,
Храня в душе свой укрепленный довод,
Слова любя, не расточая слов,
Не споря по примеру школ различных,
Советнику спокойно отвечал:
«Быть и не быть — то трудные понятия,
Вопрос о бытии, небытии —
Напрасен он, сомнительность лишь множит,
Недостоверность шаткого ума.
Наклонности беседовать об этом —
Нет у меня. Я дух свой устремил
На мудрость, чистоту и отречение,
И с этой достоверностью я слит.
Мир полон тщетных знаний и открытий,
Учители, свой совершая долг,
Искусно сочетают паутину.

Но верности основы нет у них,
И с ними не хочу иметь я дела.
Тот отделяет правду ото лжи,
Кто просветлен. Но как родиться может
От этих — правда? Это суть слепцы,
Ведущие слепых. В ночи проходят,
Во тьме густой,— им извлеченья нет.
Вопрос о том, что чисто и нечисто,
Вовлек людей в сомненья, и они
Не могут видеть правды. Много лучше
Дорогу чистоты осуществлять,
Идти и ведать самоотречение,
Нечистоты не совершать, идя,
О сказанном издревле размышляя,
Не запершись в предании одним,
В едином не упорствуя, а в ум свой
Все верные слова светло приять,
Чуждаясь тьмы, источника печали.
А что о Раме здесь ты рассказал
И о других, ушедших и пришедших,
Чтоб снова ведать чувственный восторг,—
Дороги их поистине напрасны,
И мудрый им не будет подражать.
Теперь для вас мне разрешите вкратце
Правдивую основу изложить:
Луна и Солнце могут пасть на землю,
Гора Сумеру сокрушится вниз,
Но никогда мой замысел не дрогнет.
Скорее, чем в запретное вступить,
Да буду брошен я в огонь свирепый.
И ежели я право не свершу,
Что сам себе в душе я предназначил,
И ежели на родину вернусь,
Дабы вступить в огонь пяти желаний,—
Да будет то со мной, в чем клялся я».

Так вымолвил царевич и сказал.
И доводы его сияли остро,
Как совершенства солнечных лучей.
Потом он встал и в некоем отдаленьи
Помедлил. А советник и другой,
Учитель, видя тщетность убежденья
И видя, что напрасны их слова,
Поговорив между собой, решили
Идти в обратный путь, в родимый край,—

Царевича не смея беспокоить,
Присутствием своим обременять,
Решение свое они явили,
Почтительно и грустно вздохнув.
И все ж, неподобающую спешность
Из всех своих движений устранив,
Веление царя осуществляя,
Они спокойно медлили в пути,
И, ежели кого они встречали,
Избравши тех, кто мудрых лик являл,
Они такими мыслями менялись,
В каких для всех ученых радость есть,
И сан высокий свой от всех скрывали,
Потом, прейдя, ускорили свой путь.

10. ЗОВ

Учителя с советником оставив
И отойдя от этих двух,
Пошел, один, царевич по теченью,
И, воды Ганга перейдя,
Держал он путь к Вершине Ястребиной,—
Пятью горами скрытый верх,
Приятственный утес, меж скал — как кровля,
Он, зеленея, был один.
Кусты, деревья и цветы в расцвете,
Ключи, прохладные ручьи,
Приятно охлаждающие потоки,—
На это все он бросил взор.
Потом, пройдя, вступил неторопливо
В пятиутесный город он,
Спокойный, в осияньи мирной славы,
Как некто, кто нисшел с Небес.
Царевича увидя, поселяне,
Его чрезмерную красу,
В младых летах, но в столь великом блеске,
Как бы великого вождя,
Исполнились предивных странных мыслей,
Как бы увидя светлый стяг,
Как бы узрев, внезапно, знамя Индры,
Завесу Йшвары в лучах.
Кто путь переходил, тот шаг замедлил,
Кто сзади был, тот поспешил,
Кто впереди, назад он обернулся

И долго, пристально глядел.
Приметы и особенные знаки
Впивали взорами они,
Глядели, невозможно наглядеться,
И преклонились, подходя,
Сложивши руки, почесть отдавали,
Дивясь и радуясь пред ним.
Все, что имели, щедро предлагали,
Склоняли скромные тела,
Исправив все небрежности движений,
Являли молча свой почет.
И ниже всех склонялись те, кто, в скорби,
Любовью двигнут, мира ждал.
Великие, что к важному стремились,
Мужчины, женщины — равно
Мгновенно на дороге задержались
И, преклонясь, не шли назад.
Затем что белый серп между бровями,
Фиалки глаз его больших,
И тело благородное, как золото,
И волоконцев меж перстов, —
Пусть он отшельник был, — то знаки были,
Что перед ними царь святой,
И стар и мал, ликуя, восклицали:
«Так светел он, что радость нам!»
А в то же время, Бимбисара Раджа,
В дозорной башне поместясь,
Мужчин и женщин видя удивленных,
Что́ это значит, спросил.
И спрошенный, склонив свои колена,
Что́ зрел и слышал, все сказал:
«Из рода Сакья, знатного издревле,
Царевич, полный совершенств,
Небесно-мудрый, не путями мира
Идущий в прохожденьи здесь,
Царь, чтоб царить над восемью краями,
Бездомный, здесь, — и чтут его».
Царь, слыша это, был весьма взволнован
И, радостный почуя страх,
Задержан телом был на том же месте,
Душой же он своей ушел.
Призвав своих советников поспешно
И приближенных, он велел
Идти вслед за царевичем сокрыто,
Следя, что́ сделать надлежит.

Они, веленье это совершая,
Пошли и видели, что он
Вступил с невозмутимым видом в город
И милостыни попросил,
Устав блюдя отшельников великих,
С невозмущаемым умом
И с ясным ликом, не заботясь, сколько,
Велик ли, мал ли дар дадут.
Что получал, в свою 'слагал он чашу
И снова возвращался в лес,
И, это съев, пил от воды проточной
И к Белой восходил Горе.
Зеленые деревья обрамляли
Спокойной тенью горный срыв,
В расщелинах пахучие растенья
Вносили нежные цветы.
Кричали там цветистые павлины,
И, взлетом в воздухе скользя,
Другие птицы радостно сливали
С тем криком пение свое.
Как шелковица в солнечном сияньи,
Светился весь его покров,
Листоподобно складки изливали
Переливающийся свет.
Увидя закрепленный лик покоя,
Вернулись вестники к царю,
И, их подробной повести внимая,
Был царь взволнован глубоко.
Он царскую велел принесть одежду,
Богоподобный свой венец,
Покров, как бы обрызганный цветами,
И все отличия царя.
Потом, как лев, могучий царь звериный,
Степенно выступил вперед,
Избрав себе из престарелых свиту,
Способных мудро понимать.
Сто тысяч шло народу вслед за ними
К вершине царственной горы,—
Как бы, темнея, туча восходила
До островерхой белизны.
Достоинство узревши Бодгисаттвы,
Покорный воле, каждый жест,
Сидящего увидя на утесе,
Как Месяц в чистых небесах,
Увидя красоту, что вне сравненья,

И чистоту, чей лик един,
Царь испытал то в сердце обращенье,
Что может вера порождать.
И, соблюдая знаки почитанья,
С учтивым видом подходя,
Приблизясь, спросил он Бодгисаттву,
Благополучен ли он тут.
Согласно с обстоятельством вопроса,
Дал Бодгисаттва свой ответ,
И в очередь свою царя спросил он,
И царь ответил на вопрос.
Когда ж вопросы эти завершились,
Блюдя достоинство свое,
На ясноликом царь воссел утесе,
На боговидного смотря.
Он видел черт нежнейших умягченность,
Во всем он зрел высокий сан,
Здесь родовая чувствовалась знатность,
Был унаследован удел.
Свои на время подавивши чувства,
Дабы сомненья разрешить,
Царь спросил, как это так случилось,
Что тот, кто солнечно рожден,
Из царственной семьи, благоговенье
Хранившей десять тысяч лет
И даже десять тысяч поколений,—
Как он, такой скопивши клад,
В летах столь юный, в мудрости отличный,
Отшельник ныне, бросив сан,
Царя святого опутив сыновство,
Одеждой грубою покрыв
Красивый вид, достойный умщений
И благовоний,— здесь один,
С рукой, которой нужно б царством править,
Теперь протянутой в мольбе,
Чтоб благостыню, малость скудной пищи,
На место скипетра приять.
«Когда бы ты не царского был рода,—
Так продолжал беседу царь,—
С тобой я разделил бы это царство,
Когда б ты только захотел».
И продолжал: «О, взвесь, тебя прошу я,
Мои правдивые слова:
Желанье власти близко к благородству,
И справедлива гордость та.

Коль нет желанья покорять надменных
И волю наклонять в других,
Отдать тогда оружье сильным нужно,
Рукой воинственных водить.
Но кто ж, когда ему дано наследством
Главою царства мощным быть,
Не возжелает взять бразды правленья
И быть над миром и войной?
Кто — мудрый, знает время для молитвы
И для богатства и усад.
Но если троекратность не блюдет он,
Чтя веру, он богатству чужд.
Кто — в мире, тот печется о богатстве,
А к вере равнодушен он.
Но бедным быть, с пренебреженьем к вере,—
Какой тут может быть восторг?
Когда же троекратностью владеешь,
Разумно пользуясь всем,
Поистине тогда назваться можешь
Владыкой достоверным ты.
Не позволяй же телу, что Судьбою
Щедотно так одарено,
Отвергнуть всю лучистость доброй жертвы
И отказаться от наград.
Мандгари Чакравартин был монархом,
Четыре царства знал мирских,
И с Сакрой разделял престол он царский,
Но править Небом он не мог.
А ты с своею силой мощно-грозной
Две власти можешь ухватить,
Ты можешь править Небом и Землею,
Два света сочета в один.
На царскую я власть не опираюсь,
Тебя здесь силой не держу,
Но, видя лик красивый измененным,
Узрев отшельника наряд,
Тебя весьма я чту за добродетель,
Но человека жаль в тебе:
Как милостыни, здесь ты просишь пищи,
Тебе даю я всю страну.
Пока ты юн и одержим страстями,
Используй это, усладись,
А в зрелый возраст собери богатство,—
Когда же старость подойдет,
Когда твои способности созреют

И будешь ты как спелый сноп,
Перед тобою время развернется,
Дабы молитвенность блюсти.
Благоговейный жар в молодые лета
Ключи желанья пепелит.
Когда же стар и дух желанья меньше,
Час одиночества искать.
Желать богатства в дни, когда стал старым,
То стыд, и срама мы бежим,
Но в юности, когда подвижно сердце,
Час наслажденья разделять.
Дни юности в товариществе тратить,
Исчерпать светлый разговор.
Когда ж, скопляясь, годы напозают,
Тогда молитвенность блюсти.
Тогда гасить горящих пять желаний
И в сердце радость умножать,—
Не это ль есть закон царей издревле,
Благоговейности устав?
Не это ли есть путь царей старинных,
Что на драконовой спине,
Лелея в сердце тихость ликованья,
Дошли превыспренних жилищ?
Божественные эти самодержцы,
Сияя личной красотой,
Достоинно соблюли благоговейность
И в Небе взяли свой удел».
Так Бимбисара Раджа все исчерпал,
Все убеждения привел,
Но, как гора верховная Сумеру,
Царевич был неколебим.

11. ОТВЕТ

Благопристойно Бимбисара Раджа
И кротко-миротворческою речью
К царевичу ходатайство направил,
И он ответ почтительно держал.
Глубокими, волнующими сердце,
Словами так отвечивал царевич:
«Преславный и всему известный миру,
На разум речь твоя не восстает.
Так говорить велит благоговенье,

Нет в мире обеспеченного места
Для благодати,— когда ж слабеет благодать,
Высокое как имя сохранить!
Достоинство, в котором достоверность,
В связи прямой находится со дружбой,—
Коль верный друг богатства не жалеет,
Сокровищем зовется он тогда.
Но быстро расточается богатство,
В любой стране оно непостоянно,
А что дают кому из милосердия,
Удвоенным вернется этот дар.
Так милосердье друг есть достоверный,
Хоть расточает, нет в том сожаленья,
Ты щедр и добр, как ведомо, и, встретясь,
Беседуем с приятственностью мы.
Рожденья, смерти, старости, болезни
Боюсь,— к свободе путь найти хочу я,
Я устранил семейственные чувства,—
Так как же я могу вернуться в мир,
К пяти желаньям, и не опасаться,
Что ядовитый змей разбуден будет,
И ледяной град посыплется свирепо,
И в лютом буду вновь сожжен огне.
Боюсь многопредметного хотенья,
Водовороты взвихривают сердце,
И пять желаний — шаткие то вору,
Что заприметят, тотчас нет того.
Сокровища любимые воруют,
И вот они, неверные, как тени,
И вот они скользят, как привиденья,
Действительность становится как сон.
Кто поглядит, на миг он это видит,
Но прочно ум схватить они не могут.
Итак, они — великие препоны,
К спокойствию испорчен ими путь.
Коль радости Небес иметь не стоит,
Что ж о людских нам говорить желаньях,
Любви безумной в них гнездится жажда,
Ты в сладости, пока не истощен:
Так дикий ветер мечет пламя выше,
Пока топливо вовсе не иссякнет,—
Нет более неправого в сем мире,
Как эти пять желаний с царством их.
Всяк, кто уступит мощности хотенья,
Усладой взят, и мертв он для рассудка.

Кто мудр, желаний этих он боится,
Страшится он пути к неправоте.
Так царь, что правит четырьмя морями
И всем, что между них, желает больше;
Так Океан, не знающий предела,
Не ведает, где стать ему, когда.
Струило Небо желтый дождь из злата,
И Манга Чакравартин меж морями
Всем правил, но вздыхал он в возжеланьи
И тридцать три он неба восхотел.
Престол свой разделил с могучим Сакрой
И умер в силу властного хотенья.
Ниаса же чрез умерщвление плоти
Жилищ небесных тридцать три приял.
Но силою хотенья стал он гордым,
Надменничал в блестящей колеснице,
И, развалясь с небрежностью, упал он
В змеиный кладезь, прямо в глубину.
Всемирный царь, кого зовем мы Яма,
По Небесам превыспренним блуждая,
Небесную жену избрал царицей
И встал у Риши злато вымогать,
А Риши в гневе наговор сказали,
Нагромоздив на чару чарованье,
И умер он. Нет в мире постоянства,
Хотя бы для властителя Небес.
Нет края достоверного, хотя бы,
Кто в нем живет, был с сильною рукою.
Но если кто оденется лишь в травы
И ягоды как пищу изберет,
И будет пить лишь из ручьев проточных,
И с волосами длинными, как волны,
Пребудет, как молчальник, без хотений,
В конце свое алканье он убьет.
Узнай, что потакать пяти желаньям,—
То льгота, что заведомый есть недруг
Благоговейных. И тысячерукий
Могучий царь — как победить его?
Погиб от страсти сильный Риши Рама,—
Сын Кшатрии, насколько же я должен
Сильней свои удерживать хотенья?
Лишь полелей одно мгновенье страсть,—
И, как дитя, она растет проворно.
Поэтому, кто мудр, ее не терпит:
Кто захотел бы в пищу взять отраву?

Лаская хоть свою, умножишь скорбь.
Коль страсти нет, коль хоть не понуждает,—
Истоков скорби нет, ни тока боли,
И, ведая всю горечь скорби, мудрый
В истоках скорбь вытаптывает прочь.
Что в мире называют добродетель,
Есть лик иной того же злополучья,
Хотение в пределах не удержишь,
Оплошность — тут, за ней — и вся беда.
Оплошностью нагромождают гибель,
Смерть стережет на этой злой дороге,—
Кто мудр, тот, осмотрительно провидя,
Что все — мечта, не жаждет ничего.
Кто видимого хочет, хочет скорби,
Любовью будет вновь уловлен в сети,
Не видя окончательной свободы,
Пойдет вперед от боли к боли вновь.
Такой в руке кто факел жгучий держит,
Тот руки жжет: кто мудр, того бежит он.
Безумец же, кто в этом усомнится,
Все будет сердце к зною торопить.
Алканье — змеиное то жало,
И ярый гнев — змеиная отравка,
Кто мудр, тот к скорби путь, как кость гнилую,
Отбросит прочь, чтоб зубы сохранить.
Ее ли будет пробовать и трогать?
Сыны земли за то гнилое мясо,
Как стаи птиц, готовы состязаться,—
И царь за тем пройдет через огонь?
Так мы должны смотреть и на богатства:
Мудрец, коли наполнит кладовые,
Не чувствует себя благополучным,
А день и ночь как будто ждет врага.
Как человек проходит с отвращеньем
Близ скотобойни на Восточном рынке
И издали базарный столб заметит,
Так веху страсти мудрый обойдет.
Кто путь свершает морем и горами,
При хлопотах, покоя знает мало,
Кто на верхушку дерева влезает,
Чтоб плод сорвать,— и шею сломит тот.
Так и желанье, с жадничаньем вечным:
Стараются, богатства накопляют,
Придумают мучительные ходы,
Сон громоздят,— и вдруг окончен сон.

Так ямы: есть огонь в них рдеет жарко,
Обманная над ямою поверхность,
Чуть тело проскользнет туда, пылает:
Кто мудр, тот в это пламя не пойдет.
Лик хоти — это мнимое виденье,
Лик страсти — как мясник с ножом кровавым,
Как Каурава, Нанда или Данта,
Сцепляющий и низко-рабский лик.
Кто мудр, тот с этим дела не имеет,
Скорей в огонь он бросится иль в воду
Иль свергнется с обрывного утеса,
Но не пойдет он к хоти в западню.
Искать услад небесных — есть не больше
Как содвигать в перемещеньи пытку.
Басундара и Сундара, два брата,
Друг с другом жили в ласковой любви,—
Но им затмила хоть алканья разум,
Друг друга, в возжеланьи, умертвили,
И имя их погигло безвозвратно:
Так вот к чему, ведя, приводит хоть.
Ей человек оцеплен и принижен,
В ее цепях он делается подлым,
Она его бодилом жжет и колет,
И длится ночь, избит, изношен он.
Олень в лесу так жаждет возглаголать,
И, речи не найдя, он умирает,
И птица так летит в силок лукавый,
И рыба так взманилась на крючок.
Подумавши о надобностях жизни,
В них постоянства вовсе не находишь:
Едим мы, чтобы голод успокоить,—
Чтоб жажда нас не жгла, должны мы пить,—
Одежду надеваем мы от ветра
И холода,— чтобы уснуть, ложимся,—
Чтоб двигаться, должны искать повозку,—
Чтоб отдохнуть, должны сиденье взять,—
Чтоб грязными не быть, должны мы мыться,—
Все это делать нам необходимо,—
Нет постоянства в тех пяти желаньях,
Чуть утишишь, вновь нужно утишать.
Как человек, что одержим горячкой,
Прохладного испить желает зелья,—
Алканье утолить томленья хочет,
Безумец постоянство видит в том.
Но постоянства в прекращеньи боли

Не может быть: желая хоть утишить,
Мы вновь хотим и громоздим хотенья,
В превратности такой устоя нет.
Наполниться питьем и вкусной пищей,
Одеться в подходящие одежды,
Не длительные это услажденья,
Проходит время, скорбь приходит вновь.
Прохладно лето в месячном сияньи,
Зима приходит,— и умножен холод,
Чрез восьмикратность мира все превратно,
Рабам отдайся,— доблесть потерял.
Молитвенность — все делает служебным,
Как правит царь, что царствует высоко;
Благоговейность повторяет скорби,
Подъемля тяжесть, силой счет ведет.
При всяком положеньи нашем в мире,
Вкруг нас не устают скопляться скорби,
Хоть будь царем, но пытка громоздится,
Люби — скорби, один — нет счастья в том.
Хотя б твои — четыре царства были,
Участвовать — в одном ты только можешь,
И в десять тысяч дел когда заглянешь,
Узнаешь десять тысяч ты забот.
Так положи конец своей печали,
Утишь хотенье, воздержись от дела,—
В том есть покой. Услад царя есть много,—
Без царства же есть радостный покой.
Не измышляй же мудрых ухищрений,
Дабы вернуть меня к пяти желаньям:
Что манит сердце — тихая обитель,
Что любо сердцу — это вольный путь.
А ты хотел бы, чтоб запутан был я
В обязанности и соотношенья,
Свершение хотел бы уничтожить
Того, чего я тщательно ищу.
Постылый дом мне страха не внушает,
И не ищу я радостей небесных,
Не жаждет сердце прибыли доступной,
И снял с себя я царский мой венец.
И вопреки тому, как размышляешь,
Предпочитаю более не править:
Избавившись змеиной пасти, заяц
Придет ли вновь, чтоб пожранным быть ей?
Кто факел держит и сжигает пальцы,
Из рук своих не выпустит ли факел?

Кто был слепец и обладает зреньем,
Захочет ли он снова темноты?
Или богач по бедности вздыхает?
Или мудрец невеждою быть хочет?
Коль в этом мире есть такие люди,
Тогда хочу опять в родимый край.
Я избавленья жажду от рожденья,
От старости, от смерти,— и хочу я
Выпрашивать как милостыни пищи
И возжеланья тела обуздать,—
В отъединеньи быть, смилив хотенье,
Избегнуть злых путей грядущей жизни,
Так мир найду я в двух мирах спокойных,
Прошу тебя, ты не жалея меня.
Жалея скорее тех, что правят царством,
Их души вечно пусты, вечно в жажде,
Им в настоящем мире нет покоя,
А после пытку примут как удел.
Ты, что владеешь именем высоким
И почитаньем, властелину должным,
Со мною разделить хотел бы сан свой
И дать мне долю всех своих усад,—
Взамен и я прошу тебя сердечно,
Ты раздели со мной мою награду.
Кто трех разрядов ведает усладу,
Тот в мире носит имя «Господин»,—
Но в том согласованья нет с рассудком,
Затем что эти блага не удержишь.
Где нет рожденья, жизни или смерти,
Кто будет в том,— он истый Господин.
Мне говорят: «Коль молод, будь веселым,
А будешь стар, тогда и будь отшельник».
Но я смотрю, что в старости есть слабость,
Благоговейным быть нет сил тогда.
Есть в юности могущество и твердость,
Есть крепость воли, в сердце есть решимость,—
А смерть как вор с ножом идет за нами,
И любо ей добычу ухватить.
Зачем же будем старости здесь ждать мы?
Непостоянство — мощный есть охотник,
Болезни — стрелы, лук его — есть старость,
Где жизнь и смерть, он мчится за живым.
Охотник не упустит верный случай.
Зачем нам ждать, когда придет к нам старость?
И те, что учат жертвоприношеньям,—

Неведением подвигнуты они.
Достойней — почитания закона
И прекращенье жертвоприношений.
Жизнь разрушать, хотя бы для молений,
В том нет любви, в убийстве правды нет.
Хотя б за эти жертвоприношенья
И длительная нам была награда,
Живое как могли бы умерщвлять мы?
В награде же и длительности нет.
То значило бы — мудро размышляя
И отвлеченно чтя благоговенье,
Пренебрегать благим в своих поступках:
Кто мудр — тот разрушать не будет жизнь.
Кто в этом, их устой — закон превратный,
Кто в этом — ими правит шаткий ветер,
Они как капля, свеянная с травки,
Я — выхода надежного ишу.
Есть Арада, он праведный отшельник,
Слышал, он говорит красноречиво
О том, в чем верный путь освобожденья,
И должен я туда, где он, идти.
Но скорбь должна быть избранной неложно,
Поистине мне жаль тебя оставить,
Отечество твое да будет мирным,
И свыше и тобой защищено.
На это царство да прольется мудрость,
Как красота полуденного Солнца,
Да будешь ты вполне победоносным,
Да сердцем совершенным правишь ты.
Вода и пламень противоположны,
Но пламень причиняет испаренье
И пар в плавучесть облака восходит,
Из облаков струится книзу дождь.
Убийство и очаг несовместимы,
Кто любит мир, убийство ненавидит,
И если так убийцы ненавистны,
Кто в этом, пресеки же их, о царь.
Им повели найти освобожденье,
Как тем, кто пьет и все ж иссох от жажды».
И, сжав ладони, царь явил почтенье,
А в сердце у него горел восторг.
Он молвил: «Что ты ищешь, да найдешь ты,
И плод его да скоро ты получишь,
А как получишь этот плод прекрасный, —
Вернись, прошу, и не отринь меня».

И Бодгисаттва, в сердце мир лелея,
Решив его моление исполнить,
Спокойно отбыл, путь свой продолжая,
Чтоб к Араде-отшельнику прийти.
А царь меж тем и свита за владыкой,
Ладони сжав, пошли немного следом,
И снова в Раджагригу возвратились,
Лелея мысли в помнящих сердцах.

12. ОТШЕЛЬНИК

Сын лучезарного Солнца,
Знатного рода Икшваку,
К тихой направился роще,
Арада Рама там был.
Сын лучезарного Солнца,
Полный почтительным чувством,
Стал перед Муни великим,
Он пред Учителем был.
Спутники тихих молений,
Видя вдали Бодгисаттву,
Радостно песню пропели,
Тихо примолвив: «Привет».
Сжавши ладони с почтеньем,
Как подошел, преклонились,
После обычных вопросов,
Сели по сану они.
Все Брамачарины, видя,
Как был прекрасен царевич,
В качествах тех искупались,
Чистой напильсь росы.
Руки свои приподнявши,
Так Бодгисаттву спросили:
«Долго ли был ты бездомным
И разлученным с семьей?
Долго ли порваны были
Узы любви, что держат,
Как порывает порою
Цепи окованный слон?
Мудрости лик твой исполнен,
Он просветлен безупречно,
От ядовитого можешь
Ты отвратиться плода.

В древнее время могучий
Царь лучезарно-подобный
Передал царственность сыну,
Бросил увядший веноч:
Но не такое с тобою,
Силы молодой ты исполнен,
Все ж не вовлекся в любовь ты
К гордому сану царя.
Воля твоя непреклонна,
Это мы явственно видим,
Правый закон в ней вместится,
Как в надлежащий сосуд.
Воля твоя, закрепившись,
Мудрости будет ладьюю,
Переплывет она море,
Жизни и смерти моря.
Те, что лишь учатся просто,
Их испытуют — и учат,
Случай же твой особенный,
Ум твой — как воля — готов.
То, что предпринял ты ныне,
Цель изучений глубоких,
Цель эта зрима тобою,
Ты не отступишь пред ней».
Радостно слушал царевич
Эти слова увещанья.
На обращение это
Радостно он отвечал:
«Без предпочтения эти
И без пристрастья реченья,
Я принимаю советы,
И да свершатся они.
Факел в ночи да взнесу я,
В месте идя вероломном,
Челн да пройдет через море, —
Будь это так и сейчас.
Но, сомневаясь, дерзаю
Высказать эти сомненья,
Как победить, вопрошаю,
Старость, болезни и смерть?»
Арада Рама, услышав,
Что вопрошает царевич,
Сутры и Састры напомнил,
Путь ускользнуть изъяснил.
Молвил: «О юноша славный,

Столь высоко одаренный,
Видный столь явно средь мудрых,
Выслушай, что́ я скажу,—
Речь о скончании смерти.
Пять их — природа, измена,
Старость, рожденье и смерть,—
Пять этих свойств, надлежащих
Всем и всему в этом мире.
Без недостатка — природа
И, по себе, без пятна.
Переплетенье природы
В пять — сочетанье великих ¹⁷,
Пять составных в сочетаньи —
Власть воспритья дают.
Власть воспритья — причина
Той мировой перемены:
Форма, и звук, и порядок,
Вкус и касанье — их пять.
Это предметы суть чувства,
Что называется дхату,
Руки и ноги — дороги,
Их же корнями зовут.
Действия — путь пятикратный,
Пять их — корней для свершенья:
Око, и ухо, и тело,
Нос и язык — путь ума.
Разума корень — двоякий:
Он — вещество и разумность;
Узел природы — причина,
Знающий это есть Я ¹⁸.
Кáпила, Риши, а также
Те, кто их путь соблюдает,
Душу в основе увидя,
Мудрую вольность нашли.
Свойство постигнув рожденья,
Старости дряхлой и смерти,—
Силою мудрости зрящей
Верный сложили устой.
То же, что в противоречьи,—
Так говорят они,— ложно.
Страсть и неведение — путы,
Ход к воплощениям вновь.
Кто о душе усомнился,
Это чрезмерность сомненья.
Не соблюдя различенья,

Вольности путь не найдешь.
Грань воспринять сдвигая,
Только запутаешь душу.
К смуте неверье приводит,
К разностям мыслей и дел.
Цепь о душе размышлений —
«Знаю» и «Я постигаю»,
«Я прихожу», «Ухожу я» —
Это суть пути души.
Разные есть возмечтанья,
«Так это» иль отрицанье,
Недостоверность такая —
То, что зовут «темнота».
Есть и такие, что молвят:
«Видимость — тождество с духом»,
«Внешнее — то же, что разум»,
«Числа орудий — душа».
Здесь различенье не точно,
Это зовут — крюкотворством,
Это суть вежи безумья,
Это отметины лжи.
Произношенья молений,
И убивание жертвы,
И очищенье водою,
И очищенье огнем,
С целью конечной свободы,—
Это плоды суть незнания,
Суть достиженья без средства,
Путь, где, идя, не придешь.
Соотношения множить,
Это — прикованность к средству,
Вещь для души брать основой,
Это неволя есть чувств.
Восемь таких умозрений
В смерть и рожденье влекут нас.
Пять состояний есть в мире,
Так недоумки твердят:
Тьма, наряду с ней безумье
И сумасшествие также,
Гневная страсть рядом с ними,
Робостью схваченный страх.
Лик сумасшествия — похоть,
Из заблуждения — гневность,
Страсть — из безумной ошибки,
Сердце трепещет, в нем — страх.

Так недоумки глаголют,
Пять означают желаний;
Корень же скорби великой,
То, в чем рожденье и смерть,
Жизнь, что кипит пятерично,
Точка начальная вихря,
Водоворот изначальный,—
Явственно вижу,— есть Я.
Силою этой причины
И возникает повторность,
Узел рожденья и смерти
Связан и вяжется ей.
Если мы правильно смотрим
И в различении точны,
Четверократно возможность,
Чтоб из цепей ускользнуть:
Мудрость и свет зажигая,
Борешься с мраком незнания,—
Делая свет очевидным,
Гонишь утайную тьму,—
Эти четыре постигнешь ¹⁹,
Можешь избежать рожденья,
Старости можешь не ведать,
Не проходить через смерть.
Раз победили рожденье,
Старость и смерть,— мы достигли
Места конечных свершений,
Где невозбранный покой.
Браманы, эту основу
С чистою жизнью сливая,
Много о ней говорили,
Миру желая добра».
Это услышав, царевич
Араду вновь вопрошает:
«Молви, как средства зовутся,
В чем невозбранный покой,—
Чистой в чем жизни есть свойство,
Должное время какое
Для совершенья той жизни,—
Это, прошу, изъясни».
Сутрам и Састрам согласно,
Арада молвил подробно:
«Раз обопрешься на мудрость,
В этом и средство твое.
Все ж я беседу продолжу.

Прочь от толпы удаляясь,
В мире живя как отшельник,
О подаяньи прося,—
Твердо блюдя благолепность,
В правом живя поведеньи,
Мало желая и зная,
Как воздержанье принять,—
Все принимая как пищу,
Хочешь ли ты иль не хочешь,
В Сутры и Састры вникая,
Мир тишины возлюбя,—
Явственно ведая свойство
Страху и жадных желаний,
Членами правя умело,
Ум в безглагольном смирив,—
Ты содвигаешь печали,
Ты прикасаешься счастью,
Первая это дхиана,
Первый изведен восторг.
Первый восторг получивши
И просветленье познавши,
Внутренним ты размышленьем
Мысли единой служи.
Сорваны путы безумья,
Ум лишь от мысли зависит,
В небе, где Брама, за смертью,
Ты, просветленный, рожден.
Средство свое применяя,
Дальше идешь в просветленье
И во вторичном восторге,
В небе Абхасвары ты.
Средство свое применяя,
Третьей дхианы доходишь,
Новое примешь рожденье
В небе Субхакристны ты.
Этот восторг оставляя,
Прямо в четвертый восходишь,
Скорби и радости бросив,
К вольности духом идешь.
Здесь ты в четвертой дхиане,
В небе ты Врихата-фаля²⁰,
Это — обширное небо,
Это — вместительный плод.
Все восходя в отвлеченьи,
В мыслях держа внетелесность,

В мудрости шествуя дальше,
Бросишь четвертый восторг.
Твердо продолжив исканье,
Свергнув желание лика,
В теле почувствуешь всюду
Вольность и с ней пустоту.
То ощущение окрепнет,
Усовершенствуюсь точно,
И в пустоте развернется
Веденья полный простор.
Тишь изнутри получивши,
«Я» отпадает как помысл,
Жизнь в неведущем примешь,
Мнимость познав вещества.
Твердость зерна раздробивши,
Стебель восходит зеленый,
Птица умчится из клетки,
Мы — из телесных границ.
Выше, чем Браман, взнесенный,
Признаки тела отбросив,
Все ж ты еще существуешь,
Мудрый, свободный, вполне.
Ты вопрошаешь о средствах,
Как ускользнуть в эту вольность?
Раньше я молвил: «Узнает,
Если кто в вере глубок».
Джаигисавья, и Врїдха,
Джанака, мудрые Риши,
Правды ища той дорогой,
Освобожденье нашли».
Это услышав, царевич
В духе те мысли проверил
И, достигнув до влияния
Жизней, что были пред тем, —
Снова продолжил беседу,
Так вопрошая и молвя:
«Цепь этих помыслов мудрых
Мыслью своей я вобрал.
То, что ты строишь, есть цельность,
Эти основы глубоки
И далеко достягают,
В этом я нечто узнал.
Знание взяв за причину,
Мы еще все не у цели,
Но, понимая природу,

Все разветвления ее,
Ты говоришь мы свободны,
Вольности мы достигаем,—
В этом законе рожденья
Новый закон есть в зерне.
Душу соделавши чистой,
«Я» возведя в очищенье,
Ты говоришь мне, что в этом
Освобождения путь.
Если причину мы встретим
С действием вместе,— в слияньи
Этом возврат есть к рожденью,
К сложным препонам его:
В семени скрытый зародыш
Может огнем и водою,
Может землю и ветром
Видимо быть истреблен,—
Встретя же, силой стеченья,
Благоприятность условий,
Он оживет, без причины
Явной, желаньем влеком.
Также и те, что достигли
Той предположенной воли,
В помысле «Я» сохраняя,
Мысль о живых существах,
Все не достигли до цели,
Нет им конечной свободы,
Прошлое тонко влияет,
Сердце — в несчетности лет.
Ты говоришь, что свобода
От ограниченной жизни
С нами, когда мы отбросим
Самую мысль о душе.
Как же распустишь веревки,
Душу связавшие прочно?
Если ты свойствами связан,
Где же тут вольность тогда?
Гуна и гуни — два слова,
Свойство, предмет — два понятия,
Разны они в представленьи,
Но по основе — одно.
Если ты скажешь, что можешь,
Свойства предмета отнявши,
Самый предмет не разрушить,
Это же вовсе не так.

Жар от огня ты отнимешь,
Нет и огня вместе с этим,
Плоскость отнявши у тела,
Где же и тело тогда?
Свойства есть плоскость; содвинешь —
Самый предмет исчезает,
Гуна — поверхность предмета,
Гуни без гуны не быть.
Освобождение это,
Речь о котором была здесь,
Не достигает свободы,
Тело, как прежде, в цепях.
Также еще говоришь ты —
Чистое знание есть вольность,
Если есть чистое знание, —
Значит, и знающий есть.
Если есть знающий, — как же
Освободиться он может
От единичного «Знаю»
И от отдельного «Я»?
Если без личности знание,
Значит, тогда познающим
Может чурбан быть и камень,
Тем, кто свершает, — конец.
Что мне здесь Арада молвил,
Сердце не сделало сытым,
Мудрости нет здесь вселенской,
Лучшего должен искать»²¹.
Путь свой направил он к Удре,
«Я» было снова в беседе,
«Мысль» и «Не-мысль» обсудили,
Топь безысходной была.
Если возможность возврата
Не устранить от живого,
Освобождения нет здесь,
В цепи — повторно звено.
Удру царевич оставил,
К поискам путь свой направил,
В Гайю пришел он на Гору,
Где умерщвляется плоть.
Было там место, чье имя —
Пыточный Лес Уравильва,
Пять там подвижников, Бхикшу,
Раньше сошлись до него.
Как этих пять он увидел,

Чувства свои обуздавших,
В роще подвижничеств точных
Путь совершающих свой,
Мирных, спокойных, довольных,
Над Найраньджаной-рекою
Место близ них Бодгисаттва
Выбрал и в мысли вступил.
Ведая, сколь он упорно
Сердцем искал избавленья,
Бхикшу ему предложили
Ряд преклоненных услуг.
Знаки вниманья приявши,
Истово занял он место,
Как человек, что намерен
В благоговеньи пребыть.
К средствам прилежно прибег он
Для избежанья болезни,
Путь, чтобы старости минуть,
Путь, чтобы смерть победить.
Сердце свое обратил он
На умерщвление плоти,
На воздержанье от страсти,
Мысли о пище отверг.
Пост соблюдал он, какого
Не соблюсти человеку,
Был в безглагольной он мысли,
Шесть продолжал так годов.
По коноплянному только
Зернышку ел каждодневно,
Тело его исхудало,
Тонкий и бледный он стал.
Все он искал пресеченья
Необозримого моря,
Думал все глубже, как можно
Смерть и рожденье стереть.
Мудрости сеть расчлняя,
Делая путь совершенным,
Все же он в этом не видел
Освобожденья еще.
Духом был волен, а телом
Легок, воздушно-утончен,
Имя его воссияло,
Славой он был вознесен,—
В нежной лазури означась,
Серп новолуний так светит,—

Кúмуда, цвет сокровенный,
Так изливает свой дух.
Был господин того места;
Дочери, девы-царевны,
Обе пришли, чтоб увидеть
Этот измученный лик.
Он был иссохший и тонкий,
Словно увядшая ветка,
Круг шестилетья свершился,
Точка замкнула тот круг.
Муку рожденья и смерти
Он созерцал неотступно,
Здесь не увидел он средства
Вызвать взнесенный восторг.
Путь умерщвления плоти
Не был и средством тем прежним:
Там он, под деревом Джамбу,
Час вознесенный узнал.
Это, он думал, есть верный
Путь к просветленью восторга,
Это — дорога иная,
Не умерщвленная плоть.
Должен искать я, скорее,
Силы и мощи телесной,
Должен напитком и яством
Члены свои освежить.
Этим достигши довольства,
Разуму дам отдохнуть я,—
Если мой разум в покое,
В лад я безгласный вступлю.
Лад призовет восхищенье,
Взвезян, увижу я правду,
Силу постигши закона,
Этим распутая все.
Так, в совершенном покое,
Старость и смерть устраню я;
Пищею жизнь подкрепивши,
Светлый закон я свершу.
Тщательно это продумав,
В водах реки он купался,
Выйти хотел, и не мог он,
Столь истощенным он был.
Ветку к нему наклонивши,
Дух тут помог, небожитель,
Ветки рукой он коснулся,

Из Найраньджаны исшел.
Этой порою близ рощи
Главный пастух находился,
Старшая дочь его также,
Нандою звалась она.
Дэва, один, обратясь к ней,
Рек: «Бодгисаттва в той роще,
С благоговейным даяньем
Тотчас предстань перед ним».
С радостью Нанда Балада
К месту тому устремилась,
Из халцедонов браслеты
Млели на нежных руках.
Снежились те халцедоны,
Платье на ней голубело,
Спорили эти оттенки,
Как в пузыре водяном.
С сердцем простым и невинным,
Шла она быстрой стопою,
Пред Бодгисаттвой склонилась,
Рис благовонный неся.
Чистый тот дар предложила,
И не отверг Бодгисаттва,
Тотчас вкусил,— для нее же
Тотчас награда была.
Только поел, освежился,
Бодхи принять стал способен,
Члены его воссияли,
Сила еще возросла.
Сотни потоков, сливаясь,
Так устремляются в Море,
В яркости так прибывает
Первая четверть Луны.
Это пять Бхикшу, увидя,
Были объяты смущеньем,
Подозревая, что в сердце
Жар у него ослабел.
И, пятерых оставляя,
Был он один, как пошел он
К реву доброго знака,
К древу счастливой судьбы.
Там, под развесистым Бодхи,
Мог довершить он исканья,
Мог он достичь просветленья
В цельной его полноте.

Шел он по ровному месту,
Нежные травы сгибались,
Поступью львиною шел он,
И содрогалась земля.
И, пробудившись при этом,
Радостью был Каля Нага
Двигнут,— глаза открывая
Свету, воскликнул он так:
«В оное время, когда я
Видел, как Будды приходят,
Землетрясение было,
Знаменья то же теперь.
Доблести Муни столь мощны,
Так их величество грозно,
Что и Земля не способна
Выдержать их на себе.
Вот отчего в средоточьи
Долгие гулы проходят,
В Мире как Солнце восходит,
Ярким он блеском залит.
Голубоватые птицы
Мчатся, их вижу пять сотен,
Кружатся в лете направо,
Пересекая простор.
Льет освежающий ветер
Ласковость кротких дыханий,
Все эти дивные знаки
Те же, что в прежние дни.
Знаменья Будд миновавших!
Вижу я в том неоспорно,
Что Бодгисаттва достигнет
Мудрости высшей венца.
Вон от того человека,
Он от косца получает
Чистые гибкие травы,
Их возле древа простер.
Выпрямясь, там он садится,
Ноги скрестил под собою,
Их не небрежно кладет он,
В теле он весь закреплен.
Лик его твердый и четкий,
Как у небесного Наги,
И не покинет он места,
Замысел не довершив».
Так Каля Нага промолвил

Слово свое в подтвержденье,
Были небесные Наги
Радости полны живой.
Сдвинули веянье ветра,
Только тихонько он веял,
Стебли травы не дрожали,
Были недвижны листы.
Звери смотрели безгласно,
Взор их исполнен был чуда,
Это все знаменья были,
Что просветленье — придет.

13. МАРА

Сильный Риши, рода Риши,
Твердо сев под деревом Бодхи,
Клятвой клялся — к воле полной
Совершенный путь пробить.
Духи, Наги, Сонмы Неба
Преисполнились восторгом.
Только Мара Дэвараджа,
Враг молитв, один скорбел.
Воин, царь пяти желаний,
Изощренный в деле битвы,
Враг всех ищущих свободы,
Справедливо назван — Злой.
Дочерей имел тот Мара,
Трех красивых и приятных,
Знала каждая, как в сердце
У мужей зажечь любовь.
Имя первой было Рати,
А звалась вторая Прити,
Третьей Тришна было имя,
Дэви высшая в любви.
Имя первой — Любострастье,
А второй — Услада мужа,
Имя третьей — Люборадость,
Три искусницы в любви.
Эти три, к отцу приблизясь,
Вместе все приблизясь к Злому,
Вопросили: «Чем смущен ты,
Чем ты ныне огорчен?»
И, свои смиривши чувства,
Дочерям отец промолвил:

«В мире ныне — мощный Муни,
Клятва — сильный шлем его.
Лук в руке его могучий,
В нем алмаз-стрела есть мудрость,
Овладеть он хочет миром,
Гибель царству моему.
С ним равняться не могу я,
Люди все в него поверят,
На пути его спасенья
Все прибежище найдут.
Будет пуст мой край богатый,
Но, пока закон нарушен,
Человеку нет защиты,
Око мудрости — не зрит.
И пока еще я силен,
Цель его я опрокину,
Я его стропила рину,
Он придет, а дом — пустой».
Взяв свой лук с пятью стрелами,—
С свитой женской и мужскою,—
Он пошел в ту рощу мира,
Чтоб лишить покоя плоть.
Видя, как спокойный Муни
Приготовился безгласно
Пересечь пустыню Моря,
Это Море трех миров,—
Лук он взял рукою левой
И, стрелу качнувши правой,
К Бодгисатве обращаясь,
Молвил: «Кшатрия! Восстань!
Испугаться будет впору,
Смерть твоя в засаде близкой,
Воплощай свою молельность,
Свой же замысел оставь.
Не ищи освобожденья
Для других, будь милосердным,
Миротворь, — награду примешь,
Путь свершив свой, в Небесах.
Это — торная дорога,
Победители ходили,
Люди знатные, и Риши,
И цари — дорогой той.
Если ж ты сейчас не встанешь,
Осмотрительно подумай,
Свой обет отбрось, не жаждай,

Чтобы взвизгнула стрела.
Помнишь, Аида, внук Сомы,
Чуть стрела его коснулась,
Словно в вихре, сумасшедший,
Тотчас разум потерял.
Помнишь, Вимала, подвижник,
Чуть свистящую услышал,—
Потемнел в своей природе,
Изменился сам в себе.
Что же можешь ты, последыш?
Что ты можешь, запоздалый?
Как стрелы моей избежешь?
Встань немедля! Прочь скорей!
Гнойный яд в стреле проворной,
Где ударит,— строит козни.
Вот, я целю! Что ж, еще ли
Будешь в лик беды глядеть?
Не боишься? Не трепещешь
Ты стрелы, несущей гибель?»
Так хотел, угрозой, Мара
Бодгисаттву устроить.
Но меж тем у Бодгисаттвы
Сердце двигнутым не стало,
В сердце не было сомненья,
Страх над ним не тяготел.
И стрела, скользнув, мелькнула,
Впереди ж стояли девы,
Но не видел Бодгисаттва
Ни стрелы, ни этих трех.
Мара был смущен сомненьем
И воскликнул с бормотаньем:
«Дева снежных гор стреляла,
Магесвара ранен был,
Изменить был должен дух свой,
Бодгисаттва ж неподвижен,
На стрелу не смотрит даже,
Ни на трех небесных дев.
Хоть бы искра пробудилась
В нем любовного хотенья!
Нужно воинство собрать мне,
Силой страшной утеснить».
Только Мара так подумал,
Вот уж воинство явилось,
Так внезапно сгромоздилось,
Каждый в облике своем.

И одни держали копыя,
У других мечи сверкали,
А иные, вырвав древо,
Помавали тем стволом.
У иных сверкали искры
От алмазных тяжких палиц,
У других иное было,
Лязг доспехов всех родов.
Голова одних свиная,
У других как будто рыба,
Те — коням подобны быстрым,
Те — подобные ослам.
Лик иных был лик змеиный,
Лик быка, и облик тигра,
И подобные дракону,
Львиноголовые скоты.
На одном, иные, теле
Много шей и глав носили,
Глаз один на лицах многих,
Лик один, но много глаз.
С крутобрюхими телами,
А другие точно складка,
Весь живот как провалился,
Ноги тонкие одни.
У иных узлом колени,
Ляжки жирные раздулись,
У иных не ногти — когти,
Закорючены крючком.
Безголовые там были,
Те безгруды, те безлики,
Две ноги, а тел не мало,
Лики пепельней золы.
Грубы вздувшиеся лица,
Так разлезлись, что взирают
Не туда-сюда, а всюду,
Смотрит выпученный глаз.
Рядом с ликом цвета пепла
Лик звезды, всходящей утром,
Те — как пар воспламененный,
Те — ушами — точно слон.
Горб у тех горе подобен,
Те и наги, и мохнаты,
В кожи, в шкуры те одеты,
Ало-белый в лицах цвет.
Те глядят в змеиной коже,

Те — как тигр — готовы прыгнуть,
Те — в бубенчиках и кольцах,
Эти с волосом как винт.
Эти — волосы по телу
Словно плащ распространили,
Те еще — сосут дыханье,
Те еще — крадут тела.
Эти с воплями танцуют,
Эти пляшут, сжавши ноги,
Эти бьют один другого,
Эти вьются колесом.
Эти скачут меж деревьев,
Эти воют, эти лают,
Те — вопят охриплым вопом,
Те пронзительно кричат.
Дрожь идет в Земле великой
От смешения злых шумов,
Окружила древо Бодхи
Та бесовская толпа.
С четырех сторон уродство.
Над собою изогнувшись,
Тело рвут свое на части,
Эти жрут его сполна.
С четырех сторон окрестных
Изрыгают дым и пламя,
Вихри, бури отовсюду,
Сотрясается гора.
Пар, огонь и ветер с пылью
Тьму, как деготь, созидают,
Смоляные дышат мраки,
Все невидимо кругом.
Дэвы, склонные к закону,
Также Наги все и Духи,
Раздражась на войско Мары,
Кровью плакали, смотря.
И великим братством, Боги,
Видя это искушенье,
С несмущенными сердцами,
Состраданием горя,
Все пришли, чтобы увидеть
Бодгисаттву, как сидит он
Так светло-невозмутимо,
Окружен толпою бесов.
Несосчитанные злые,
Землю с Небом потрясая,

Ревом звуков злополучных
Наполняли все кругом.
Но безгласный Бодгисаттва
Между них сидел спокойный,
И лицо его сияло,
Прежний блеск не изменив.
Царь зверей, так лев спокоен
Меж зверей, что воют возле
И вокруг рычат, свирепо, —
Непривычно странный вид.
Войско Мары поспешает,
Выявляет крайность силы,
Друг ко другу, друг за другом,
Угрожают погубить.
Взор в него вперяют острый,
Зубы хищные оскалив,
Налетают, словно вьюга,
Прыгнут здесь, а там скакнут.
Но безгласный Бодгисаттва
Наблюдает их спокойно,
Как спокойно смотрит взрослый
На играющих детей.
Ярче дьявольское войско
Распалялось силой злобы,
Хватя за камень — не поднимут,
Схватят камень — не швырнуть.
Их летающие копыта,
Стреловидные орудья,
Зацепляются за воздух,
Не хотят спуститься вниз.
Гневный гром и тяжесть ливня,
Град, несущий раздробленье,
Превращались в пятицветный
Нежных лотосов цветок.
Между тем как яд отвратный
И драконова отравы
Обращались в благовонный,
Сладко-свежий ветерок.
И ущерб нанести бессильны,
Те несчетные творенья,
Не коснувшись Бодгисаттвы,
Только ранили себя.
Помогала Маре тетка,
Называлась Мага-Кали,
У нее в руках был череп,

В блюдо выделан был он.
Стоя против Бодгисаттвы,
Похотливостью движений
И приятным этим блюдом
Помышляла искусить.
Так все сонмы воинств Мары,
Каждый в дьявольском обличи,
Закрутились, чтобы бунтом
Бодгисаттву утратить.
Ни один его был даже
Двинут волос в этой битве,
И дружины Мары были
Тяжкой схвачены тоской.
И тогда, незримо, в высях,
Тотчас воинства иные,
Голос стройный умножая,
Возгласили с высоты:
«Вот он! Вот великий Муни!
Дух его не тронут злобой,
И его — порода Мары
Тщетно хочет погубить.
Затемненные, напрасно
Вы упорствуете в грязном,
Откажитесь же от тщетной,
От убийственной мечты.
Он спокоен, тихий Муни,
Он сидит невозмутимый,
Вы не можете Сумеру
Сдунуть с каменных основ.
Может быть, огонь замерзнет,
И вода воспламенится,
И земля, как пух, смягчится,
Он не может ранен быть.
Вам не ранить Бодгисаттву!
Чрез века вспоен страданьем,
Мысли стройно устремивши,
Средства правильно развив,
В чистоте взлелеяв мудрость,
Всех любя и всех жалея,
Он скреплен четверократно,
Тех углов не разделить.
Эти доблести прекрасны
И не могут разорваться,
И сомнительным не сделать
К высшей правде путь его.

Ибо, как должно, бесспорно,
Солнце с тысячью лучами
Потопив в сиянии сумрак,
Мировую тьму зажечь,—
Или, дерево буравя,
Мы зажжем огонь горящий,
Иль, глубско землю роя,
Мы заставим брызнуть ключ,—
Так и тот, кто непреклонен,
Выбрав правильные средства,
Если так искать он будет,
Неизбежно он найдет.
Темен мир без поученья,
Три язвят его отравы,
Хоть, неведение и злоба,—
В мире плоть он пожалел,
И, жалея всех живущих,
В эти трудности вмещенных,
Радость мудрости искал он,
Чтобы страждущим помочь.
Для чего же злое мыслить
И тому препоны ставить,
Кто задумал — прочь из мира
Скорбь гнетущую изгнать?
То неведение, что всюду,
Родилось от лжеучений,—
Потому-то Бодгисаттва
Привлечет людей к себе.
Ослепить того, кто будет
Вожаком великим мира,
Невозможная затея:
Так, испытанный вожак
Чрез Великую Пустыню,
Вдаль уводит караваны
И, в песках дороги зная,
Никогда не заведет.
Так вся плоть в темноты впала,
Где идут, не знают сами,
Хочет он подъять светильник,—
Для чего ж гасить его?
Плоть застигнута, объята
Морем смерти и рождений,
Строит мудрости челнок он,—
Для чего ж топить его?
Ветвь молельности — терпенье,

Корень — твердость, поведенье
Безупречное — расцветы,
Сердце светлое — цветок,
Мудрость высшая — все древо,
Весь закон есть плод душистый,
Тень его — живым защита,—
Для чего ж срубить его?
Хоть, неведенье и злоба,
Это — пыточная 'дыба,
Это — тяжкие засовы,
На плечах существ ярмо.
Чрез века он был подвижник,
Чтобы снять с людей оковы,
Он своей достигнет цели,
Сев на крепкий свой престол.
На своем законном троне
Будет он — как были Будды
Давних дней — в себе скрепленный,
Цельно-замкнут, как алмаз.
Если б вся земля дрожала,
Это место будет стойко,
Он на точке утвердился,
Вам его не отвратить.
Так умерьте же хотенья
И, прогнав высокомерье,
Приготовьтесь к размышленью,
Чтоб смиренными пребыть».
Слыша в воздухе те звуки,
Бодгисаттву видя твердым,
Страхом был застигнут Мара,
Взлеты замысла прогнал.
И, отвергнувши ухищренья,
Вновь на Небо путь направил.
Между тем его дружины,
Все рассеяны кругом,
С мест попадали высоких,
Бранной гордости лишились
И оружия, и доспехи
Разметали по лесам.
Так порою вождь жестокий
Поражен в сраженьи насмерть,
И ряды его редуют,—
Войско Мары прочь бежит.
Бодгисаттва успокоен,
Тишина в уме высоком,

Утро, Солнцу путь готова,
Расцветается зарей.
Ослабел туман широкий,
Праху серому подобный,
Звезды с Месяцем бледнеют,
Грани ночи стерты днем.
Между тем с высот струится
Водопад цветов небесных,
Чтобы сваять Бодгисаттве
Нежно-дышащую дань.

14. ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Бодгисаттва, Мару победивши,
Твердо ум в покое укрепив,
Вычерпав до капли первоправду,
В созерцанье глубоко вошел.
И в порядке пред его очами
Состоянья разные прошли,
В ведение правое вступил он,
В бодрствованье первое вошел.
Вспомнил он свои существованья,
Там рожден и с именем таким,
Все, до настоящего рожденья,
Через сотни, тысячи смертей
Мириады разных воплощений,
Всякие и всюду, без числа.
Всей своей семьи узнав сплетенья,
Жалостью великой схвачен был.
Миновало чувство состраданья,
Видел вновь он все, что здесь живет,
Шесть частей круговращенья жизни²²,
От рожденья к смерти, нет конца.
Пусто все, и шатко, и неверно,
Как платан, что каждый миг дрожит,
Как мечта, что вспыхнет и погаснет,
И как сон, что встанет и пройдет.
И в середине бодрствованья ночи
Глянул он глазами чистых Дэв,
Пред собой увидел все созданья,
Как увидишь в зеркале свой лик:
Всех, кто был рожден и вновь родился,
Чтоб в рожденьи новом умереть,
Благородных, низких, пышных, бедных,

Всех жнецов своих безмерных жатв.
Видел тех, кто правое свершает,
Видел тех, кто в жизни служит злу,
Копящих, как следствие, блаженство,
Громоздящих в житницах беду.
Различил сначала злых в деяньях,
Злое им рожденье быть должно,
Тех узрел, деянья чьи — молельны,
Место их — с людьми и средь Богов.
Те опять в адах родятся нижних,
Видел он всю пропасть пыток их,
Токи пьют расплавленных металлов,
Острые им вилы рвут тела.
Стеснены в котлах с водой кипящей,
Втиснуты в пылающих печах,
Длиннозубым отданы собакам,
Птицам, что выклевают мозг.
Из огня уходят в лес дремучий,
Где, как бритва, листья режут их,
Лезвия им руки отрезают,
На куски их рубят топоры.
Тело сплошь — зияющая рана,
В членах искривляющихся боль,
Пьют они горчайшие отравы,
Их судьба им не дарует смерть.
Кто восторг свой видел в злых деяньях,
В злейшей видел он печали их,
Здесь — мгновенный проблеск наслажденья,
Долгий мрак зловещей пытки — там.
Смех и шутка при чужих страданиях,
Плач и вопль, когда возмездья час.
О, когда б живые знали точно —
В делании злом всех следствий цепь!
Если б знали, верно б, отвернулись
От своих замысленных путей!
Если б знали, верно б, прочь бежали
От того, что следом — кровь и смерть!
Видел также он плоды рожденья
В лике зверя, всех свершений счет,
Накопленье собственных возвратов,
Смерть — и вновь рожден звериный лик.
Из-за шкуры или из-за мяса
Умереть одним велит удел,
Из-за рога, меха или крыльев
Те же рвут друг друга из вражды.

Раньше — друг, родной, теперь — злой ворог,
Когти к горлу, пасти, зуб и клык,
А иные гнутся, тяжко бремя,
Но влачат, бодилами их жгут.
Призраков пытаемых несчетность,
Горла, что иссохли, пить хотят,
Те лететь должны чрез вышний воздух,
Те, не зная смерти, быть в воде,
Видел также он скупцов и жадных,
Ныне — как голодные они,
Их тела крутой горе подобны,
Рты же — как игольное ушко.
Рот всегда для пищи раскрывая,
Поглощают лишь один огонь,
Пьют они отравленное пламя,
Гарь внутри, и больше ничего.
Жадные, обманывать умели,
Облыгали тех, кто был благим,
А теперь голодными родились,
Призрак пищи вечно мучит их.
Все отбросы от людей нечистых
Были бы усладою для них,
Но, едва такую сладость узрят,
Исчезает в воздухе она.
О, когда бы только кто предвидел,
Что его за жадность сердца ждет,
Самую он плоть свою бы отдал,
Лишь бы милосердие оказать!
Снова их рожденными узрел он,
Их тела как сточная труба,
Рождены из чрева лишь для грязи,
Чтобы ведать боль и трепетать.
В жизни — ни одной минуты вольной
От того, что смертный час грозит,
И хоть жизнь — сплошные труд и горе,
Вновь родятся, новая страда.
Видел тех, что заслужили Небо,
Но сдает их любовь к любви,
Жажда быть любимым вечно мучит,
Вянуть, как без влаги вянет цвет.
Светлые дворцы их опустели,
Дэвы спят во прахе на земле,
Или молча горько-горько плачут,
Вспоминая о былых любвях.
Кто родился, грустен в увяданьи,

Кто, любимый, умер, горе в том:
Так стремятся к радостям небесным
И в борьбе себе готовят боль.
Что же стоят радости такие?
Кто же будет, здраво, жаждать их?
Чтоб добиться их, усилье нужно,
Но они бессильны боль прогнать.
Горе! горе! В этом нет различья!
Дэвы в том обмануты равно!
Чрез века они страданье терпят,
Чрез века с хотеньем бой ведут.
Достоверно ждут отдохновенья,
И опять паденье — их удел.
Пытки их в Аду подстерегают,
Рвут друг друга, точно зверя зверь.
Ищут в жгучей жажде и сгорают,
Ищут: «Где восторги?» — ждет их боль,
В Небесах — мечтают — верный отдых,
Но с рождением в Небе тоже боль.
Раз рожден — страданье непрерывно,
В мире нет приюта от тоски,
Круговратность смерти и рожденья —
Поворот несчетный колеса.
В этих водах бьется все живое,
В этих зыбях плоть не отдохнет.
Чистым зреньем Дэвы так смотрел он,
Пять пределов жизни созерцал
Все, равно, бесплодно и напрасно,
Дрожь листка, на миг пузырь волны.
И вступил он в бодрствование третье ²³,
В глубь познания правды он вошел.
Целый мир созданий созерцал он,
Приносящий боль, водоворот,
Полчища живущих, что стареют,
Тех ряды, к которым смерть идет.
Жажда, жадность, темнота незнания,
Безысходность тесных жмущих пут.
Внутри себя взглянул он и увидел,
Где исход рожденья, смерти ключ.
Он удостоверился, что дряхлость —
Из рожденья, как и смерть есть в нем:
Если человек родился с телом,
Тело унаследует недуг.
Глянул он, откуда же рожденье,
И увидел цепь свершений он,

Что в другом свершались месте, где-то,
Не Всевышний делал те дела.
Не были они самопричинны,
Не было то личным бытие,
Не были они и беспричинны,—
Так звено с звеном он различил.
Кто, сломав бамбук, сустав разнимет,
Все суставы разделить легко:
Так, причину смерти и рожденья
Увидав, он к правде подошел.
Все исходит в мире из цеплянья,
Как, схватив траву, горит огонь;
А идет цеплянье из хотенья,
Хоть из ощущения идет;
Как себе голодный ищет пищи
Иль к колодцу жаждущий спешит,
Есть так в ощущеньи жажда жизни,
От касанья это все идет;
К дереву так деревом коснешься,
И огонь из тренья порожден;
Шесть есть разных входов для касанья,
Их причинность имя есть и лик;
Имя с ликом родились от знанья,
Как зерно идет в росток и в лист,
Знанье же из имени и лика,
Эти два сплетаются в одно;
Некая попутная причина
Имя порождает, с ним и лик;
А другой попутною причиной
Имя с ликом к знанию ведут;
Как корабль уходит с человеком,
При сплетеньи суши и воды,
Так из знанья имя вышло с ликом,
Имя с ликом корни создает;
От корней рождается касанье;
От касанья к ощущенью путь;
В ощущеньи кроется хотенье;
И в хотеньи связь цеплянья есть;
Эта связь причина есть деяний;
А они ведут к рожденью вновь;
А в рожденьи скрыты смерть и старость,
В этом всех живых круговорот.
Исто-просветленный, мысля точно,
Он неукоснительно постиг:
Ежели рождение разрушить,

Прекратится старость, с ней и смерть.
Только уничтожь возникновение —
И рождению вместе с ним конец.
Только уничтожь цеплянье связи —
И возникновение больше нет.
Уничтожь хотенье — нет цеплянья.
С ощущением — уничтожишь хоть.
Нет касанья — нет и ощущения.
Шестеричность входов уничтожь,
Нет касанья, входы уничтожишь —
С ними нет имен и ликов нет.
Знания нет — и нет имен и ликов.
Имена и лики уничтожь —
Вместе с ними знание погибает.
Уничтожь неведение, — и с ним
Имена и лики умирают ²⁴.
Так великий Риши завершен,
Он усовершенствован в самбодхи,
В мудрости пределов он достиг.
Так усовершенствовавшись, Будда,
Духом, восьмикратный путь нашел ²⁵,
Миру светоч — правильное зренье,
Верный путь для всех, чтобы ступать.
Так сполна он самость уничтожил, —
Гаснет так огонь, пожрав траву.
То он сделал, что хотел бы видеть
Сделанным свободными людьми.
Первый так прошел урок великий,
Парамарта свершена была.
Он вошел в глубокую Нирвану,
Свет возрос, и темный мрак исчез.
Полный совершенного покоя,
И хранил молчанье, он достиг
До криницы правды бесконечной,
До неисчерпаемых ключей.
Всей блистая мудростью лучистой,
Так великий Риши там сидел,
Между тем в глубоких содроганьях
Сотрясалась мощная Земля.
И опять был мир светло-спокоен,
Дэвы, Наги, Духи собрались,
Музыка небесная возникла,
Правый был закон ей вознесен.
Ветерки прохладные дышали,
Упадал с Небес душистый дождь,

И цветы не дожидались сроков,
И плоды спешили заблестать.
Из пространства, в пышном изобилии,
Молнийные падали цветы,
И других цветов лились гирлянды,
Светлому к ногам свежая дань.
Разные создания друг к другу
Устремлялись, чувствуя любовь,
Страх и ужас вовсе в мире стерлись,
Ненависти не было ни в ком.
Все, что жило в мире, сочеталось
С вольной безупречностью любви,
Дэвы, бросив вышние восторги,
К грешным, облегчая их, сошли,
Пытки было меньше все и меньше,
Возрастала мудрости Луна.
Видя свет, несомый людям Буддой,
Ликовали духи в Небесах,
Из жилищ небесных упали
Приношенья, как цветочный дождь,
Дэвы, Наги, голосом согласным,
Восхваляли доблести его.
Люди, видя эти приношенья,
Слыша также радостный напев,
Исполнялись светлым ликованием,
Отдавались радости вполне.
Только Мара, темный Дэвараджа,
В сердце сжато чувствовал тоску.

Будда, потерявшись в созерцании,
В сердце ощущая светлый мир,
День ко дню, семь дней смотрел на Бодхи,
На сьятое древо он смотрел.
«Я теперь в покое совершенном,—
Про себя безгласно он сказал,—
Что хотело сердце — получило,
Ускользнул от самого себя».
Обозрело снова око Будды
Все живое, что вступило в мир,
Жалость в нем глубокая возникла,
Он желал им вольной чистоты.
Но, чтобы прийти к освобождению
От слепой и жадной темноты,
Сердце путь прямой должно наметить
И не только внешне замолчать.

Он взглянул назад, и он подумал
Об обете мощном,— и опять
Восхотел закон он проповедать,
Жатву боли в мире осмотрел.
Брама-Дэва, видя эти мысли
И желая свет распространить,
Чтобы плоть от боли отдохнула,
Снизойдя, отшельника узрел.
Проповедник зрим был в нем верховный,—
Он сосредоточенный сидел,
Обладая мудростью и правдой,
С сердцем, ускользнувшим от темнот.
И тогда, исполнившись почтеньем,
Радостно великий Брама встал
И, ладони сжавши перед Буддой,
Так свое ходатайство изрек:
«Как велико в целом мире счастье,
Если с тем, кто темен и не мудр,
Встретится столь любящий учитель,
Озарит смутительную топь!
Гнет страданья жаждет облегченья,
Грусть, что легче, тоже часа ждет.
Царь людей, ты вышел из рождений,
От смертей несчетных ускользнул.
И теперь тебя мы умоляем:
Ты спаси, из этих бездн, других,
Получив блестящую добычу,
Долю дай другим, что здесь живут.
В мире, где наклонны все к корысти
И делиться благом не хотят,
Ты проникнись жалостью сердечной
К тем, другим, кто здесь обременен».
Так сказавши в виде увещанья,
Брама-Дэва к Небу отошел.
Будда же, призыв тот услышавши,
Ликовал и в замысле окреп.
Мысля, что просить он должен пищи,
Каждый из царей, из четырех,
Дар ему принес,— и Совершенный,
Взяв четыре, все их слил в одно.
Тут торговцы мимо проходили,
И небесный дружественный дух
Им сказал: «Здесь есть великий Риши,
Пребывает в горной роще он.
Миру в нем — ристалище заслуги.

Принесите ж светлый дар ему!»
С радостью пошли они немедля
И еду молельно принесли.
Он вкусил и размышлял глубоко:
Кто услышит первый правды речь?
Араду припомнил и Удраку,
Что достойны были знать закон.
Но теперь уж оба были мертвы.
И о тех он вспомнил, пятерых,
Что могли впервые слышать слово,
Проповедь первичную приять.
Восхотев Нирвану проповедать,
Совершенный возвестить покой,
К Бенаресу так он путь направил,
Как пронзает Солнце темноту,—
К граду, где издревле жили Риши,
Он направил свой размерный шаг,—
Царь быков глядит так взором кротким,
Так ступает ровным шагом лев.

15. ВРАЩЕНЬЕ КОЛЕСА

Благоговейно молчащий,
Блеском сияя лучистым,
Свет изливая прекрасный
И не сравнимый ни с кем,
Полный достоинства, шел он,
Словно толпой окруженный,
Юного Брамана встретил,
Упага имя его.
Видом великого Бхикшу
Был поражен этот Браман,
Скован почтительным чувством,
Стал он у края пути.
Сжавши ладони, смотрел он,
Был он обрадован в сердце
Зрелищем тем беспримерным
И Совершенному рек:
«Полчища тех, что — повсюду,
Чар никаких не имеют,
Грех их пятнает заразный,
В людях изящества нет.
Сердце великого мира
Всюду охвачено смутей,
Ты лишь один успокоен,

Лик твой как Месяц горит.
Вид твой такой, что как будто
Влаги испил ты бессмертной,
Ты красотою отмечен,
Как человек, что велик.
Мудрости сила могуча,
В этом ты царь полновластный,
Мудрое что-то ты сделал,—
Кто твой владыка? Ты — кто?»
И отвечал Совершенный:
«Я не имею владыки,
Нет и почетного рода,
Нет у меня и побед.
Самонаученный этой
Мудрости, самой глубокой,
Сверхчеловеческих знаний
Сам я душою достиг.
Что подлежит познаванью,
Мир чему должен учиться,
Сам, чрез себя и собою,
Это постиг я вполне.
Это зовется Самбодхи,
Меч этой мудрости острый,
Меч тот разрушил семейство
Всех ненавистных скорбей.
Это главной победой
В мире зовут справедливо.
Весь Бенарес будет слышать,
Как загудит барабан.
Остановиться нельзя уж!
Имени я не имею,
Радости я не желаю,
Голос глаголющий я.
Что́ возвещаю я,— правду,
Что́ я ищу,— лишь свободы,
Освобожденья от пытки
Всех и всего, что живет.
Некогда данную мною
Выполнить клятву хочу я,
Жатва той клятвы созрела,
Ныне я выточил серп.
Пышность, корысть и богатство,
Все это брошено мною.
Имени я не имею,
Имя мне все же дают:

Я Справедливый Владыка,
Также — Великий Учитель.
Глянув на скорби бесстрашно,
Также я — Храбрый Боец.
Также — Благой я Целитель,
Ибо целю я недуги.
Путеводитель Благой я,
Всем указующий путь.
Сумрак ночной разгоняя,
Светит лампада собою,
Самолучистым сияньем,—
Так и лампада моя.
Тени в ней личного чувства
Нет, а одна самосветность.
Дерево древом буравя,
Вызовешь верный огонь.
Ветер в пространстве свободный
Двигается — собственной силой.
Землю вскопаешь глубоко —
Влаги дойдешь ключевой.
Самопричинности в этом
Дышит устав непреклонный,
Все совершенные Муни
Этот устав соблюдут.
В светлых краях Бенареса
Первое будет вращенье,
Тот оборот Правосудья,
Весь кругоход Колеса».
Упага, юноша-Браман,
«О!» воздохнул, удивленный,
И, понижая свой голос,
Странную мудрость хвалил.
Все, что с ним было, припомнил,
Как он пришел к этой встрече,
На поворотах дороги
Он удивленный вставал.
Каждый был шаг ему труден.
Шел Совершенный неспешно,
До Бенареса дошел он,
До превосходной страны.
Два там, в середине, потока,
Реки сливались, мерцая:
Варана — имя прохладной,
Имя пленительной — Ганг.
Светлые пажити, рощи,

Много цветов разноцветных,
Много плодов золотистых,
Мирно пасутся стада.
Тихая это обитель,
Нет в ней докучного шума,
Старые Риши там жили,
Чтя невозбранный покой.
Это блестящее место
Сделалось вдвое 'светлее,
Воспринимая сиянье
Вновь воссиявших лучей.
Там пребывал Каунд́инья,
Д́асабал́акаси́па,
Ва́гипа, А́сваджит, Бх́адра,
Плоть истязали они.
Видя, как Будда подходит,
Сидя, они говорили:
«Это идет Гаутама,
Он осквернился мирским.
Путь он суровый оставил,
Ныне же снова нас ищет,—
Мы уж, конечно, не встанем
И не промолвим привет.
И освежений обычных
Мы уж ему не предложим,
Ибо обет он нарушил,
Гостеприимства лишен».
Так согласившись, сидели,
Это решенье принявши.
Все подходил Совершенный,
Шел он неспешно — и вот!
Не сознавая движений
И нарушая решенье,
Все поднялись они вместе,
Сесть предложили ему.
Снять предложили одежду,
Вымыть и вытереть ноги
И спросили с почтеньем,
Что́ он желает еще.
Так оказавши вниманье
И соблюдая почтенье,
Все же его Гаутамой
Звали они — по семье.
Тут, обращаясь к ним с словом,
Возговорил Совершенный:

«Не называйте, прошу вас,
Именем личным меня.
В том небреженье слепое —
Звать так достигшего правды.
Но, почитают ли, нет ли,
Дух мой спокоен вполне.
Все же прошу вас отречься
От неучтивости этой.
Миру — спасение в Будде,
Имя его — оттого.
Он ко всему, что живое,
С кроткой относится лаской,
Видит детей он в живущих,
Не презирайте ж отца».
Движимый сильной любовью
И состраданием глубоким,
Так говорил он, но горды
Были они в слепоте.
И говорили, что раньше
Он в отреченьи был правом,
Но, ничего не достигши,
Тело и мысль распустил.
Как же, они спросили,
Мог бы он сделаться Буддой?
Веры ему не давая,
Так сомневались они.
Высшую правду познавший,
Мудрости свет всеохватный,
К ним обратясь, Совершенный
Верный им путь указал.
Те, что, уча, неразумны,
Тело свое умерщвляют,
И неразумны другие,
Кем услаждается плоть.
Это две крайних ошибки,
Два заблужденья великих,
И ни одни, ни другие
К правде пути не нашли.
Будда сказал: «Кто чрезмерно
Плоть истязанием мучит,
Он вызывает страданием
Спутанность мыслей своих.
Мысли больные не могут
Дать даже знания мирского,
Мысли такие не могут

Силу страстей победить.
Кто засвечает лампаду,
Жидкой наполнив водою,
Он не сумеет, конечно,
Сумрак огнем озарить.
Также и тот, кто износит
Тело свое, не сумеет
Ни уничтожить незнания,
Ни просветленность возжечь.
Тот, кто, огонь добывая,
Выберет дерево гнилое,
Он ничего не получит,
Даром растратит свой труд.
Если же твердое дерево
Деревом твердым буравишь,
Раз ты упорен в усилии,
Вспыхнет блестящий огонь.
Если ты мудрости ищешь
Не умерщвлением плоти
И не усладою чувства,
Жизни найдешь ты закон.
Кто потекает хотеньям,
Как же он будет способен
Сутры и Састры постигнуть,
Как он себя укротит!
Тот, кто, в смятенности трудной,
Ест, что к еде непригодно,
И умножает недуг свой,—
Он — услаждающий плоть.
Если огонь разбросаешь
По травянистой пустыне,
Пламя, раздутое ветром,
Сможет ли кто погасить?
Так и огонь возжеланья,
Так и пыланье хотенья.
Крайности обе отбросив,
Средней дороги держусь.
Всякие скорби окончив,
Все устранив заблужденья,
Я пребываю в покое,
Невозмутимость храня.
Виденье верного зренья
Ярче высокого Солнца,
Беспеременная мудрость
Есть внутрезоркость души.

Правое слово — чертог мой,
Правое дело есть сад мой,
Правая жизнь есть беседка,
Где я могу отдохнуть.
Путь надлежащего средства
В рощи такие приводит.
Правая память — мой город.
Правые мысли — постель.
Ровные это дороги,
Чтоб ускользнуть от рожденья,
Чтобы избавиться смерти,
Вечную боль победить.
Тот, кто из топкого места
Этой уходит дорогой,
Он достигает свершенья,
Мудро дошел до конца.
Он колебаться не будет
В сторону ту и другую,
Меж несосчитанных пыток
Двух перекатных веков.
Три многотрудные мира
Этим путем побеждают,—
Так разорвут паутину
Цепко сплетенных скорбей.
Этот мой путь беспримерный,
Раньше о нем не слыхали,—
Правый закон избавленья
Я, только я, увидал.
Этой дорогой впервые
Я разрушаю хотенье,
Душное полчище хоти,
Старость, и смерть, и недуг.
Все бесполезные цели,
Всякий источник страданья,
Все, что бесплодно, как помысл,
Уничтожается мной.
Есть и такие, что бьются
Против желаний — желая,
Обуреваемы плотью,
Плоти не видят своей.
Эти источник заслуги
Сами себе прекратили.
В малых словах расскажу я
Их затемненный удел.
Как, угашая пожары,

Искру, порой, оставляют,
И, позабытая, тлеет,
Новым пожаром грозя, —
Так в отвлеченьи их мысли
«Я», как зерно, остается,
Скорби великой источник,
Движимый хотью вперед.
Злые последствия дела,
Деланье все пребывает.
Хочешь зерно уничтожить,
Влаги ему не давай.
Если земли и воды нет,
Если причин нет согласных,
Лист и росток не родятся,
Стебель не может возрасти.
Все многосложные цепи,
В разности жизней различных, —
Злое ли это рождение,
Дэва ли будет рожден, —
Без окончанья повторы
И возвращаются в круге,
Это — от жаждущей хоти
Сгибы звена ко звену.
От высоты до низины,
От вознесенности к срыву —
Следствие это ущерба
В прежде свершенных делах.
Но уничтожишь зародыш,
Связи не будет сплетенной,
Действие дела исчезнет,
Болям различным конец.
Э т о имея, должны мы
Т о унаследовать также;
Э т о разрушишь, и с этим
Также окончится т о.
Нет ни рожденья, ни смерти,
Старости нет, ни болезни.
Нет ни земли и ни ветра,
Нет ни воды, ни огня.
Нет ни конца, ни начала,
Нет середины, обманов,
Недостовверных учений, —
Верная точка одна.
Это предел окончанья,
Тут завершенность Нирваны.

Восемь дорог настоящих
К мудрости этой ведут.
В способе этом едином
Больше уж нет дополнений.
Мир ослепленный не видит,
Я же мой путь увидал.
Я прекращаю течение
Токов, несущих страданье.
Истин высоких — четыре ²⁶,
Мысля о них, ты спасен.
Это есть з н а н и е скорби,
Это есть — срезать причину,
Во избежанье завязок
В сложных узлах бытия.
Это когда уничтожишь,
Кончено также стремленье,
С уничтоженьем смятенья
Восемь открылось путей ²⁷.
Так четверичная правда ²⁸
Очи ума разверзает,
Через меня — избавленье,
Высшая мудрость — во мне»,
Члены семьи Каундиньи
Мудростью той напитались,
С ними же Дэвы, их сонмы,
Многие тысячи их.
Сдвинув туман ослепленья,
Чистый Закон увидавши,
Дэвы, а также земные,
Знали, что круг завершен.
Что надлежало, свершилось.
И, ликованьем исполнен,
Он спросил Каундинью,
Голосом львиным сказав:
«Знаешь ли ныне?» И Будде
Вмиг отвечал Каундинья:
«Мощным Учителем данный,
Знаю великий Закон».
И потому его имя
Аньята есть Каундинья, —
Аньята — Знающий значит ²⁹,
Верный устав он познал.
Между пошедших за Буддой
Первым он был в пониманьи.
Только ответ тот раздался,

Грянул ликующий вскрик.
Духи земли восклицали:
«Сделано точным свершеньем!
Видя закон сокровенно,
В день, что отмечен средь дней,
Осуществил Совершенный
Тот оборот во вращеньи,
Что никогда еще не был, —
Ход беспримерный свершен.
И человеки и Боги
Нежность росы получили,
Вот, перед всеми открылись,
Ныне, бессмертья врата.
То колесо — совершенно;
Спицы суть — правда поступков;
Ровный размах созерцанья —
Равный размер их длины;
Твердо-глядящая мудрость —
Есть на ступице насадка;
Скромность и вдумчивость мысли
Суть углубленья в гнезде;
Ось вкреплена здесь надежно;
Правая мысль есть ступица;
То колеса в завершеньи
Правды есть полный закон.
Полная истина ныне
В мире означила путь свой
И никогда не отступит
Перед ученьем другим».
Так в восхищеньи великом
Духи Земли ликовали,
Воздуха духи запели,
Дэвы вступили в тот хор.
Гимн они пели хваленья
До высочайшего Неба.
Дэвы тут Мира тройного,
Слыша, как Риши учил,
Между собой говорили:
«Дальше-прославленный Будда
Движет всем миром могучим,
Миру он точный рычаг!
Ради всего, что живое,
Создал устав он Закона,
Двинул во имя живущих
Светлое он колесо!»

Бурные ветры утихли,
Дымные тучи исчезли,
Дождь устремлялся цветочный
Из просветленных пространств.

16. УЧЕНИКИ

И теперь те пять, что подвизались,
Асваджит, и Вашпа, и другие,
Услышав, что Каундинья в е д а л,
Услышав, что он у з н а л Закон,—
С выраженьем кротким и смиренным,
Сжав ладони, преклонились низко
И свою почитительность явили,
Посмотрев Учителю в лицо.
Совершенный, способом премудрым,
Каждого Закон обнять заставил.
И таким путем пять мудрых Бхикшу
Просветлели в собственном уме.
Пять сполна, как первый, так последний,
Лучезарно покорили чувства,—
Так пять звезд сияют в вышнем Небе,
Услужая ласковой Луне.
В это время, в граде Кушинара,
Некто Ясас, родом благородный,
В сне ночном потерянный, внезапно
Пробудился — и глаза раскрыл.
Оком молодым он слуг окинул,
Спали крепко женщины, мужчины,
Платья в беспорядке, лица смяты,
Отвращеньем сердце сжалось в нем.
Думая о корне всех мучений,
Размышлял он, как безумны люди,
Размышлял, как это сумасбродно —
Припадать к источнику скорбей.
Он надел красивые убранства,
В светлом лике из дому он вышел,
На дороге встал и громко вскрикнул:
«Горе! Бесконечна цепь скорбей!»
Совершенный — путь держал во мраке
И, услышав сетованья эти,
Отвечал: «Приход твой здесь желанен,
Скорби есть — и отдых от скорбей,
Свежести исполненный, прекрасный,

Самый совершенный, то — Нирвана,
Это неподвижность есть покоя,
Вольного от всяческих тревог».
Увещанье Будды услышавши,
Ясас был обрадован глубоко
И почувал — в месте отвращения
Мудрости пробился свежий ключ.
Словно он взошел в затон прохладный.
Подошел туда, где медлил Будда,
Был на нем его покров обычный,
Дух от недостатков волен был.
Силой благодетельного корня,
Что в других рожденьях накопился,
Быстро получил он просветленье,
Тайный свет познания в нем светил.
Он уразумел — Закон услыша:
Так, мгновенно, шелк меняет краски.
Самоозаренье засветилось,
То, что надлежало, свершено.
И, себя в наряде пышном видя,
Устыдился он, — но Совершенный,
Внутреннюю мысль его увидев,
Голосом напевным возвестил:
«Пусть и украшения не сняты,
Сердце покорить способно чувства, —
Раз на все взираешь без пристрастья,
Внешнее не может захватить.
Тело может ведать власяницу,
Мысли же — цепляться за мирское:
Кто в лесу глухом мирского жаждет,
Не подвижник он, а мирянин.
Лик мирской являть способно тело,
Сердцем же к высокому вноситься:
Мирянин ли ты или отшельник,
Все равно, коль победил себя.
Тот, кто носит воинские знаки,
Носит знак победы над врагами,
Так же и отшельником одетый, —
Говорит, что скорбь побеждена».
Он ему сказал: «Приди же с миром,
Будь со мной и будь смиренный Бхикшу».
Сказан зов — и вот! В иной одежде
Он пред ним отшельником стоял.
В оны дни у Ясаса в весельи
Пятьдесят четыре было друга:

Увидав, что друг их стал отшельник,
В верный и они вошли Закон.
Следствие деяний в прежних жизнях,
Совершенный плод они явили:
Так, порой, золу зальешь водою,
Высохнет вода, и жив огонь.
Было шестьдесят теперь их мудрых,
Шестьдесят учеников познавших.
И учил он: «Берега другого
Вы достигли, перейдя поток.
Свершено, что ждало совершенья.
От других примите милосердь,
Через все идя края и страны,
Обращайте всех в своем пути.
В мире, что сжигаем всюду скорбью,
Рассевайте всюду поученья,
Укажите путь идущим слепо,
Светочем да будет жалость вам.
Так же я на гору Гайясиршу
Отйду к великим царским Риши,
К Браманам, которые живут там,
Поучая разному людей.
Там живет и Риши Касиапа,
Почитаем всеми как подвижник,
Обращая тоже очень многих,—
Посещу его и обращу».
Отбыли те шесть десятков Бхикшу,
Каждый получил предназначенье
Проповедь держать по разным странам,
Следуя наклонности своей.
Но один пошел тот Чтимый миром,
И пришел к горе он Гайясирше
И вступил в молельную долину,
В дол, где Риши Касиапа был.
Касиапа в огненной пещере
Совершал там жертвоприношень,
В пламенном том гроте злой жил Нага,
Он искал покоя по горам.
Чтимый миром, обратить желая
Этого отшельника, промолвил:
«Где бы мог я ночью поместиться?»
Касиапа Будде отвечал:
«Не имею предложить приюта,
Огненную разве ту пещеру,
Где свершаю жертвоприношенья,

Там всегда прохладно по ночам.
Но дракон там злой живет,— и может
Отравлять людей по усмотренью».
Будда отвечал: «Позволь мне только,
На ночь поселюсь в пещере той».
Касиапа делал затрудненья,
Чтимый миром все просил упорно,
И ответил Будде Касиапа:
«Спорить никогда я не люблю.
Лишь имею страх и опасенья,—
Но как хочешь, так и сделать можешь».
Тотчас Будда в грот вступил огнистый
И в глубоком размышленьи сел.
Увидавши Будду, злой тот Нага
Изрыгнул свирепый яд огнистый
И наполнил грот горячим паром,
Но коснуться Будды пар не мог.
Он сидел там неприкосновенный,
А огонь перегорал в пещере,—
Так до Неба Брамь пламень вьется,
Брама же сидит невозмутим.
Злой тот Нага, увидавши Будду,
Видя лик, сияющий покоем,
Прекратил отравленные вихри,
Сердцем стих и преклонил главу.
Касиапа, увидавши ночью,
Как горит огонь во тьме, пылая,
Воздохнул: «О, горе, в том пожаре
Этот светлый человек погиб».
Утром он пришел с учениками
Посмотреть. А Будда, покоривши
Злого Нагу, сделал Нагу кротким,
В нищенскую чашу положил.
Касиапа думал: «Гаутама
Сведущ и проник в благоговенье».
Все же про себя сказал тихонько:
«Я в познаниях тайных господин».
Случаем воспользовавшись добрым,
Будда оказал влиянье духом,
Перемены вызвал в Касиапе,
Тайные в нем мысли изменил,
Сделал ум его покорно-гибким,
Для Закона правого пригодным,—
И, себя изведав, Касиапа
Собственную скудность увидал.

Он смиренно принял поученье,
С ним пятьсот ему во всем внимавших.
Жертвенные взяв свои сосуды
И добро, швырнули в реку все.
Это все поплыло по теченью.
Гада с Нади, братья, жили ниже,
Увидав плавучие предметы,
Меж собою говорили так:
«Перемена важная случилась».
И они тревожно тосковали
И пошли, вверх по теченью, к брату,
И пятьсот за каждым верных шло.
Увидав, что брат их стал отшельник,
Что Закон владеет ими дивный,
Молвили: «Коль брат наш подчинился,
В этом мы последуем за ним».
Так три брата и толпы их верных
Проповедь услышали Владыки,
Он учил о жертвоприношении,
Говорил он притчу об огне:
«Спутанные мысли — словно древо
В дереве другом — огонь буравят,
Дым густой неведенья рождают,
Все живое ложной жгут мечтой.
Так огонь печали и заботы,
Загоревшись, жжет не уставая,
Все приводит к смерти и рождению,
Нет топлива — и огонь не жжет.
Так, когда у человека сердце
Ко греху воспримет отвращенье,
Отвращенье страсть уничтожает,
Гаснет хоть, и в этом выход есть.
Если только этот выход найден,
Рождено с ним зрение и знанье,
Жизнь и смерть в потоках видны четко,
Долг свершишь,— и жизни больше нет.
Тысяча прислушавшихся Бхикшу
Речи Совершенного внимали,
Спали с душ их все былые пятна,
К ним освобождение пришло.
Все, что надлежало, совершилось,
В мудрости сиял высоко Будда,
Правила он дал им очищенья,
Мощный Риши стал учеником.
Совершенный, с верными своими,

Путь направил ныне в царский город:
Бимбисару Раджу вспоминая,
В Раджагригу он с толпой пошел.
Выполнить хотел он обещанье,
И, прибыв, он оставался в роще;
Услыхав об этом, царь со свитой
К месту, где Владыка был, пошел.
Увидав, как Будда восседает, —
С сердцем, преисполненным смиренья,
С колесницы пышной он нисходит,
Украшенья снял, к нему пошел.
Кротко он к ногам склонился Будды,
О телесном спросил здоровьи.
В свой черед, заговорил с ним Будда,
Сесть с собою рядом попросил.
Царь в уме подумал безглагольно:
«Этот Сакья, верно, власть имеет,
Коль своей он воле подчинил всех
И вокруг него — ученики».
Будда, эти мысли духом видя,
Касиапу вопрошая, молвил:
«Отказавшись от огнепоклонства,
Выгоду какую ты нашел?»
Касиапа, тот вопрос услыша,
Пред большим собраньем встал неспешно,
Низко поклонился, сжав ладони,
Обратился к Будде и сказал:
«Огненного духа почитая,
Выгоду я извлекал такую:
В колесе был жизни беспрерывно,
Ведал смерть, рожденье, боль, недуг.
Потому служенье это бросил.
Я в огнепоклонстве был усердным,
Я искал конца пяти желаний,
И в ответ — желаний был возврат.
Потому служенье это бросил.
В этом я служеньи ошибался,
Вечно возвращался я к рожденью,
Потому покоя возжелал.
Я был сведущ — в самоогорченьи,
Способ мой считался наилучшим,
Мудрости же высшей был я чуждым.
Потому отбросил способ свой.
Я ушел искать Нирваны высшей.
Отодвинув от себя рожденье,

Сбросив смерть, болезнь, искал я места,
Где неумирающий покой.
Потому, познавши эту правду,
Я закон огнепоклонства бросил
И оставил жертвоприношение,
Связанное с действием огня».
Чтимый миром, слыша Касиапу
И желая мир подвигнуть к благу,
К Касиапе дальше обратился:
«Так! Добро пожаловать! Приди!
Ты желанен здесь, учитель мощный,
Отличил Закон ты от закона,
Высочайшей мудрости достиг ты.
Пред собранием этим я теперь
Попрошу тебя явить блестяще
Все твои высокие свершенья,
Восхвали же своего владыку
И свои сокровища открой».
Тотчас же, в присутствии собрания,
Тело погружая в бестелесность
И в восторг молельный повергаясь,
Он в пространство вышнее взошел.
Там себя пред взорами явил он,
Ходя, стоя, сидя, засыпая,
Пар огнистый испуская телом,
Справа, слева пламень был с водой,—
Тело же его не обжигалось,
Тело же его не увлажнялось,—
Тучу дождевую испустил он,
Грянул гром, и молния зажглась,
И Земля и Небо содрогнулись,—
Так внушил он миру восхищенье,
И глаза на яркий блеск смотрели,
Этим ярким блеском не слепясь.
И уста различные хвалили,
Но язык единый был в хваленьи,
Зрелище чудесное пленило.
И потом переменилось все,—
Силою духовною влекомы,
Все к ногам Учителя склонились,
Воскликая: «Будда — наш учитель!
Чтимого мы все — ученики».
Так узнали все, что Совершенный
Истинно Всезнающим зовется.
К Бимбисаре Радже обратившись,

Будда слово должное сказал:
«Да внимая — все уразумеют.
Чувствами, и мыслями, и духом
Властвует закон рожденья — смерти.
Если ясно узришь то пятно,
Четкое получишь воспрятье;
Получивши четкость воспрятья,
Знание себя получишь с этим,
Воспрятье чувства победишь;
Раз себя узнаешь и узнаешь
Путь, который укажут чувства,
Места нет для «Я» тогда, ни почвы,
Чтобы это «Я» образовать;
Все нагромождения печали,
Скорби жизни, боль и скорби смерти
Видишь как неотделимость тела,
Тело же увидишь не как «Я»
И для «Я» не узришь в теле почвы:
В этом есть великое открытье,
В этом есть бессмертный ключ покоя,
В этом бесконечность тишины.
Это мысль о самости — источник,
Что несчетность болей порождает,
Мир, как бы веревками, связует,
Знай, что «Я» не свяжешь, — нет и пут.
Свойства «Я» узнав, порвешь веревки,
Размыкаясь — цепи исчезают,
Это узришь — вот освобожденье,
Да погибнет ложный помысл «Я»!
Те, что «Я» поддерживают в мысли,
Или говорят, что «Я» есть вечно,
Или говорят, что погибает, —
Если взять пределы — жизнь и смерть, —
Заблужденье их весьма прискорбно.
Если «Я» не длится, — плод стремленья,
Достиженье, также погибает,
Раз не будет После — плод погиб;
Если ж это «Я» не погибает, —
В средоточьи смерти и рожденья
Тождество одно лишь есть, пространство,
Что не рождено и не умрет.
Если это «Я» есть в их понятия,
Значит, все живое есть едино:
Есть во всем такая неизменность,
Самосовершенная, без дел.

Если ж так, такая если самость
Действует, так самость есть владыка:
Что ж тогда заботиться о деле,
Если все уж сделано давно?
Если это «Я» неистребимо,
Разум скажет — «Я» и неизменно,
Мы же видим радость и печали,—
Где же постоянству место тут?
Зная, что в рождении свобода,
О пятне греха я мысль отброшу,
Длится мир, и все здесь в мире длится,—
Что ж об избавлении мечтать?
Что и говорить об устраниеньи
Самого себя, раз ложь есть правда?
Ежели не «Я» свершает дело,
Кто же, вправду, говорит о «Я»?
Но коли не «Я» свершает правду,
Нет здесь «Я», свершающего дело,—
Ежели ж отсутствуют здесь оба,
Правда в том, что вовсе нет здесь «Я».
Нет того, кто делает и знает,
Нет Владыки,— несмотря на это,
Вечно длится смерть здесь и рожденье,
Каждый день есть утро, есть и ночь.
Слушайте ж теперь меня и слышите:
Шесть есть чувств и шесть предметов чувства,
Слитые взаимно в шестеричность,
Шестеричность знания создают³⁰.
Чувства и предметы чувства, с знаньем
Единясь, родят прикосновенья.
Меж собой они переплетаясь,
Сеть воспоминания родят.
Как стекло и трут чрез силу Солнца
Возжигают огненное пламя,
Так, чрез чувства и предмет, есть знанье,
А чрез знанье есть Владыка сам;
Стебель есть из семени стремленья,
Семя есть не то же, что есть стебель,
Не одно и все же не другое:
Вот, в рожденьи, все, что здесь живет».
Чтимый миром проповедал правду,
Первоправду дал он в равновесьи,
Так, к царю со свитой говорил он,
Бимбисара Раджа светел был.
Все с себя былые пятна стер он,

Получил моленное он зренье,
Сотня тысяч духов с ним внимала
И бессмертный слышала Закон.

17. СВИТА

Главу склонивши, Бимбисара Раджа
Учителя просил принять в подарок
Бамбуковую рощу, Будда принял,
При этом безглагольность сохранил.
Царь, смысл поняв, склонился пред Высоким
И отбыл в свой дворец, а Чтимый миром
Пошел, великим окружен собраньем,
Чтоб отдохнуть в бамбуковом саду.
Здесь всех живущих обращал он к правде
И возжигал для всех лампаду мысли,
Устанавливал верховного он Брамму
И жизнемудрых точно подтверждал.
А в это время Асваджит и Вашпа,
С спокойным сердцем и храня безгласность,
Вошли в тот пышный город Раджигригу,
Настало время пищи попросить.
Достоинством и мягкостью движений
Те двое были в мире несравненны,
Владыки и владычицы, их видя,
Возрадовались в ласковых сердцах.
И те, что шли, остановились молча,
Что были впереди, те подождали,
Что были позади, те поспешили,
И каждый на двоих смотрел светло.
И меж учеников неисчислимых
Один великой славой окружен был,
Он назывался в мире Шарипутра,
На тех двоих с восторгом глянул он.
Изящество движений их увидя,
В движеньях их покорственные чувства,
Достоинство размерного их шага,
Поднявши руки, он их спросил:
«В летах вы млада, в лике же достойны,
Таких, как вы, не видывал я раньше.
Какому послушаете закону?
И кто учитель ваш, что вас учил?
И в чем ученье? Что вы изучили?
Прошу, мои сомненья разрешите».

Один из Бхикшу, радуясь вопросу,
Приветственно-охотно отвечал:
«Всеведущий рожден в семье Икшваку,
Что меж людей и меж Богов есть первый,
Единый он — великий мой учитель.
Я юн, и солнце правды лишь взошло,
Смогу ли изложить его ученье?
Глубок в нем смысл, для понимания труден,
Но ныне, сколько скудость мне дозволит,
Его я мудрость вкратце изложу:
Все то, что есть, исходит из причины.
И жизнь и смерть разрушены быть могут,
Как действие причины. Путь же — в средстве,
Которое он четко возвестил».
И Упатішія, рожденный дважды,
Сердечно то воспринял, что услышал,
Всю мнимость чувства стер с себя, и оком
Увидевшим он воспринял Закон.
Причинность достоверную он понял,
Всей мудростью не-самости проникся,
Туман несчетных малых смут содвинул:
Отбросишь мысль о «Я» — нет больше «Я».
Коль Солнце встало — кто ночник засветит?
И стебель срежь — цвет лотоса с ним срезан,
Так стебель скорби словом Будды срезан,
Скорбь не возрастет, и Солнце шлет лучи.
Пред Бхикшу преклонился он смиренно,
Пошел домой. А Бхикшу, подаянья
Собравши, в сад бамбуковый вернулись.
Придя домой с сияющим лицом,
Являл вид необычный Шарипутра,
Мадгалийяна, ему содружный,
Что был равно ученостью прославлен,
Его увидя, ласково сказал:
«Я замечаю, лик твой необычен,
Как будто весь твой нрав переменялся,
Ты счастлив, ты владеешь вечной правдой,
Не без причины эти знаки все».
И тот ответил: «Совершенный молвил
Слова, каких еще не раздавалось».
И повторил он возвещенье правды,
И тот, другой, узрел душой Закон.
Когда давно посажено растение,
Оно приносит плод свой благодетельный,
И если в руки дашь кому лампаду,

Был в темноте, но вдруг увидит он.
Внезапно так уверовал он в Будду,
И оба к Будде тотчас устремились,
И двести пятьдесят за ними верных.
И Будда, их увидя, возвестил:
«Отмечены те двое, что приходят,
Меж верных возноситься будут ярко,
Один своею мудростью лучистой,
Другой же чудотворностью своей».
И гласом Браммы, нежным и глубоким,
«Благословенен ваш приход»,— сказал им.
«Здесь тихая и чистая обитель,—
Сказал он,— ученичеству — конец.
Тройной в руках у них явился посох,
Сосуд с водой пред ними появился³¹,
Мгновенно каждый принял постриженье,
Их лик был словом Будды изменен.
Те два вождя и верная их свита,
Принявши заверченный облик Бхикшу,
Простертые, пред Буддою упали
И, вставши, сели около него.
В то время был мудрец, рожденный дважды,
Он Ведающий звался, Агнидатта,
Прославлен был и завершен он в лике,
Богат, имел достойную жену.
Но бросил это все, ища спасенья,
И сделался отшельником молельным.
Близ башни шел он — Башни Многодетской,—
Внезапно Сакью Муни увидал.
Блистателен был ликом Сакья Муни,
Как вышитое знамя храмовое.
Почтительно к Высокому приблизясь,
Он, приклонясь к его ногам, сказал:
«О, долго я сомненьями терзался.
Когда б ты восхотел возжечь лампаду!»
И Будда знал, что тот, рожденный дважды,
Чистосердечно правый путь искал.
Приветливым он голосом промолвил:
«Искателя приход благословенен».
Устав благой был обнят ждущим сердцем,
И Будда изъяснил ему Закон.
Мудрец был после назван Многоведец.
Он раньше говорил: «Душа и тело
Различны», говорил: «Одно и то же»,
Есть «Я», и также место есть для «Я».

Теперь свои ученья он отбросил.
И лишь узрел, что скорбь все громоздится,
И правила узнал, как скорбь исчерпать,
Дабы освобождения достичь.
Превратность лика — шаткая опора,
В хотеньи жадном — дикость смутных мыслей,
Но, если это сердцем отодвинешь,
Нет ни друзей, ни недругов ни в чем.
И если сердце жалостью согрето
И ко всему с благим идет волненьем,—
И ненависть, и гнев тогда растают,
Есть равновесье светлое в душе.
Соотношеньям доверяясь внешним,
В уме взметаешь призрачные мысли,
Но мыслью эти тучи разгоняешь,—
Болотный огонек бежит ее.
Ища освобожденья, погасил он
Неверное хотение, стремленье,
Но сердце беспокойное дрожало,
Как в ветре гладь воды приемлет рябь.
Затем, войдя в глубины размышленья,
Покоем покорил он дух смущенный,
И понял он, что «Я» не существует,
Рождение и смерть — лишь тень одна.
Но выше был бессилен он подняться,
Исчезло «Я», и все с ним потонуло.
Теперь же факел мудрости зажегся,
И мрак сомненья, дрогнув, побежал.
Он явственно увидел пред собою
Конец того, что было бесконечно,
И десять разных точек совершенства ³²,
Разочаровавши тьму, он сосчитал.
Убиты десять зерен огорченья,
Еще однажды к жизни он вернулся,
Что должен был он сделать, то он сделал
И посмотрел Учителю в лицо.
Он отстранил три жгучие отравы,
Неведенье, хотение и злобу,
Три восприял сокровища в замену,
То — Община, и Будда, и Закон.
И к трем ученикам пристало трое,
Как три звезды в тройном звездятся Небе,
И троезвездье, в ярком повтореньи,
Служило Будде, Солнцу между звезд ³³.

18. ЩЕДРЫЙ

Был в то время некий благородный,
Имя чье — Друг Бедных и Сирот,
Был богат он свыше всякой меры
И в щедротах был неистощим.
С Севера пришел он, из Кошалы,
И гостил у друга своего,
Имя чье хранит преданье — Чула.
Услышав, что Будда в мир пришел,
Что живет в бамбуковой он роще,
Что блестящи качества его,
В ту же ночь отправился он в рощу
И пред ликом Светлого предстал.
Совершенный знал, кто прибыл в рощу,
Видел сердце чистое его
И, его по имени назвавши,
Ласково с ним так заговорил:
«Радуюсь правдивому Закону,
С сердцем кротким к веденью стремясь,
Победив желание дремоты,
Ты пришел явить почтенье мне.
Так как мы увиделись впервые,
Я свое ученье изложу
И тебя приветствую достойно,
Видя светлый плод твоих заслуг.
В ряду предыдущих воплощений,
Корень блага твердо посадив,
Ты взрастил растенье ожиданья,
И оно блестяще расцвело.
Услышавши ныне имя Будды,
Ты душой своей возликовал,
Ибо ты сосуд для правосудья,
Скромный в духе, ты изящно-щедр.
Ты в делах обильно благотворен,
Помощь тем, кто помощи лишен,
Именем владеешь знаменитым,
И заслуга в нем свершенных дел.
Ты свершаешь, повинуюсь сердцу,
И за то, что щедро ты даешь,
От меня, как дар, прими Нирвану,
Щедрый дар Безветрия души.
Мой устав исполнен благодати,
Может он спастись от злых дорог,
Изводить из спутанностей жизни,

Человека в Небо возводить.
Все же не желай восторгов Неба,
Их искать — великое есть зло,
Ибо в возрастании хотенья,
Как попутный призрак, скорбь растет.
Укрепись в искусстве отречения,
Не ищи, не жаждай, не хоти,
В том отрада тихого покоя,
Ясный смысл Безветрия души.
Смерть, болезнь и старость — это боли,
Троекратность скорби мировой.
Мир поняв, мы устраним рожденье,
Дряхлый возраст, и болезнь, и смерть,
Человек наследует в рожденьи
Дряхлый возраст, и болезнь, и смерть,
И когда он вновь родится в Небе,
К этому же там он приведен.
Нет ни для кого там продолженья,
Если ж нет, то в этом самом скорбь,
А когда ты преисполнен скорби,
В этом нет «доподлинного Я».
Если же восторг без продолженья
Есть не «Я», а только скорбь одна,
В этом только скорбь повторной скорби,
Накопленье новое скорбей.
Истреби же эту скорбь, в том радость,
Путь к тому — спокойствие души.
Мир, по существу, всегда тревожен,
Корень пытки в этом вижу я.
Чтоб ручей не видеть в истеченьи,
Наложи печать на самый ключ.
Пусть ни жизнь, ни смерть тебя не тронут,
Этих двух враждебных не желай.
Загляни глубоко в мир обширный,
Ты увидишь дряхлость, смерть, недуг,
Мир объят пожаром всеохватным,
Пепелище, где ни посмотри.
Видя это вечное томленье,
Мы должны стремиться к тишине,
Слитны быть в одном великом Сердце,
В светлую Обитель отойти.
Пусто все! Нет «Я»! Для «Я» нет места!
Этот мир — создание мечты,
Мы — нагромождение осадков,
Мы — переплетение семян».

Благородный, слыша это слово,
Первой грани святости достиг,
Осушил он море жизнесмерти,
И осталась капля лишь одна.
В стороне от общества людского,
Погашая вспышки всех страстей,
Он достиг безличных состояний,
Тучи тьмы разъялись перед ним.
Так, порой, летит осенний ветер,
Разгоняет в небе облака.
И достиг он истинного зренья,
Заблужденья прочь толпой ушли.

Размышлял о мире он глубоко.
Этот мир не сотворен Творцом,
Ишвара не есть его причина,
Но не беспричинен этот мир.
Если б мир был Ишварою создан,
Если б был Творцом он сотворен,
Не было б ни старых в нем, ни юных,
Не было бы после, ни теперь.
Не было б пяти дорог рожденья,
Перевоплощения в мирах,
И когда б, однажды, кто родился,
Он бы уж разрушиться не мог.
Не было бы скорби и злосчастья,
Не было б ни зла здесь, ни добра,
Ибо то, что чисто и не чисто,
Все бы исходило от Творца.
И когда бы мир Творцом был создан,
Речь о том бы вовсе не велась,
Ибо сын отца всегда признает
И с почтеньем говорит «Отец».
Люди, угнетаемые горем,
На него б не поднимали бунт,
Самосуществующему только б
Отдавали дань любви сполна.
Если б было так, все было б ясно,
Виден был бы всем исток всего,
Одного бы Бога почитали,
И других бы не было Богов.
И когда бы Ишвара Творцом был,
Не был бы он в самобытии:
Ибо если б ныне был Творцом он,
Должен был бы быть Творцом всегда.

Самосуществующим бы не был,
Ибо в нем бы замысел дрожал.
Если же без замысла он был бы,—
Был бы он как малое дитя.
И во всем, что живо, скорбь и радость,
Если причиняет их Творец,—
Значит, любит он и ненавидит,
Самобытия здесь вовсе нет.
И когда б Творец все создал,—
Делать ли добро иль зло тогда,
Было б совершенно безразлично,
Все тогда его, и все есть в нем.
Если ж рядом с ним другой есть кто-то,
Значит, он не есть конец всего.
Помысл о Творце отбросить надо,
Сам опровергает он себя.
Если скажем мы: Само-природа
Есть Творец,— ошибочно и то:³⁴
Что не из чего не истекает,
Истечение как же даст оно?
Между тем кругом все в мире связно,
Из причин и следствий все идет,
Как растут из семени побег:
Довод отвергает сам себя.
Не само-природой все возникло.
Если ж скажем — все через нее,
Все б она собою наполняла,
Нечего бы делать было ей.
И само-природа, как понятие,—
Ежели понятие примем мы,—
Исключает видоизмененья,
В мире ж все меняется везде.
Раз само-природа есть причина,
Что ж освобожденья нам искать?
Сами мы владеем той природой,
Жизнь и смерть претерпим без борьбы.
Ибо если кто освободится,
То само-природа, вновь и вновь,
Выстроит ему беду рожденья.
Слепота ли зрение родит?
Видим дым,— мы знаем: есть и пламень,
Действие с причиной суть одно,
И само-природа, неразумье,
Разум, не могла бы сотворить.
Если видим чашу золотую,

Вся она из золота сполна.
И само-природу, как источник,
Видя мир, должны отринуть мы.
Если время есть причина мира,
Вольности напрасно нам искать:
Постоянно время, неизменно,
Промежутки должно претерпеть.
Как в рядах Вселенной нет пределов,
В промежутках времени — в мирах —
Нет границ, и нет им остановки,
В тех морях лишь можем мы тонуть.
Если «Я» вселенское — причина,
Мировое «Я» — Творец миров,
Радостью б одно другому было,
Лишь одна б приятственность была.
В этом мире не было б злой Кармы,
Наши же деянья создают
Доброе сплетение и злое, —
Ложен довод мирового «Я».
Если скажем мы — Творца нет вовсе,
Вольность — бесполезная мечта:
Если все собою достоверно,
Что ж пытаться это изменять?
Между тем различные деянья
В мире и дают различный плод,
Значит, все исходит в этом мире
Из одной причины иль другой.
Не Ничто — причина всех явлений,
Есть и дух, и убыль духа есть;
Все — в связи причинности законной,
Неразрывна цепь, звено к звену».

Благородный, слышавший то слово,
В сердце ощутил лучистый свет.
Построенья правды он воспринял,
Мудрость в сочетаньи с простотой.
Укрепившись в истинном Законе,
Низко перед Буддой преклоняясь,
Он благоговейно сжал ладони
И его смиренно стал просить:
«В Шравастии живу я, край богатый,
Там царит покой и тишина,
Прасэнаджит — царь страны той мирной,
Род его зовется родом Льва.
Это имя всюду знаменито,

Славен он вдали, как и вблизи.
Там желаю я найти Обитель
И молю тебя ее принять.
В сердце Будды — это твердо знаю —
Предпочтений нет; не ищет он,
Где бы отдохнуть; но эту просьбу
Не отринь во имя всех живых».
Будда, зная, что владело сердцем,
Побудившим эту речь держать,
Видя помысл чистый милосердья,
Молвил благородному в ответ:
«Истинный Закон теперь ты видел,
Сердце безобманное твое
Любит щедрость, зная, что богатство
Шатко и к нему не нужно льнуть.
Если кладовая загорелась,
То, что ускользнуло от огня,
Мудрый отдает другим охотно,
Не держась за шаткое добро.
Лишь скупец хранит его тревожно,
Все его боится потерять,
Позабыв закон непостоянства,
В смертный час теряя разом все.
Время есть для щедрости и способ,
Как есть время в бой идти бойцу,
Человек, способный быть щедротным,
Сильный и способный есть боец.
Тот, кто щедр, любим везде и всеми,
В имени его широкий свет,
Дружбу с ним благие ценят сердцем,
В смертный час он полон тишины.
Он не знает боли угрызений,
Не терзает жалкий страх его,
Демоном не может он родиться,
Призраком не будет он бродить.
Из щедрот — цветок произрастает,
Милосердье — золотистый плод,
Между кем бы щедрый ни родился,
Светлый след его идет за ним.
До бессмертной доходя дороги,
Мы ведомы щедростью былой,
Восьмикратный путь воспомянья
Озирая, радуемся мы.
Любящий и щедрый, отдавая,
Что имеет, гонит тени прочь,

Устраняет жадное желанье,
Копит мудрость зрячую в душе.
Щедрый человек нашел дорогу,
Чтоб достичь конечного пути:
Кто взрастит растение, тень имеет,
И Нирвана щедрому дана.
Отдавая платье — мы красивой,
Разлучаясь с пищей — мы сильней.
Основавши тихую обитель,
Над цветком мы видим спелый плод.
И дают не все красиво-щедро:
Так дают, чтоб радости найти,
И дают, чтоб получить сторицей,
И дают, чтоб славу приобрести,
И дают, чтоб счастье ведать в Небе,—
Но давая, ты даешь не так:
Истинная щедрость вне расчетов,
Ты, давая, просто лишь даешь.
Что задумал, сделай это быстро!
Бродит сердце, если ждет чего,
Но, когда глаза открыты благу,
Сердце возвращается домой!»
Благородный принял поученье,
Добрым сердцем просветлел еще,
Друга своего позвал в Кошалу,
Высмотрел пленительный там сад.
Князь наследный Джэта был владельцем,
В роще были чистые ключи.
К князю во дворец пришел спросить он,
Не продаст ли эту землю он.
Князь ценил тот сад необычайно,
Не хотел сперва его продать,
А потом сказал: «Коли покроешь
Золотом весь сад,— бери его».
Благородный, в сердце восторгнувшись,
Золотом стал землю покрывать.
Джэта же сказал: «К чему ты тратишь
Золото,— ведь сад я не отдам».
Щедрый отвечал: «Не дашь? К чему же
Ты сказал — все золотом покрой?»
Спорили они и препирались,
Наконец отправились к судье.
Между тем в народе говорили:
«Щедрости такой примера нет».
Джэта знал, что в щедром чисто сердце,

И спросил: «Что здесь задумал ты?»
Тот сказал: «Хочу создать Обитель.
Чтобы Совершенному отдать».
Князь, едва услышал имя Будды,
Тотчас озаренье получил.
Золота он взял лишь половину,
Чтоб в Обитель часть свою внести:
«Пусть — земля твоя, мои — деревья,
Я деревья Будде отдаю».
Так и согласились, стали строить,
Строили и день они и ночь,
Высоко хоромина взнеслася,
Как дворец, один из четырех.
Вымерены были направленья,
Правильность их Будда подтвердил.
Диво несравненное сияло,
Совершенный в свой уют вошел.
С ним вошли все верные толпою,
Не было поклонов службы там.
Лишь одно богатство в нем сияло:
Золотом горела мудрость в нем.
Щедрый же снискал свою награду,
Кончив жизнь, взошел на Небеса,
Сыновьям и внукам оставляя
Поле плодотворное заслуг.

19. СВИДАНИЕ

Будда был в стране Магадха,
Он неверных обращал,
Он Законом единичным
Соглашал различность душ.
Изменяя словом мудрым,
Души вел он к одному:
Так, когда восходит Солнце,
Звезды тонут все в заре,
И, покинув Раджагригу,
Пятигорный этот град,
Он пошел с учениками,
Верных тысяча с ним шла.
Он пошел с толпой великой
До Нигантки до горы,
Что вблизи Капилавасту,

Там к решенью он пришел.
Он замыслил благородно
Приготовить светлый дар,
Приготовить дар моленный
Для родителя-царя.
А учитель и советник
Должных выслали людей
И направо, и налево,
Чтобы Будду увидеть.
Вскоре Будда был увиден,
Точно высмотрен был путь,
Тотчас вестники вернулись
С этой вестью во дворец.
«Бывший долго так в отлучке,
Чтобы светоч обрести,—
Получивши озаренье,
К нам царевич держит путь».
Царь обрадован был вестью,
И с блестящей свитой он,
Окруженный всею знатью,
Вышел сына повстречать.
И, неспешно приближаясь,
Будду издали узрел,
Красота его сверкала,
В ней удвоенный был блеск,
В средоточии великой
Кругом сомкнутой толпы
Был он словно вышний Брама
На превышней высоте.
Царь покинул колесницу
И с достоинством пошел,
Сердцем мысля и тревожась,
Так ли делает он все.
Красоту родного видя,
В тайне сердца ликовал,
Все же слов, достойных мига,
Не нашли его уста.
И о том он также думал:
«Я в слепой еще толпе,
Сын же мой великий Риши,—
Как мне с ним заговорить?»
Также думал он, как долго,
Как давно уж он желал
Этой встречи, что случилась
Неожиданно теперь.

Сын его меж тем, приблизясь,
Сел, молчание храня,
В совершенство облеченный,
Не меняясь в лице.
Так мгновенья истекали,
И один перед другим,
Хоронили чувства оба,
И с тоской подумал царь:
«Как он делает печальным
И безрадостным меня,
Сердце ждавшее — пустыня,
Был родник — и где родник?
Я похож на человека,
Что давно искал воды,
И ручей увидел светлый,
Подошел — и нет ручья.
Так теперь я вижу сына,
Те же, прежние, черты,
Но душой как отчужден он,
В лике, весь он, как взнесен!
Сердце он явить не хочет,
Чувства спрятал он свои,
Он сидит как не сидит там,
Пред иссохшим я руслом».
Отдаленно так сидели,
Мысли билися в уме,
Их глаза вполне встречались,
В сердце ж радость не зажглась.
Так смотрели друг на друга,
Как мы смотрим на портрет,
О далеком вспоминая,
Чью лишь тень здесь видит взор.
Мыслил царь: «О ты, который
Должен был бы быть царем,
Мог бы целым царством править,
Молишь пищи тут и там!
Что за радость в этой жизни?
В ней какая ж красота?
Тверд и прям, как Златогорье,
Весь как солнечный восход,
Царь быков, в походке твердой,
И бестрепетный, как лев,—
Но лишен почета мира,
Просишь милостыню ты!»
Дух отца открыт был Будде,

Он любил его как сын,
И, чтоб дух его подвигнуть
И жалея весь народ,—
Он явил свою чудесность,
В средний воздух был взнесен,
И рукой Луны касался,
И до Солнца досягал.
И ходил он по пространству,
Изменял различно лик,
Разделял на части тело,
Вновь его соединял.
Шел по водам, как по суше,
Был в земле он как в воде,
И сквозь каменные стены
Без помехи проходил.
Справа, слева, он из бока
Огонь и воду изводил.
Царь был в радости великой
И не думал как отец.
И, воссев на лотос пышный,
Как на царственный престол,
Для отца из высей светлых
Будда выявил Закон:
«Знаю царское я сердце,
И любовь и память в нем,
Но да будут узы сердца
Вмиг разъяты у него.
Пусть не думает — о сыне,
Прибавляя к скорби скорбь.
Но услышь, что сын твой молвит
О молельности тебе.
Я молитвенную пищу
Моему принес отцу.
Царь, прими: такого яства
Сын отцу не приносил.
Путь росистый указую,
Это нежная роса,
Этот путь ведет к бессмертью,
Чрез рожденья и дела.
Дело к делу, сочетаясь,
Вырастают в долгий путь.
Как же тщательно должны мы
Делать добрые дела!
Как заботливо нам нужно
Со звеном сплестать звено!

В смерти дух один уходит,
Лишь в делах найдет друзей!
Ввихрен в омут этой жизни,
В пять больших ее дорог,
В колесе вращаясь мощном,
Три разряда дел творишь ³⁵, —
Три разряда дел приводят
К трем рождениям в мирах:
Зверь, иль призрак, или демон —
Силой страсти рождены.
Силой должного старанья
Слово с телом укроти,
День и ночь — не в смуте будут,
А в молчании ума.
Только в этом смысл конечный,
Правды жизни — нет иной.
Так! Три мира только пена,
Накипь в море в час грозы.
Хочешь ведать наслажденье?
Приближать его к себе?
Так к четвертому рожденью
Приготовься делом ты.
Человеком ты и Дэвой
Чрез рожденье воплощен,
Все же пять путей великих —
Как неверность звезд ночных.
Если даже для небесных
Путь назначен перемен, —
Как же ведать человеку
Постоянство на земле.
Самосдержанность — есть радость
Между радостей земных!
Лишь Нирвана верный отдых,
То — Безветрие души!
Пять услад, что ищем в чувствах, —
Путь опасностей и смут,
Мы живем среди восторгов
Как с отравною змеей.
Мудрый видит мир горящим,
Мир — и вокруг него пожар.
Не узнает он покоя,
Не изгнавши жизнесмерть.
В месте том, где хочет мудрый
Дом свой верный основать,
Нет оружия, нет орудий,

Нет слонов и нет коней.
Там не мчатся колесницы,
Не идут ряды солдат.
Победив свое желанье,
Все ты в мире победил.
Победивши мрак незнанья,
Целый мир ты озарил.
Во вселенной, озаренной,
Нужно ль что еще искать?
Раз узнав источник скорби,
Затопчи ее исток,
И, идя дорогой верной,
От рождений волен ты».
Чудотворность сына видя,
Был обрадован отец,
Но, услышав слово правды,
Был он в радости двойной.
Стал сосуд он совершенный,
Чтоб принять в себя Закон,
И, сложив свои ладони,
Восхваленье произнес:
«Сколь поистине волшебно!
Свой обет ты завершил.
Светлый замысел исполнен,
Скорбь превзойдена тобой.
Сколь поистине волшебно!
Сердце плакало мое.
Но теперь та боль исчезла,
Лишь оставив светлый плод.
Сколь поистине волшебно!
Срезал ныне колос я,
Что посеян был рукою,
Волей сына моего.
Было правым то решение —
Сан царя с себя сложить,
Было правым то стремленье —
Покаяние принять,
Было правым то желанье —
Связь семейную порвать,
Было правым то воленье —
Отказаться от любви.
Риши древние напрасно
Похвалялись, не дойдя,
Ты ж дошел до светлой грани,
Все, что нужно, совершил.

И, снискав покой желанный,
Ты покой несешь другим.
Мощный силой состраданья,
Избавляешь всех живых.
Если б ты с людьми остался,
Сохраняя царский сан,—
Как могла бы избавленья
Получить моя душа?
Был бы царь ты справедливый,
Но Закон бы не явил.
Узы смерти и рожденья
Ты бы нам не разрешил.
Но, избегнув жизнесмерти,
Воплощенья победив,
Всем живым ты путь означил,
Нежной блещущий росой.
И, явивши власть над чудом,
Силу мудрости явив,
Жизнесмерть сразив, вознесся
Над Богами и людьми.
Ты царем бы правосудным
Был, свой царский сан храня,—
Но тогда б такой вселенской
Благодати не достиг».
Восхваления закончив,
Он, в молитвенной любви,
Царь, отец, пред светлым сыном
Преклонился до земли.
Весь народ, все люди царства,
Светлый тот Закон поняв,
Видя Будду-чудотворца
И почтительность царя,—
Проникаясь просветленьем
И молением руки сжав,
Совершенного почтили,
Преклоняясь до земли.
Мысли сильные в них были,
Жизнь мирская в них прешла,
Все исполнились желаньем
Бросить тесные дома.
Много знатных, много видных,
Бросив дом блестящий свой,
К верной Общине пристали,
Чтоб обнять Закон сполна.
Ананда, Тимбила, Нанда,

Анурудха, все пришли,
Чтобы стать учениками
Будды, давшего Закон.
За одним другой и третий,
Обращенным нет числа,
Приходил отец за сыном,
Видя верные врата.
И когда настало время
Подаянья попросить,
Будда входит в пышный город,
И царевич узнан в нем.
Песнь хвалы и песнь восторга
С края к краю раздалась:
«Он вернулся к нам, Сиддартха,
Просветленный, он пришел!»
Стар и мал столпились, смотрят,
Окна, двери, всюду глаз,
Он идет, сияя светом,
Лучезарной красотой.
Лик его, в одежде скромной,
Словно Солнце в облаках,
И внутри и вне он светит
Как один священный блеск.
Все смотрели и дивились,
В сердце радость с сожаленьем,
Что как жертва он идет.
С этой бритой головою,
Темный выбравши покров,
Очи светлые потупя,
Безыскусственно идя.
«Посмотрите! Посмотрите!
Здесь бы нужен балдахин!
Он драконом мог бы править,
А во прахе он идет!
Держит чашу подаяний,
Мог бы меч держать в руке,
Мог бы он врага любого
Победить и покорить!
Мог бы женское он сердце
Красотою услаждать!
Мог бы яркою короной
Возноситься над толпой!
Красота мужская скрыта,
Сердце ведает узду,
Не подступит вождельенье,

Блеск наряда брошен прочь!
Пять восторгов правят миром,
Он отбросил пять услад,
И любимую супругу,
И дитя оставил он!
Возлюбив уединенье,
Он блуждает без друзей,
И скорбит супруга горько,
Долго длится ночь вдовы!
Измененного увидев
Как отшельника его,
Плачет, любит, вспоминает,
Плачет вместе с ней дитя!
А когда он в мир родился,
Были знаменья на нем,
Должен был он приношенья
С четырех принять морей!
Он к чему ж пришел в скитаньях?
Предвещаний всех слова
Были ложны и напрасны.
Или есть величье в том?»
Так в запутанных реченьях
Говорил один с другим,
Но спокойно Совершенный
Путь бесстрастный совершал.
Ко всему с любовью равной,
Одного душой хотел —
Избавления всем людям
От несущих скорбь страстей.
Этот замысел лелея,
В город нищим он вошел,
Чтобы дать векам грядущим
Отречения пример.
Принял все он без различья,
Дал богатый, дал бедняк —
Чашу нищую наполнил
И в пустынность отошел.

20. ОБИТЕЛЬ

Властитель мира, обративши
Несчетный люд Капилавасту,
С великою толпою верных,
В Кошалу путь направил свой,—

Туда, где царь жил Прасэнаджит
И где Обитель Джэтавана
Теперь совсем была готова,
Хоромы убраны вполне.
В садах ключи и водометы,
Цветут цветы, плоды сверкают,
У влаги редкостные птицы,
И пенье птиц среди ветвей.
Во всем прекрасная Обитель,
Как райские чертоги Сивы.
И Друг Сирот идет навстречу,
Толпою слуг он окружен.
Цветы он щедро рассыпает,
Душистые зажег куренья,
И Совершенного он просит
В Обитель светлую взойти.
В его руках кувшин узорный,
На нем дракон золотой сияет,
И воду он струею светлой,
Коленопреклоненный, льет.
То добрый знак, что Братству верных,
Во все четыре края мира,
Обитель эта Джэтавана
Для тихой жизни отдана.
Владыка дар прекрасный принял,
И пожелание гласило,
Чтоб это царство укреплялось
И побеждало силу тьмы.
Царь Прасэнаджит, услышавши,
Что Совершенный возвратился,
Пришел в Обитель с светлой свитой,
Дабы к ногам его припасть.
Сев в стороне и сжав ладони,
Он к Будде речь держал такую:
«Мое ль неведомое царство
Такою заслужило честь?
Какие могут злополучья,
Какие могут здесь несчастья
Возникнуть, если здесь пребудет
Такой великий человек?
Твое лицо святое видя,
Могу и я иметь, быть может,
Свою, желанную мне, долю
Во всесвежительном ручье.
Пусть много разных разделений,

Пусть город разнствует по вере,
Но как высокий, так и низкий
В широкий могут ток войти.
Так ветер, по цветущей роще
Провеяв, запахи сливает,
И лишь единым дуновеньем
Он благодатным веет нам.
И так же птицы Златогорья
Своим многообразны видом,
И разные мерцают тени,
Сливаясь в золото одно.
Так могут быть в одном собраньи
Способностей различных люди.
И некий был пустынножитель,
Который, Риши напитав,
Звездой родился трилучистой.
Все бегло в этом мире шатком,
И человек — хоть царь — тревожен,
Простой же — в святости — велик».
Знал Будда все, что было в сердце
У Прасэнаджита, и знал он,
Что два препятствия мешают
Ему всю правду восприять —
Чрезмерная до денег жажда
И жажда внешних развлечений,
И он, мгновению согласно,
Такую проповедь держал:
«Я изъясню Закон мой вкратце,
И царь моим словам да внемлет,
И, взвесив их в своем мышленьи,
Да твердо держится он их.
И тот, кто связан злою Кармой,
Способен радоваться Будде,
Насколько ж радуется больше —
Кто в прошлых жизнях заслужил!
Свои свершенья я окончил,
Исчерпал жизнь: ни дух, ни тело
Не могут властвовать мной больше,
Свободен я от всех оков.
Не для меня — друзья, родные,
И вот я ныне возвещаю:
Деянья добрые и злые
За нами следуют как тень.
Как, значит, внесены деянья
Царя, что следует Закону!

Он в настоящей жизни славен,
Потом восходит в Небеса.
Но небрежение Законом
Приводит к горьким злополучьям.
Так в оно время было в мире,
Гласит преданье, два царя.
Один из них звался Кришáсва,
Что значит — Тошя Коняга,
Другой — Хира́ниакаш́ипу,
Ступень Златая ³⁰. Двое их.
Но первый был благим владыкой
И был взнесен на выси Неба,
Второй был злой,— и жил, и умер,
И вновь родился — в нищете.
Что́ нужно — любящее сердце,
В нем есть великая потреба!
Народ царя — как сын единый,
Не угнетать его — любить.
Отбросить лживые ученья,
Идти во всем прямой дорогой
И возноситься лишь собою,
А не вставая на других.
Быть другом тех, чья жизнь — страданье,
Не истязать себя, а также
Не возвышаться сердцем слишком
И знать душой, что все прейдет.
До высшей точки размышленья
Свой разум возносить глядящий,
И внутрь себя глядеть упорно,
Свет счастья находить в себе.
Из света есть во тьму дорога,
И есть из тьмы дорога к свету,
Есть мрак, что следует за тенью,
Есть свет, с собой несущий свет.
Кто мудр, тот ищет больше света.
Для злого слова — громкий отклик.
И мало тех, кто хочет видеть.
Но от свершений — не уйти.
Что́ сделал,— сделал. Путь намечен.
И след идет по всей дороге.
Так возлюби же все благое,
Иного выхода здесь нет.
Ты то пожнешь, что ты посеял.
Как сделал — сделанным так будет.
Мы замкнуты в горе скалистой,

Лишь благостью пробьешь тропу.
Рождение, старость и болезни
Нас стерегут, не выпуская.
И свет услад есть вспышка молний,
Лишь миг — ты в черной темноте.
Зачем же быть неправосудным?
Цари здесь были — словно Боги,
На Небо громоздились мыслью
И в пыль затоптаны навек.
Круговорот времен — пожаром
Растопит скаты Златогорья,
Растает вся гора Сумеру,
Иссохнет Океан до дна.
Так что же наш неверный облик,
Тень человека, что бледнеет?
Пузырь, на миг огнем горящий,
Через мгновенье — нет его.
Сосуд обмана наше тело,
Неверный знак мечты бродячей.
Через страданья долгой ночи
Приходит к нам мгновенно Смерть.
Кто мудр, тот эти перемены
Спокойно видит зорким оком.
Он не приляжет на дороге,
Не будет спать в ее пыли.
Не занят он самоусладой,
Узор цепей не закрепляет,
Он разрешает постепенно
Многоразличность сложных пут.
Не ищет дружб, не льнет к занятиям,
И мудрость лишь одну блюдет он:
Он убегаёт ощущений,
Лишь ощущая мир — как тень.
И, зная, как непрочно тело,
Его он все ж не оскверняет.
Хотя б родился в бестелесном,
От перемен не убежать.
И потому-то так желает
Беспеременного он тела:
Где перемена не меняет,
Невозмутимый там покой.
Пока на зыбях перемены
Свою отдельность воплощаешь,
Растет измена — корень скорби,
Погаснет «Я» — и мир тебе.

Кто мудр — уходит от страданья.
Коль дерево огнем объято,
Как могут птицы собираться
Среди обугленных ветвей?
Кто мудр — лелеет это знание,
В нем свет начальный озаренья:
Жить без него, его теряя,
Ошибка целой жизни в том,
Здесь — средоточье всех учений,
Без средоточья — нет покоя.
Кто обожжен горячей болью,
В прохладный пусть войдет поток.
Равно во мраке свет лампы
Предметам разноцветым светит:
Так мудрость светит проходящим,
Кто б ни желал ее принять.
Порой отшельник погибает,
Порою мирянин спасется,
Захвачен омут маловерья,
Исходишь с верой из пучин.
Прилив хотенья прочь уносит,
Кто в вождельни — вне спасенья,
Свет мудрости — челнок послушный,
И размышление есть руль.
Молельность мысли завершенной —
Призывный рокот барабана.
Плотину мысли строй упорно,
Бессилен будет всякий вал».
Закончил проповедь Всемудрый,
И царь, душой ему внимая,
Воспринял охлажденье к миру,
К мерцанью призрачных услад.
Так возвращаются к рассудку,
Когда окончена пирушка,
И так дорогу уступают,
Коль мчится сумасшедший слон.
Все лжеучители, увидя,
Что тронут царь словами Будды,
В один его просили голос:
«Пусть Будда явит чудеса».
И царь просил Владыку мира:
«Молю, исполни их желанье!»
И Будда молча согласился
И чудотворность показал.
Он восходил в высокий воздух,

Распространял кругом сиянье,
Как ослепительное Солнце
Своим присутствием слепил.
Все лжеучители смутились,
Народ же был исполнен веры.
Потом он матери покойной
Закон поведать восхотел.
Он тотчас же взошел на Небо,
Где тридцать три сияют Бога,
И в обиталищах небесных
Три месяца он пребывал
Светло обращены им были
Все Дэвы, жившие в том Небе.
Свершивши это назначенье,
Вернулся с Неба он к Земле.
По лестнице семи сокровищ,
По семицветной шел он книзу,
Его сопровождали Духи,
И снова был он на Земле.
Спускаясь, он ступил на место,
Куда идут в возврате Будды,
Земные на него смотрели,
В смирении ладони сжав.

21. ПЬЯНЫЙ СЛОН ³⁷

Мать на Небе обративши
И толпы небесных Духов,
К людям он опять вернулся
Обращать еще других.
Джива, Сула, Чурна, Анга,
Ниагродха и другие.
Шрикунтака и Упали
Сердцем слышали его.
Царь Гандхара ³⁸ внял Закону,
Стал отшельником смиренным,
Также демон Гимапати,
Ватаджири также, бес.
Брамачарин Прайянтика,
На горе Ваджане живший,
Вникнув в тонкое значенье
Полустишья, верным стал.
Светлый вождь рожденных дважды,
Сильный Браман Кутаданта,

Жил в селени Динамати,
Жертвам не было числа.
Совершенный верным средством
Обратил его к Закону,
Он с обрадованным сердцем
Шел по верному пути.
На горе высокой Веди
Обращен был Паньчасикха,
И в селении Ваннушта
Мать он Нанды обратил.
В пышном граде Аньчавари
Мощным духом овладел он.
Бханабхадра, Шронаданта
Светом правды просветлел.
Мощный Нага, с злым воленьем,
Царь страны, Закон воспринял,
Перед ним врата раскрылись,
Путь, обрызганный росой.
И в селе Ангулимале ³⁹,
Силу дивную явивши,
Совершил он обращенья,
К свету многих устремил.
Пуридживана богатый,
Услыхавши слово Будды,
Восприял Закон немедля
И безмерно щедрым стал.
И в селении Падатти
Обращен был им Патали,
И с Патали был Патала,
Двое братьев, каждый — бес.
Два Брамина в Бхидхавали —
Мощный Век и Возраст Брамь,—
С ним вступивши в спор глубокий,
Сердцем приняли Закон.
Как пришел он в Ваисали,
Обратил бесов он Ракша,
Обращен был с ними также
Тот, чье имя было Лев.
До горы пришел он Алы,
Бес там Алава гнезвился,
И другой там был — Кумара,
Асидака третий был.
Обратил бесов он этих,
К Гайясирте путь направил,
Обращен был бес Каньджана,

И пришел он в Бенарес.
Обратил купцов богатых,
И сандаловый он терем
Принял в дар от обращенных,
Благовонный до сих пор.
И пришел он в Магивати,
Обратил молельных Риши.
И ступил ногой на камень,
До сих пор там виден след.
Колесо на нем двойное,
В колесе сияют спицы,
Десять сотен спиц блистает,
Светлый след неистребим.
Так в конце, порядком должным,
Все, что в воздухе проходят,
Все, что воду возлюбили,
Были им обращены.
Так с высот сияет Солнце,
Свет доходит в темный погреб,
Жар лучей пронзает холод,
Темный погреб озарен.
В это время Дэвадатта,
Совершенства Будды видя,
В сердце завистью ужален,
Власть мышленья потерял.
Измышлял дела он злые,
Чтоб Закон остановился.
Он взошел на Гридракату,
Камень тяжкий покатил.
Был на Будду он нацелен,
Но, с горы скатившись, камень
Разделился на две части
И прошел по сторонам.
Неуспех увидя в этом,
Он из царских загородок
Отпустил, на путь прохожий,
Дико-пьяного слона.
Вознося могучий хобот
И стремя раскаты грома,
Этим хоботом трубил он
И дыханьем заражал.
Сумасшедшее дыханье
Поднималось чадной тучей,
Дикий бег его был ветер,
Сумасбродная гроза.

Если кто касался только
Ног, хвоста, клыков грозящих
Или хобота слоновья,
Он мгновенно умирал.
Так бежал тот слон свирепый
По дорогам Раджагриги,
Исступленно убивая
Попадавшихся людей.
Их тела лежат повсюду,
Мозг разбрызган, кровь алеет,
Это видно издалека,
Все сидят в своих домах.
В Раджагриге страх и ужас,
Слышны крики, слышны вопли,
Кто — за городом, стремится
В яме жизнь свою спасти.
Совершенный в это время
Путь держал свой в Раджагригу,
С высоты ворот просили
Будду в город не вступать.
С ним пять сотен было Бхикшу,
Все они сокрылись в страхе,
Только Ананда остался,
Верность Будде сохранил.
Но, одной лишь мыслью полон —
Укротить любовью ярость,
Шел спокойно Совершенный
К сумасшедшему слону.
Пьяный слон увидел Будду,
Диким оком быстро глянул
И, придя, пред ним склонился,—
Пала тяжкая гора.
Лотос-руку протянувши,
Приласкал его Владыка,
Как светло ласкает тучу
Устремленный луч Луны.
И пока, к земле припавши,
Слон лежал у ног Владыки,
Мерным голосом Владыка
Молвил светлые слова:
«Если я дракон могучий,
Как же слон возможет ранить
Быстролетного дракона,
Совершенного в бою!
Если слон того захочет,

Он счастливым не родится,
Он обманется хотеньем,
Тем, что Будда победил!
Ты, валяющийся в страсти,
Словно в темной грязной луже,
Откажись от пут неверных,
В этот самый день восстань!»
Слон, услыша слово Будды,
Вмиг возрадовался в сердце,
Пьяный ум стал трезво-ясным,
Пил небесную росу.
И народ кругом, увидя,
Что безумный слон стал мудрым,
Поднял радостные клики,
Это чудо вознося.
Кто едва был добр, стал добрым,
Кто был добрым, стал добрее,
Кто не верил, стал тот верить,
Верный — в вере твердым стал.
Мощный царь Аджатасатру,
Увидавши это чудо,
Был глубоким мыслям предан
И молельным стал вдвойне.
Стройность в мыслях воцарилась,
Семена взросли благие,
Словно в день, когда впервые
Люди в мире стали жить.
Лишь свирепый Дэвадатта,
Что чудесно был летучим,
Низко пал, и пребывает
В глубочайшем он Аду.

22. АМРА

Подвиг трудный обращения
Чтимый миром завершил
И своим глядящим сердцем
Был к Нирване наклонен.
Он покинул Раджагригу,
В Цвет Бегонии пошел,
Он пошел в Паталипутру,
Как летит к цветку пчела.
По прибытии вошел он
В знаменитейший чертог,

Дом Бегонии он звался,
Светлый замок Патали.
Этот град Паталипутра
Пограничный город был,
Защищал пределы царства
И вздымался как оплот.
Правил царством этим Браман,
Что писанья изучил,
И владел великой славой,
И приметы узнавал.
Что к покою иль к несчастью,
Восстает как тайный знак,
Он, смотрящим оком, видел
И разумно разобрал.
В это время царь Магадхи
Известил его, чтоб он
В усиление покоя
Город рвами окопал.
И, окопы эти видя,
Чтимый миром возвестил,
Что благая воля духов —
Сильный городу оплот.
Был обрадован правитель,
Будде он принес дары,
Чтоб Закон почтен был правый,
Вместе с Общиной его.
За ворота городские
Будда вышел, и пошел
Он к реке могучей Гангу,
Чтобы воду перейти.
И правитель, из почтенья
Перед Буддой, повелел,
Чтобы имя «Гаутамы»
Было имя тех ворот.
Между тем народ окрестный
Собирался у воды,
Приносил он приношенья,
Чтоб молитвенность явить.
Предлагал и тот и этот —
Разукрашенный челнок,
Чтобы, реку пересекши,
На другом быть берегу.
Чтимый миром, видя лодки,
Их несчетное число,
Не желая даже вида

Предпочтения явить,—
В миг один, духовной силой,—
Чтоб не ранить столько душ,—
И себя, и сонмы множеств
Через реку перенес.
В этом он означил притчу:
Светлой мудрости ладья
Все живое, что есть в мире,
До Нирваны донесет.
Весь народ, занявший берег,
Вскликнул голосом одним.
Дивным бродом Гаутамы
Это место нареклось.
Как Ворота Гаутамы
Всем известны чрез века,
Так до Брода Гаутамы
Каждый будет доходить.
Дальше шел Владыка мира,
К Котигаме он пришел
И держал к народу слово,
Много душ он обратил.
И до На́дики дошел он,
Много было там смертей,
И пришли друзья умерших,
Чтобы Будду спросить:
«Где умершие родные?
Наши где теперь друзья?
За оконченную жизнью
Где родиться должно им?»
Будда, зная цепь деяний,
Каждый случай различил,
И, уделы означая,
Он согласно отвечал.
Шел он дальше к Ваисали,
И, вступивши в город тот,
Он в саду прохладном Амры
Задержался на пути.
Амра, имя чье блуждало
В восхвалениях людей,
Наклонилась сердцем к Будде
И пошла в цветущий сад.
В свите женщин проходила,
Побеждая красотой,
Зачарованно глядели
Те, что видели ее.

Самосдержанна, спокойна
И надев простой наряд,
Так по саду проходила
Амра, ведомая всем.
Бросив пышные одежды,
Благовонья и цветы,
Добродетельно ступала,
Приходя в тенистый сад.
Так разумная приходит
Долг молитвы совершить,
Так горит на Небе Дэва
Неземною красотой.
Будда издали увидел
Приближение ее,
Слово к верным обращая,
Так он проповедь держал:
«Эта женщина сияет
Несомненной красотой,
Чаровать она способна
И молитвенных людей.
Так храните ж твердо память,
Мудрость ум ваш да скует!
Это слово говорю вам,
Все запомните его:
Лучше в пасти быть у тигра
Иль на плахе палача,
Чем быть с женщиною вместе,
Вожделению служа.
Тайность чары сделать явной —
Это мысль ее всегда.
Чаровать, сидит, стоит ли,
Иль проходит, или спит.
Если даже на картине
Рисовать ее должны,
Хочет чары все означить,
Чтоб смущать сердца мужчин.
Как же вам оберегаться?
Тем, что будете всегда —
И в слезах ее, и в смехе —
Видеть собственных врагов.
Враг ваш — нежное то тело,
Наклоненное вперед,
И протянутые руки,
И волна ее волос.
Это вражеские сети,

Чтобы сердце уловить,
И распутаны те пряди,
Чтоб запутать ум мужской.
Как же более должны мы
Красоту подозревать,
Распростершую любовность,
Изучившую себя!
В миг, когда она являет
Очерк тела своего
И болтает говорливо,
Дремлет глупый ум мужской.
И тогда какая смута,
Коль раскрашенный тот лик
Скроет скорбь непостоянства,
Шаткость, тень, нечистоту!
Если будешь ведать это,
Все хотение умрет,
И тогда твой разум ясный
Девы Неба не пленят.
Все ж могуча сила хоти
В человеческих сердцах,
Лук да будет наготове
С напряженной тетивой!
Стрелы мудрости точите,
Да не будет пуст колчан,
Светлым шлемом правой мысли
Да покроется чело!
Пять врагов сражай упорно,
В пять желаний метко цель,
Чтоб не смели подступиться
И сознанием завладеть.
И железом раскаленным
Лучше вырвать вам глаза,
Чем на хитрый женский облик
С вождедением смотреть.
Сила хоти ум туманит,
Манит женская краса,
Проживешь и не увидишь
И пойдешь дорогой злой.
Между хотью и предметом
Есть неравенство границ:
Это два вола пред плугом,
Но неравно их ярмо.
Вместе тянут плуг тяжелый,
Но один его влечет,

А другой идет для вида.
Обуздайте же сердца!»
Так сложилось это слово,
Чтобы верных уберечь.
Между тем к Владыке Амра,
Не смущаясь, подошла.
В ней горело состраданье,
Сердце жалости полно,
И подумала, что 'рошу
Примет в дар он от нее.
Самосдержанно и ясно,
Перед Буддой преклонясь,
Тут, у ног Владыки мира,
Место выбрала она.
Он сказал: «Твой облик скромн,
Безыскусственен наряд,
Ты юна, и ты богата,
Ты красива и умна.
Чтоб с подобными дарами
Сердцем так принять Закон,
Это — редкостное дело,
Трудно в мире отыскать.
Коль мужчина копит мудрость
Чрез рожденья вновь и вновь,
Он Закон охотно примет,—
Это можем видеть мы.
Но чтоб женщина, чья мудрость,
Как и воля, коротка,
Столь объятая любовью,
Обратилась,— трудный шаг.
На мужчине вся забота,
Сила — он, и радость — он.
Лица женщины да минем,
Сердце в правом соблюдем».
Амра слушала Владыку,
В сердце радость возросла,
Мудрость мысли в ней окрепла,
Озаренья свет горел.
Образ женщины душою
Отвергая от себя,
Гнет желанья ниспровергла,
Мыслям чистым предалась.
Все ж свой женский лик хранила,
Ибо связан был он с ней,
И молитвенно сказала,

Перед Буддой преклонясь:
«О Владыка, в сострадании
Мой смиренный дар прими!
Пусть в неведеньи я темном, —
В том — обет моей души!»
И, ее сердечность зная,
Будда принял этот дар,
И душа ее сияла
В полной радости своей.

23. ПРЕДЕЛ

В это время, средь мощных Лихави,
Пролетела крылатая весть,
Что в стране их Владыка Вселенной,
Что он медлит у Амры в саду.
Поспешили они в колесницах,
Был у каждого собственный знак,
Синий, красный, и желтый, и белый,
Балдахины различных шелков.
И, прибывши к той роще тенистой,
Эти Сильные, имя чье — Львы,
Снявши пять украшений, смиренно
Преклонились пред Буддою все.
Вкруг Учителя — тесные сонмы,
И как Солнце сияет он всем.
Старший Лев, львинооко глядящий,
Без надменности львиной внимал.
Между тем Сакья-Лев начал слово:
«Я с великими здесь говорю,
Но, прошу, отложите мирское
И примите Учения свет.
Красота и богатство — желанны,
Украшенья и запах цветов,
Но нельзя их сравнить с красотой
Прохожденья прямого пути.
Ваши пажити столь плодородны,
Что великая слава вам в том,
Но, чтоб счастье в народе сияло,
Правя им, соблюдайте Закон.
Возлюбивши высокую правду,
Неуклонно ведите народ,
Как ведет многоглавое стадо
Царь быков, через реку идя.

Кто, храня достоверную память,
Все мирское в предельности зрит,
Тот великую силу находит,
Проходя по прямому пути.
Кто проходит по дикой пустыне,
Драгоценные камни найдет,
Их земля породила,— и будет
Прямодушный богат, как земля.
Кто в пустыне мирской сохраняет
Все достоинство светлой души,
Он без крыльев летит чрез пространства,
Через реки плывет без ладьи.
А без этого, как перейдет он
Чрез пороги вскипевших скорбей?
Налетят, заметут водоскаты,
Устремляется яростно скорбь.
Если дерево блещет плодами
И в душистых сияет цветах,
Но топор прорубил основанье,—
Как взойти на подрубленный ствол?
Так и тот, кто своей красотою
Или силою здесь знаменит,
Но закон прямоты нарушает,—
Он непрочен в основе своей.
И бывали цари, что хранили
Прямоту — в многопышных дворцах,
И отшельник порой лишь ущербы
Прикрывал власяницей своей.
Тот, кто мудр, чистоту соблюдает,
Он идет чрез рожденье и смерть,
И вожак ему — верное сердце,
Это всход, чтоб взойти до Небес.
Чтобы лестницы светлой достигнуть,
Самогордость в душе победы,—
Затеняет она и высоты,
Это саван вокруг сердца людей.
Кто стремится к победе над внешним,
Победить не желая себя,
Тот — безумец, что ищет опоры
Не в твердыне, — в гнилом тростнике.
Кто себя отдает вожделенью,
Тот пожару себя предает,
И пожар мы утушим водою,
А хотение — чем потушить?
По сухой травянистой пустыне

Пробегаёт проворный огонь,
Пробежит, отгорит и потухнет,—
Нет молитв, если сердце сожжешь.
От улады к уладе — оковы,
И от жизни до жизни — звено,
Нет врага человеку сильнее,
Чем хотенье, что к Карме ведет.
Вождельенье и гнев искажают
Благородный чарующий лик,
Затемняют красивые очи,
Удушают туманом слепым.
Этот чад затрудняет дыханье,
И из мира он делает то,
Что мгновенно весь мир легковесен
И мгновенно он беден и пуст.
Ни на миг да не царствует гневность,
Тот, кто гневное сердце сдержал,
В мире назван — высокий возница,
Он коня удержал на скаку.
Совершенство его колесница,
И звенит, не порвавшись, узда,
И тугие натянуты вожжи,
Он свершает намеченный путь.
Кто же дикому сердцу даст волю,
Тот сперва свое сердце сожжет,
И к пожару прибавит он ветер,
И опять он горит и горит.
И рожденье, и дряхлая старость,
И болезни, и верная смерть,—
Это наши враги, а хотенье
Есть подмога для вражеских войск.
Увидавши, как скорбь многократно
Нападает на мир и теснит,
Воссияем же любящим сердцем,
И любовь будет крепость для нас».
Совершенный, столь сведущий в средствах,
Зная, в чем коренится недуг,
Врачеватель испытанный мира,
Лишь короткое слово сказал.
Услышавши ту проповедь Будды,
Все привстали могучие Львы
И к ногам его молча припали,
Их на головы ставя свои.
И просили Учителя с Братством
Приношения утром принять.

Но ответил им Будда, что Амра
Уж назавтра его позвала.
И могучие Львы возгордились,
И печалились в сердце они,
Но, поняв беспристрастие Будды,
Ощутили веселье опять.
Совершенный же, миг завершая,
Им навеял, в сердца их, покой.
Так змея, зачарованна, дремлет,
И сверкает ее чешуя.
И теперь, как уж ночь миновала
И явились предвестья зари,
Он направился с верными к Амре,
Чтоб ее угощение принять.
И, оттуда отбивши в Белуву,
Пребывал там все время дождей
И, три месяца там отдохнувши,
В Ваисали вернулся опять.
Близ Прудка Обезьяньего был он,
Там в тенистой он роще сидел,
Изливая потоки сиянья,
Устремляя в потемки лучи.
И проснулся от этого Мара,
Где был Будда, туда он пришел,
И в смирении, сжавши ладони,
Так Учителя он увещал:
«Раньше ты, у реки Найраньджаны,
Завершивши упорную мысль,
Говорил: «Как свершу, что мне нужно,
Так в Нирвану я тотчас преиду».
И отвечив Маре Учитель:
«Близок час завершений моих,
Вот три месяца только продлятся,
И в Нирвану я, вольный, войду».
И, узнав, что предел свой последний
Совершенный назначил себе,
Преисполнился радостью Мара
И ушел в свой небесный чертог.
Совершенный же, сидя под древом,
Был восхищен восторгом души,
И отверг добровольно свой возраст,
И назначил для жизни конец.
И едва он от лет отказался,
Задрожала в основах Земля,
Содрогнулись границы Вселенной,

Был повсюду великий огонь.
Закачались вершины Сумеру,
Златогорье, как лист, сотряслось,
С Неба падали камни и влага,
Заметелились бури кругом.
Были вырваны с корнем деревья
И, ломаясь, попадали ниц,
И небесная музыка в высях
Сокрушенно рыдала кругом.
От дремоты восторга восставши,
Будда миру спокойно изрек:
«От предела я лет отказался,
Я живу только верой одной.
Это тело — повозка — сломалось,
Приходить — уходить — нет причин,
Я свободен от дней Троемирья⁴⁰,
Я, как птица, исшел из яйца».

24. КАНУН

Чтимый Ананда, увидя
Сотрясение Земли,
Был ужаснут,— сердце в страхе,
Дыбом волосы его.
Он спросил: «Откуда это?»
Будда дал ему ответ:
«Я предел означил жизни,
Месяц трижды истечет,
Остальное отвергаю;
Оттого дрожит Земля».
Слыша это слово Будды,
Горько Ананда рыдал.
Так сандаловое древо
Сокрушает тяжкий слон;
Так текут по капле смолы,
Соскользая по стволу.
И, подумавши о том, что
Мир теряет Светоч свой,
Восскорбев глубоко, дал он
Волю сердцу своему.
«Слышу я, что мой Владыка
Хочет прочь от нас уйти!
Тело слабо, разум слепнет,
В смутном споре вся душа.

Все слова забыты правды,
Пустошь — Небо и Земля!
О, спаси меня, Владыка,
Скоро так не уходи!
Сжался, сжался! Был во тьме я,
Был озябшим, шел к огню,
Вот уж, вот уж приближался,—
Вмиг исчез он и погас.
Я бродил в пустыне дикой,
В страхе путь свой потерял,
Вдруг встает руководитель,—
Чуть увидел, нет его.
Через иссохшую трясины
В жгучей жажде проходил,
Вот мне озеро сверкнуло,
Я спешу,— иссохло все.
И росток сквозь землю бьется,
Хочет выйти, дождь впивать,
Встала туча, встал и ветер,—
Нет дождя, иссох росток.
Те фиалковые очи ⁴¹,
Что пронзали все миры,
Озарили мрак глубокий,—
Миг, и вновь сомкнулся мрак.
Светоч мудрости зажег нам
Совершенный для пути,
И лампада воссияла,—
Миг, и яркий свет погас».
Будда, Ананду услыша,
На слова его скорбел,
Кротким голосом он начал
Побеждать его печаль:
«Если б только люди знали
Точно, в чем природа их,
Скорбь свою бы не ласкали,—
Все, что живо, знает смерть.
Есть во мне освобожденье,
Всем вам путь я указал,
Кто замыслит, тот достигнет,—
Что ж мне тело сохранять?
Дан Закон вам превосходный,
Длиться будет он века.
Я решился. Взор мой смотрит.
В этом все заключено.
В бурном токе этой жизни

Средоточие избрав,
Соблюдайте твердость мысли,
Возносите остров свой.
Кости, кожа, кровь и жилы,
Не считайте это — «Я»,
В этом беглость ощущений,
Пузыри в кипеньи вод.
И, сознавши, что в рожденьи
Только скорбь, как смерть есть скорбь,
Прилепитесь лишь к Нирване,
К Безмятежию души.
Это тело, тело Будды,
Также знает свой предел,
Есть один закон всеместный,
Исключенья — никому».
Слыша весть, что Совершенный
В скором времени умрет,
Был смущен народ Лихави,
Собрались в тревоге Львы.
И, обычаю согласно,
Почитание явив,
В стороне они стояли,
Мыслям слов не находя.
Зная, что у них на сердце,
Будда слово к ним сказал:
«Видно мне, что в ваших мыслях
Не мирское в этот час.
Вас смущает то, что ныне
Я решил окончить жизнь
И повторностям рождений
Положил навек конец.
Все, что в мире существует,
Вьется в вихре перемен,
И печать непостоянства
Есть печать всего, что здесь.
Жили в оно время Риши,
Были светлые Цари,
Все прошли, от них осталась
Память бледная одна.
С мест своих нисходят горы,
Отойдут богатыри,
И Луна погаснет с Солнцем,
Сами Боги отойдут.
Будды все, веков минувших,
Что несчетны, как песок,

Воссияли миру светом,
И сгорели как свеча.
Будды все веков грядущих
Так же точно отойдут.
Как же быть мне исключеньем?
Я в Нирвану ухожу.
Но они ушли из мира,
Начертив для мира путь,—
Совершайте же 'благое
В светлый свой черед и вы.
В этих безднах Троемирья
Трудно помощь отыскать,—
Восстанавливайте же плотину
Перед натиском скорбей.
Путь извилин покидая,
Вверх идите напрямиком,
Как свершает круг свой Солнце,
До закатных гор идя».
С сокрушенными сердцами
Львы пошли к своим домам
И, вздыхая, говорили:
«Этой скорби меры нет!
Золотой горе подобно
Тело светлое его,
И, однако, чрез мгновенье
Рухнет царственный утес.
Силы смерти и рожденья
Были слабы краткий миг,
Но уходит Совершенный,
Где ж опору нам найти?
Мир во тьме глухой был долго,
За бродячим шел огнем,
Солнце мудрости возникло
И уходит,— где наш свет?
Зыбь неведенья вскипела,
Хлещут темные валы,
Мир всецело заливают,—
Где же мост и где паром?
Врачеватель возлюбивший,
Тот, чье снадобье есть мысль,
Исцелитель беспримерный,—
Почему уходит он?
Знамя мудрости высокой,
Знамя светлое любви,
С сердцем, вышитым алмазом,

Ненаглядным для очей,
Стяг небесный, знак прекрасный,—
Для чего ж склоняться ниц?
Для чего ж в одно мгновенье
Оборваться с высоты?»
Сильный нежною любовью,
Совершенный был пронзен,
И пошел, скрепивши сердце,
Как закаливают сталь.
Столько было в нем терпенья,
Было столько в нем любви,
Как в цветке, что наклонился,
Замышляя отцвести.
Так уходят от могилы,
Где любимый схоронен,
И последнее прощанье
Отражается в глазах.

25. ПРОЩАНИЕ

Он уходил, идя к своей Нирване,
А Ваисали было словно место,
Что брошено. Так облачную ночью
На Небесах нет звезд, и нет Луны.
Тот мирный край объят теперь был скорбью:
Так плачет дочь, когда отец отходит,
Изящество ее тогда тускнеет,
И слово замирает на устах.
Когда он жил, тот любящий и мудрый,
Она умом сияла, острою,
Духовные теперь погасли силы,
И сердце — чуть взнесется — упадет.
Теперь так точно было с Ваисали,
Погас весь блеск, что раньше был наружу:
Так без воды трава, желтея, сохнет
И так дымит затоптанный огонь.
И говорил один из Львов, их главный:
«Отходит ныне Царь людей в Нирвану,
В великое безветренное место,—
А мы опоры нашей лишены.
Мы потеряли ныне твердость воли,
Мы как огонь, лишившийся топлива,
Как жаждущий, что влаги не находит,
Как зябнувший, лишившийся огня.

Лишился мир звезды руководящей,
Болезнь, и смерть, и старость вседовольны,
Они идут пожаром всеохватным, —
Каким дождем зальем мы тот огонь?
Возлюбим же единственную мудрость,
Вспомним, что во всем непостоянство:
Кто это помнит, он, хотя б в дремоте,
Один в ночи есть бодрствующий здесь».
Так эти Львы, лелея мудрость Будды,
Свои сердца к Высокому направляя,
Вздыхали о рождении и смерти,
Грустя в сердцах о Человеке-Льве.
И ныне тот Всеведущий, Всеумудрый,
Назад всем львиным телом обернулся,
И раз еще взглянул на Ваисали,
И вымолвил прощальный этот стих:
«В последний раз, в последний раз я ныне
Навеки ухожу от Ваисали,
Из края, где рождаются герои,
Теперь я ухожу, чтоб умереть».
С неспешностью идя от места к месту,
До Бхóга-Нáгары дошел в пути он,
И отдохнул он там в тенистой роще,
Где слово верным он своим сказал:
«Теперь, свершив свой путь, войду в Нирвану,
А вы Закон великий соблюдайте,
Он ваша высочайшая твердыня,
Когда вы в нем, вы им защищены.
Того держитесь, что вам говорил я,
Что́ с этим несогласно, отвергайте
И не держитесь буквы, а глядите,
Что́ золото и что лишь примесь есть.
Исследовать, в чем истинность основы,
С такой же осмотрительностью должно,
Как драгоценщик выбирает камни,
И золото, чтоб перстень был хорош.
Не знать, что в истом сказано Писаньи,
То значит — жить и медлить в скудоумьи,
Недостождолжно говорить о мудром
Есть то, на что не нужно и смотреть.
Кто меч берет неловкою рукою,
Тот только ранит собственную руку,
И кто в ночи дорогу ищет к дому,
Тот должен в темноте острить свой взор.
Утратишь смысл — Закон в несоблюденьи,

Не соблюдешь Закон — и разум спутан,
Итак, кто мудр, тот в слово смотрит зорко,
Всегда ища — смысл истинный найти».
Сказавши так, пошел он в город Пáву,
Там жил народ, носивший имя Сильных.
Был некто там, чье имя было Чунда,
Он Будду тотчас пригласил в свой дом.
В последний раз там Будда принял пищу.
Тем, кто там был, сказав слова Закона,
Он отбыл в некий град Кушинагару
И там в тенистой роще отдохнул.
В золотой реке он искупал там тело,
Что как утес сияло золотистый,
И Ананде так повелел он, выйдя:
«Вот здесь, меж этих двух плакучих ив,
Очисти место, постели циновку,
Час полночи придет, уйду в Нирвану».
У Ананды дыхание пресеклось,
Но он веленье выполнил, в слезах.
Циновку разостлал, и Совершенный,
На правый бок, лег головой на Север
И спал, как Львиный царь, скрестивши ноги,
Как на подушке, на своей руке.
Вся скорбь прешла. Изношенное тело
Последний сон в тени дерев прияло.
А верные, собравшись в круг, вздыхали:
«Погасло око Мира, умер Свет!»
Ручьи притихли, ветер притаился,
Умолкли птицы, замолчали звери,
И крупные с дерев сочились капли,
До срока листья падали с ветвей.
Цветы, склонив головки, увядали,
Меж тем как Небожители и люди,
Еще желаний полные, дрожали,
И ими овладел захватный страх.
Так путники в пустыне путь опасный
Свершают и глядят, кругом — бесплодно,
И далеко родимое селенье,
И страшно им: «Что, если не дойдут?»
От сна тут Совершенный пробудился
И Ананде сказал: «Иди и молви
Народу Сильных, что моя Нирвана
Близка, пускай придут в последний раз».
И Ананда пошел, скорбя и плача.
Весть передал: «Владыка близок к смерти».

И Сильные, слова его услыша,
Великий ощутили в сердце страх.
Толпы мужчин и женщин поспешили
В ту рощу, где был Будда меж деревьев,
Пришли они в растерзанных одеждах,
В пыли и в прахе, в скорби и в слезах.
С рыданием к ногам припали Будды.
Но Совершенный им сказал спокойно
«Не сетуйте. Час радости есть ныне,
Не призывайте скорбь сюда и страх.
К чему стремился я в веках минувших,
Я это получу через мгновенье,
Освобожден от пут, теснящих чувства,
Иду туда, где миру нет конца.
Вещественность я эту оставляю,
Огонь и Воздух, круг Земли и Воду,
Туда, где смерти нет и нет рожденья,
Я в достоверный ухожу покой.
Навек освобожденный от печали,—
Скажите мне,— зачем скорбеть я стал бы?
Близ Гайи, на горе высокой Сирше,
От тела я избавиться хотел.
Когда-то. Но дабы свершить удел мой,
Доныне пребывал с людьми я в мире,
И сохранял болезненное тело,
И жил, как с ядовитой жил змеей.
Но ныне я пришел к успокоенью,
Замкнулись ныне все истоки скорби,
Уж никогда не получу я тела,
Не надлежит скорбеть вам обо мне».
Но Сильные, услыша слово Будды,
Что он идет к великому покою,
Смутились так, что их глаза затмились,
Ослепший взор лишь видел черноту.
И, сжав ладони, так сказали Будде
«Боль смерти и рожденья оставляя,
Уходит Будда к вечному покою,
И этому мы радуемся с ним.
Пусть дом сгорел,— нам радоваться должно,
Когда друзья в пожаре не погибли,
И, может быть, ликуют сами Боги,
И вдвое люди ликовать должны.
Но если Совершенный удалился,
И больше зрим — тем, кто живет,— не будет,
И будет скрыт от нас источник светлый,

Как можем мы об этом не скорбеть?
Среди Пустынь проходят караваны,
И осторожен каждый шаг идущих,
Вожак один у них для всей толпы их,—
И вдруг он умер, как же не скорбеть?
Узнали правду люди дней текущих,
Всеведущего видели живого,
Но не достигли до победы полной,—
И мир своей насмешкой встретит их!
Смеются так над тем, кто через горы
Идет, где много скрытых есть сокровищ,
Но он об этом золоте не знает
И обнимает нищий свой удел».
Так Сильные пред Буддою искали
Своим слезам и скорби оправданье;
Так пред отцом порой ребенок плачет.
И Будда кротко к ним заговорил:
«Ища пути, старайтесь неустанно,
Меня увидеть — это не довольно,
Я указал дорогу вам — идите,
Освободитесь от силков скорбей.
Раз выбрав цель, не отступайтесь цели,
Достигнете ее не тем, что буду
Я виден вам,— кто хочет быть здоровым,
Тот может быть здоровым без врача.
Кто не свершает то, что повелел я,
Меня напрасно будет этот видеть:
Кто от меня вдали Закон свершает,
Тот постоянно около меня.
Заботливо в свое глядите сердце,
Да не находит места в нем оплошность,
Жизнь человека — что свеча под ветром,
Следи — и ночь тебя не обоймет».
Ту проповедь любовную услыша,
Сдержав рыданье, Сильные притихли
И, твердость обретя в самосознании,
Спокойные, пошли в свои дома.

26. НИРВАНА

Был Брамачарин там некий,
Чистою жизнью известный,
Все он живое лелеял,
Звался Субхадрою он.

Меж лжеучителей был он
Смолоду очень отмечен,
Ныне ж, к Владыке стремяся,
Ананде так говорил:
«Мудрость, что дал Совершенный,
Слышу я, трудно измерить.
Самый искусный, меж всеми,
Он укротитель коней.
Слышу я также, что ныне
Он достигает Нирваны,
Трудно его будет видеть,
Трудно увидеть и тех,
Кто его с трудностью видел,—
В зеркале Месяц не схватишь,
В озере мы не ухватим
И отраженье Луны.
И потому я желаю,
Полный почтительным чувством,
От жизнесмерти спасаясь,
Светлого видеть Вождя.
Солнце Высокого гаснет,
Дай мне, на миг, его видеть!»
Ананда очень смущен был,
Как поступить, он не знал.
Думал он так о Субхадре:
«Верно, замыслил он спорить,
Может быть, в сердце ликует,
Будды предчувствуя смерть».
Встрече хотел помешать он,
Будда же, в сердце читая,
Молвил: «Я людям — спасенье,
Пусть лжеучитель придет».
Это услыша, Субхадра,
Радостью светлой исполнен,
В сердце вдвойне озарился,
Мудрость готов был принять.
Был он сосудом, готовым
Для восприятия Закона,
Будда смягчил его жажду,
Восемь путей указав.
Освобожденье увидя,
Пути свои порывая,
Он заблужденья отбросил,
Берег другой увидал.
Сердце его расширилось,

Кончилась эта беседа,
Молча на спящего Будду
Долго он, долго смотрел.
Думал: «Чрез малость мгновений
Будда окончит предел свой,
Мир этот первый оставлю,
Мир этот вовсе погас».
Сжавши ладони, отшел он
От совершенного лика,
Сел в стороне, самосдержан,
Лет истечение отверг.
И досягнул он Нирваны
Светлым путем отречения,—
Малый костер так погашен
Брызгами ливня с Небес.
Будда сказал своим верным:
«Вот ученик мой последний,
Он уж в Нирване! Любите
Память о нем навсегда».
Первая кончилась смена
Ночи, одетой звездами,
Все они ясно сияли,
Ярко горела Луна.
Не было в роще ни звука,
И, проникаясь великим
К ученикам состраданьем,
Будда им всем завещал:
«Вот, досягну я Нирваны,
Чтите ее,— и за мною,
Вы достигайте Нирваны,
Это светильник в Ночи.
Камень ее самоцветный —
Клад человеку, что беден.
Что повелел вам, блюдите,
Путь ваш — дорога моя.
Не избирайте другого.
Тело, и мысли, и слово
Вы в чистоте соблюдайте,
Жизнь вашу чистой храня.
От накопленья богатства
В днях вы своих воздержитесь,
Не наполняйте амбары,
Не умножайте стада.
Чара домов и поместий
Да не пленяет вас в мире:

Это колодезь горячий,
Нужно бежать от него.
Не вовлекайтесь в гаданье,
Звездочитанье уделов,
Предвосхищение судеб,
Это — запретное есть.
Лжи и притворства бегите,
Следуйте правой дорогой.
Будьте благими к живому,
Это — мой краткий завет.
Это — основа Ученья,
Путь к просветленной свободе,
Это охватная мудрость,
Путь, чтоб достигнуть конца.
Это блюдя, укротите
Токи животного чувства,
Ибо так правит стадами,
Знающий путь свой, пастух.
Если же чувства не сдержишь,
Это есть конь разъяренный,
Все он пространство измерит,
Нагромождая беду.
Мудрый обходит овраги,
И уклоняется тигра,
И не играет с змеею,
И не вбегает в пожар.
И за глоток наслажденья —
Пропasti он не желает,
Легкого сердца боится,
Этого лишь одного.
Видели вы обезьяну,
Как она в лес убегает?
Вот — это легкое сердце,
Мудрый удержит его.
Если же сердце отпустишь,
Не досягнешь до Нирваны.
Знайте же точную меру,
В тихое место уйдя.
Будьте умеренны в пище:
Если сломалась повозка,
Быстро колеса поправьте,
Без промедления — в путь.
Видели вы, над цветами
Как мотылек пролетает?
Чуть лишь коснется — и будет,

Не нарушает цветка.
Пищи прося, принимайте
Все, что дадут, благодарно,
Не истощайте щедроты,
Да не исчезнут совсем.
Утром, и в полдень, и ночью
Дело благое свершайте,
Пусть в изменениях суток
Сердце пребудет одним.
В первую смену ночную
Не отдавайтесь дремоте,
После усните спокойно,
К утру проснитесь светло.
Кто отдается дремоте,
Сонные ужасы кормит,
Смерть стережет постоянно,
Схватит — добыча в плену.
Чарой змеиною можно
Выманить из дому змея.
Рано проснешься — из сердца
Черная жаба уйдет.
Если кто тело чужое
Острым мечом рассекает, —
Гневная мысль да не встанет,
Злое не молвят уста.
Гневное слово и мысли
Ранят лишь вас, не другого,
Молча претерпишь мученье,
Это — победа побед.
Гнев красоту разрушает,
Уничтожает заслуги,
Если ж разгневался мудрый,
Это — огонь есть во льду.
Лености темной бегите.
Есть ли для лености место,
Если к живущим погибель
Всюду угрозно идет!
Льстивая речь и обманы,
Это — как бы волхованья,
Тот, в ком молитвенно сердце,
Любит прямые пути.
Тихим довольствуйтесь малым,
В малом — сокровище богатства
Если кто малым доволен,
Радость небесная с ним.

Связу семьи не скрепляйте:
Если на ветке чрезмерность
Птиц, прилетевших и севших,
Ветка склоняется ниц.
Раз многочисленны узы,
Будешь запутан ты в сети:
Старый так слон погрязает
В топи болотной, лесу.
Ночью ли, днем¹ ли, старайтесь,
Это великое дело:
Малые горные речки
Могут громаду изрыть.
Друг благодетельный — благо,
Все ж он не может сравниться
С правою мыслью, что крепко
В собственном держишь уме.
Правильный помысл есть панцирь,
В правильной вере — оружие:
Если подступится злое,
Нет ему доступа тут.
В Море рожденья и смерти,
Мудрость — челнок есть проворный,
Мудрость — живая лампада,
Светоч над глыбами тьмы.
Мудрость — целебное средство,
Острый топор для деревьев
Тех, что колючею сетью
Путь заграждают тебе.
Взносятся зыби незнания,
Мечутся волны хотенья,
Выше их — мост лучезарный,
Мудрость, дорога умов.
Дело любви завершил я,
Светлую цель не теряйте.
Если же что вам неясно,
Вы спросите меня».
Все сохраняли молчанье,
И Анурудда промолвил:
«Может Луна раскалиться,
Солнце прохладу узнать,
Ветер проворный стать тихим,
Твердость Земли стать подвижной,—
Но не возникнет сомненье
В этих сердцах никогда.
Все ж мы скорбим, оттого что

Вот, умирает Учитель,
И вознести наши мысли
Нам невозможно сейчас.
Мы только любим, печалясь,
Знаем, как сильно мы любим,
И вопрошаем: «Зачем же
Будда так скоро уйдет?»
На говорившего глянув,
Будда увидел всю горечь,
Снова он с любящим сердцем
Так, утешая, сказал:
«Было в начале все твердым,
Но, пошатнувшись, расселось,
И сочетанья возникли,
Непостоянства, борьба.
Но согласованность встанет,
В замыслах разных взаимность,—
Что ж тогда Хаосу делать,
Где тогда творчеству быть!
Боги и люди, которым
Надо спастись,— все спасутся!
Верные, помните слово:
Будет всеобщий конец.
Час разрушенья Вселенной!
Так не скорбите же тщетно,
К дому стремитесь такому,
Где разлучения нет.
Мудрости светоч зажег я,
Этими только лучами
Можно развеять весь сумрак,
Саван, окутавший мир.
Мир закреплен не навеки.
Радуйтесь, ежели друг ваш,
Бывший в смертельной болезни,
Боли навек избежал.
Тело больное я бросил,
Ток жизнесмерти я запер,
Волен теперь я навеки,
Радуйтесь вместе со мной!
И соблюдайте сознание.
Что существует — исчезнет.
Вот я теперь умираю.
Это последний завет!»
Первой достигши дхианы,
В радость восторга вступил он,

И через девять, в порядке,
Он постепенно прошел.
После назад воротился,
В первую снова вступил он,
И, вознесенный, в четвертой
Он задержался на миг.
Тут достигнул он Нирваны.
Умер. Земля содрогнулась,
В воздухе всюду' струился
Пламенный дождь из огня.
И от земли, восьмикратный,
Пламень подъялся повсюду,
Пламени эти взметались,
Вплоть до Небесных Жилищ.
Гром прокатился по Небу,
Гром по горам и долинам,
Словно Асуры и Дэвы
Бурный затеяли бой.
От четырех отдалений
Мощной Земли поднимаясь,
Бурные ветры столкнулись,
Пепел с холмов упал.
Солнце и Месяц померкли,
Речки надулись в потоки,
Чащи лесные дрожали,
Словно осиновый лист.
Листья, сорвавшись до срока,
Мчались дождем над землею,
Слезы струили драконы
На смоляных облаках,
Чистые Дэвы, спустившись,
Медлили в воздухе среднем,
Скорби и радости чужды,
Тихо о смерти грустя.
Духи же Неба другие,
Сердцем поникнув, скорбели
И, принося приношенья,
Сверху роняли цветы.
Радостен был только Мара,
Он ликовал в отдаленьи,
Музыки громкие звуки
Оповещали о том.
Остров Вселенной, лишенный
Самой блистательной славы,
Был как гора без вершины,

Был словно слон без клыков,
Бык был — рога потерявший,
Темное Небо — без Солнца,
Лилия, смятая бурей.—
Умер Учитель. Ушел.

27. ВОСХВАЛЕНИЕ

В это время светлый Дэвапутра
Пролетал в блестящий свой дворец,
Вкруг него сияло в тверди синей
Десять сотен белых лебедей.
Во вниманье ко вселенским Дэвам,
Дэвапутра этот стих пропел:
«Царствует в мирах непостоянство,
Вмиг рождается все, и вмиг умрет.
Свет над током скорби — лишь Нирвана,
Верно — лишь Безветрие души.
Все нагроможденья дел и Кармы
Только пламень мудрости сожжет.
Слава дел, как дым, восходит к Небу,
В свой черед дожди потушат все,
Как в мирах огонь круговоротов
Будет смыт потоком в крайний миг».
Так же был там Брама-Риши-Дэва,
Пребывавший в синих Небесах,
Он, блаженный, воздохнул хваленья,
О Нирване стройный стих пропел:
«Кто заглянет в тайны Троемирья,
Видит гибель как удел всего.
Но провидец видит в мире дальше,
Все живое он один спасет.
Только в нем одном освобожденье,
Он непостоянство победил.
Но, увы, царит неверье в мире,
И не видит мир, как светел Свет».
В это время, сильный Анурудда,—
Тот, кого остановить нельзя,—
Воздохнул над током жизнесмерти,
И Нирване стройный стих пропел:
«Все живое — в сумраке незрячем,
Тает все, как гряды облаков,
Мудрый не уцепится за это,
Палица превратности сильна.

Сильный слон, из всех могучий Риши,
Может быть ограблен этим львом.
Только Совершенный стяг алмазный
Смог победоносно вознести.
Но, подобно той венчанной птице,
Что в прудках хватает хитрых змей,
Если же прудки совсем иссохли,
Умирает, кончив свой удел,—
И коню подобно, что бесстрашно,
Слыша бранный рог, стремится в бой,
Если же окончено сражение,
Притихает весь, домой идя,—
Совершив свой замысел, Учитель
До Нирваны держит верный путь,—
Вышел Месяц, пролил свет живому,
И ушел. И Златогорьем скрыт.
Горною Обителью Нирваны
Блеск благой Высокого сокрыт,
Семь коней искусного Возницы,
Светлого от взоров унесли.
Сурья-Дэва, лик взнесенный Солнца,
В подземельи, с яркою Луной.
Пять ворот тяжелых их замкнули,
Все живое света лишено.
Все приносят приношенья Небу,
Но от жертв лишь всходит черный дым: —
Так ушел, в сияньи, Совершенный,
И не видит мир тот вышний свет.
Долго ждал любви он настоящей,
Редко встретишь верную любовь,
Здесь любовь достигла до предела,—
И ушел любимый, нет его.
Путы скорби твердо он содвинул,
Мы нашли единый верный путь,
Но ушел в Обитель он Покоя,
И грозит запутанный узор.
Эту пыль земного тоскованья
Он смывал живой своей водой,
Но замкнулась чистая криница,
Не вернется больше он сюда.
Все ж текут лучистые потоки,
Миру завещал он тишину,
И сияет блеск нагроможденный,
Может каждый жаждущий испить.

Но Спаситель мира, бывший в мире,
Отошел, и больше нет его,
Срезана высокая надежда,
И дыханье жизни — где оно?
Кто придет, как любящий отец, к нам,
Кто утешит в нашей скорби нас?
Конь, когда владыку переменит,
Всю свою теряет красоту.
Мир без Будды точно царь без царства,
Точно сонмы войска без вождя,
Точно без врача больной, что страждет,
Точно караван без вожака!
Точно звезды без Луны блестящей,
И любовь, без силы больше жить!
Так без Будды мир осиротевший.
Умер наш Учитель. Нет его!»

Весть достигла до народа Сильных,
Что в Нирвану Будда отошел.
Плач поднялся, крики, вопли, стоны,—
Сокол пал на стаю журавлей.
Всей толпой пришли туда, где ивы,
Чтоб взглянуть, как спит он долгим сном.
Этот лик уж больше не проснется,—
И, тоскуя, били в грудь себя.
И один из Сильных молвил скорбно:
«Ради человека стяг подняв,
Он вознес Закон, сияло знамя,
Миг один — и пал блестящий стяг.
Тысячи лучей росли в сверканы,
Ведение высшее росло,
Рассеваясь, мрак бежал от света,—
Почему ж опять приходит тьма?
В миг один высокий мост разрушен.
Жизнесмерть кипит, как водопад,
Бешенство, сомнение и страсти,
Плоть объята,— больше нет пути».
Так скорбя, рыдал народ Могучих:
Кто лежал простертый на земле,
Кто стоял, потерян в размышленьях,
Кто стонал, не в силах боль сдержать.
Вышитое серебром и золотом,
Ложе приготовили ему,
Тело Совершенного сложили
Между благовоний и цветов.

Балдахин над ним вознесся пышный,
В самоцветных яхонтах горя,
Вышитые веяли знамена,
Пляски похоронные вились.
Пели похоронные напевы,
Приношенья были вдоль пути.
Дэвы с Неба лили дождь цветочный,
Музыка звучала в Небесах.
Деревя сандалового взяли,
Тело Будды было на костре,
Масло благовонное излили
И костер три раза обошли.
Но, хотя огонь и прилагали,
Не хотел гореть костер его.
В это время весть до Касиапы
О кончине Будды донеслась.
И пошел он в путь из Раджагриги,
И, чтоб мог он светлый лик узреть,
Не хотел тогда костер зажечься,
Он пришел — и брызнули огни.
И горел в куреньях благовонных
Тот костер. Сгорело тело все,
Только кость алмазная осталась,—
Лишь останки правды не горят.
В золотой кувшин их положили,
И ничто алмаз не сокрушит,
И не сдвинешь Златогорье мысли,
И останки Будды век живут.
Птица златокрылая не стронет
То, что в золотой кувшин вошло.
И пока Вселенная пребудет,—
До конца останутся они.
Чудо! Человек исполнить может
Весь закон Безветрия души:
Как призыв, в просторах дальних мира
Имя лучезарное звучит.
И покуда катятся столетья,
Долгая Нирвана, через них,
Через те священные останки,
Будет миру свет свой проливать.
Будет озарять жилища жизни!
Он в единый миг свой блеск затмил,
Но сосуд златой, сияя мудро,
Может гору скорби сокрушить.
И, смирившись, тот народ Могучих,

Несравненный люд Богатырей ¹²,
Весь любовью был горячей спаян,
И изгнал из душ своих вражду.
В город свой вошли скорбя, но тихо,
И останки светлые неся,
И останки не внесли на башню,
В почитанье Дэвам и земным.

28. БЛАГО МИРА

Так останки почитая,
Каждый день Богатыри
Приносили приношенья,
Благовонья и цветы.
Семь царей, из стран различных,
Весть кончины услышав,
Через послов, просили Сильных
Те останки разделить.
Но Могучие сказали,
Духом бранным возгорясь:
«Мы скорей простимся с жизнью,
Чем останки Будды дать».
Так послы ни с чем вернулись,
И во гневе семь царей
Тучу войска сгромоздили
И направились в поход.
Город Сильных окружили
Колесницы и слоны,
Все окрест — сады, деревни,
Водоемы и поля —
Было вытоптано войском,
Что пришло, как саранча,
Ничего не оставляя,
Там, где, темное, прошло.
С городских высоких башен
Вниз смотря, Богатыри
Увидали разрушенье
И готовить стали бой.
Вот наладили орудья,
Чтобы камни вдаль метать,
Чтобы факелов летучих
Во врагов стремить огни.
Семь царей, в своих окопах,
Окружили город тот.

В каждом войске дышит храбрость,
Барабан гремит, как гром.
И уж Сильные готовы
Бой убийственный начать,
В это время некий Браман,
Дрона, так царям сказал:
«Посмотрите, стены крепки,
Защитит их — и один.
Если ж многие столпились,
Как их можно покорить?
Стук мечей — кровавый подвиг,
Многим гибель тут грозит,
И каков исход ни будет,
Смерть промчится с двух сторон.
Победить сильнейший может,
Может слабый победить.
Презирай змею, но тело,
Раз в нем яд, спасешь ли как?
Место кроткого как будто
Между женщин и детей,
Но в ряды его зачисли,
Будет доблестный боец.
И врага сомнувши силой,
Увеличишь в нем вражду:
Покоришь его любовью —
Жатва скорби не взойдет.
Этот спор — лишь жажда крови,
Допустить его нельзя!
Раз почтить хотите Будду —
Знайτε сдержанность, как он!»
Так, любя основы мира,
Смелый Браман говорил,
Веря в правду, он не ведал
Колебаний никаких.
Семь царей ответ держали:
«Мы насилию враги,
Но не низкое желанье
Нами властвует теперь.
Ради правого закона
Мы вступить готовы в бой.
Мы священные останки
Надлежаще чтить хотим.
Из-за женщины красивой
Был не раз смертельный бой,—
Сколь же больше нужно биться,

Чтоб Учителя почтить!
Не щадя ни сил, ни жизнью,
Мы, коль нужно, в бой пойдем,—
Драгоценные останки
Мы молельно чтить хотим.
Если спора не хотите,
Разделите их меж нас.
Мы же гнев на время сдержим,
Как от чары спит змея».
Говорил к Могучим Дрона:
«Там, за городом цари,
Их доспехи словно Солнце,
Гнев разбужен в них, как лев.
Разгромить готовы город,
Но, боясь неправоты,
В бой вступая из-за веры,
Так гласят через меня:
«Мы пришли не денег ради,
И земель мы не хотим,
Не надменное в нас чувство
И не помыслы вражды.
Мы великого чтим Риши,
Наш почет есть ваш почет,
Значит, мы в моленьях братья,
Ищем мы духовных благ.
Громоздит богатства — скупость,
Непростительна вина.
Сколь же более преступно —
Благ духовных не давать!
Мы почтить хотим останки,
Разделите ж с нами их.
Если ж чести лишены вы,
Приготовьтесь в бой вступить!»
От себя же я прибавлю:
Будда, как покой узнал,
Всем, любя, желал покоя.
Разделите светлый дар!»
Дрона передал посланье
И Могучих убедил,
Имя Будды победило,
Свет, исполненный любви,
Конь, дорогу потерявший,
Стройно так идет опять,
Если видящий возница
Путь ему предначертал.

Лучезарные останки
Между всеми разделив,
Часть восьмую сохранили,
Семь же отдали царям.
Каждый царь, свой дар священный
Поместив на голове,
В край родимый воротился
И Святилище воздвиг.
Брамачарин же у Сильных
Попросил златой кувшин,
И от тех царей обломок
Он останков получил.
Это взявши, он часовню
Благодатную воздвиг,
И доднесь еще зовется
Этот храм — Златой Кувшин.
Люди все Кушинагары,
Прах сожжения собрав,
Храм воздвигли в этом месте,
Он зовется — Прах Святой.
Это первые святыни,
Что воздвиглись на земле.
Ими в первый раз молельно
Остров мира воссиял.
Много верных приходило,
Чтоб украсить храмы те,
И, как горы золотые,
Вознеслись они светло.
Слово точное Закона,
На Соборе Пятисот⁴³,
Чтобы верно сохранялось,
Было в запись внесено.
И великий царь Асока,
Что жестоким раньше был,
Свет увидев, озарился
И Закон распространял.
Как есть дерево Асока,
Что кончается цветком,
Он над островом Вселенной
Светом правды воссиял.
И, святыни созидаю,
Беспримерно щедрым был:
Восемь он десятков тысяч
Башен в день один воздвиг.
Тот, кто звался Совершенный,

Он в Nirване навсегда,
Но священные останки
Светят миру до сих пор.
Кто, живя, осуществляет
Совершеннейший Закон,
Он в немеркнущее место
За Высоким отойдет.
Потому-то, без изъятия,
Сердцем светоч увидав,
Небожители, земные
Будут чтить его всегда.
Будем чтить того, кто сердцем
Сострадательным любил
И достиг высокой правды,
Чтоб избавить всех живых.
Боль рождения и смерти
Им навек побеждена,
Он скопления страданья
Отодвинул ото всех.
Показавшего дорогу
Как не будем мы любить?
Цепи снявшего с печальных,
Как не будем чтить его?
Чтоб воспеть его деянья,
Свет единый вознести,
Опираясь на Писанья,
Духом в Летопись смотря,—
Не для личного почета,
Не ища себе наград,
Сердцем видя Благо Мира,
Эту песню я пропел.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В издании 1913 г. в качестве приложения был приведен перевод четырех глав — «Четыре главы из первичной «Жизни Будды» Асвагхоши. 1-я, 2-я, 3-я, 13-я согласно с санскритским текстом».

Можно полагать, что этот замысел был Бальмонту подсказан Сильвэном Леви. Перевод этих глав был, конечно, сделан поэтом не с санскрита, а с английского *, хотя не исключено, что переводчик мог пользоваться консультациями, советами и помощью французского ученого. Основное содержание переведенных Бальмонтом глав «первичного текста» не расходится с версией Дхармаракши; имеющиеся отличия не носят принципиального характера. Поэтому представляется целесообразным привести перевод только одной главы — второй (Бальмонт называет ее «Юность», Э. Джонстон — «Жизнь во дворце») **.

Тем, кто специально заинтересуется санскритским оригиналом, советуем обратиться к книге Э. Джонстона (текст и английский перевод) ***.

* E. B. Cowell. The Buddha-karita of Asvaghosha.— Sacred Books of the East, vol. XLIX. Oxford, 1893.

** Санскритский текст первой главы сохранился не полностью.

*** The Buddhacarita or, Acts of the Buddha. pt. I — Sanskrit edited by E. H. Johnston, pt. II — Cantos — I—XIV translated from the original Sanskrit supplemented by the Tibetan version by E. H. Johnston. 2 edition. New Delhi, 1972.

2. ЮНОСТЬ

Со времени рожденья сына,
Что, над самим собой Владыка,
Был должен, к благу всех живущих,
Смерть и рожденье прекратить, —
Царь видел благ приумноженье,
Слоны и коны вдруг являлись,
Как в дни разлива вдвое шире
Теченье царственной реки.
Царь находил неожиданно клады
Таких сокровищ драгоценных,
Таких богатств неисчислимых,
Каких и в мыслях не имел.
Слоны, которых не сумел бы
Никто смирить в их рьяном нраве,
Сошли с вершины гор окружных
Явить услужливость свою.
Конями полон был весь город,
Одни в различных украшениях,
С златою сбруей, а другие
Сияли гривую одной.
И было много плодоносных
Коров, чье вымя было полно,
По нраву кротких, не свирепых,
И с превосходным молоком.
Кто был врагом, стал равнодушен,
А равнодушье стало дружбой,
Друзья особенно сплотились,
И стало вместо двух одно.
В срок должный дождик шел приятный,
Гирлянды молний были в тучах,
И ветерки дышали кротко,
И на поля не падал град.
В свой должный срок поспела жатва —
И там, где не было запашки,
Растенья старые окрепли,
В них юный был, богатый сок.
Те женщины, к которым время
Пришло, подобное сраженью,
Без всякой боли разрешились
От бремени совсем легко.
И если даже у богатых
Просить услуги неприятно,
В то время каждый, даже бедный,

Легко — просившему — давал.
Ни воровства, ни злодеяний,
Ни нарушенья договоров,
Ни жесткой сухости друг к другу,
Ни оскорблений никаких.
Желавшие заслуг почтенных
В благих деяньях отличались,
Сады и храмы созидали,
Обители — приют другим.
Народ, от голода свободный,
Не зная страха и болезни,
Счастливый жил, как будто в Небе,
В семействах дружно было все.
И чувственности не служили,
И прихотям не отдавались,
И ради жертвоприношенья —
Живым не причиняли вред.
Все было тихо, было мирно,
Благополучие повсюду,
И в городах дышала радость,
Как в нетревожимых лесах.
Когда родился тот царевич,
Как бы вернулось царство Ману,
Как будто благостный сын Солнца
Опять для радости царил.
Такая всюду завершенность,
Что царь царевичу дал имя
Сарвартхасиддха — Тот, Которым
Все к Завершенности пришло.
Но, видя эту славу сына,
Царица Майя, не умея
Восторга вынести, удалилась
На Небо, чтоб не умереть.
Сестра царицы, в материнстве
Подобная сестре отшедшей,
Царевича, любя, взрастила,
Как будто сына своего.
И в совершенствах возрастал он,
Как Солнце на горе Восточной,
Иль как Огонь в дыханьи ветра,
Иль двухнедельная Луна.
Сандаля ценных благовоний
Ему в подарок приносили,
И жемчугов несли гирлянды,
Коляски, а в упряжке — лань.

Игрушки, свойственные детству,
Слонов из золота, а также
Коней златых, быков, повозки
Из золота и серебра.
Так окружен всем тем, что может
Ребенку быть приятно в детстве,
Он не ребенком был по мысли,
Достоинству и чистоте.
Когда стал юношей царевич,
В немного дней он все усвоил,
Что знатным ведать полагалось,
Что узнают в теченьи лет.
Но, услышавши от провидца,
Что мудрости царевич будет
Искать,— старался царь, в тревоге,
К уладам склонить его.
Потом в семье он превосходной
Нашел царевичу невесту,
Ясодхара была красива,
Умна, изящна и скромна.
«Он может что-нибудь увидеть,
Что юный ум смутит, пожалуй»,—
Так мысля, царь ему построил
В уединении чертог.
Там проводил свое он время,
Как облако, в лучах сияя,
Средь надлежащих развлечений,
И пели женщины ему.
Звучали нежно тамбурины,
И словно пляски дев небесных
В покоях пышных проплывали,
Дворец сиял, как выси гор.
Пленяли женщины напевом,
И красотой, и жемчугами,
И шаловливым опьянением,
И быстрым взглядом скрытых глаз.
И раз, в безудержной забаве,
Упал он с кровли павильона,
Но наземь он не пал,— как мудрый,
В небесной колеснице был.
И так сошел от тех искусниц
Во всех путях услад любовных,
Царь между тем был успокоен,
Был самодержанно-благим,
Он в чувственность не вовлекался,

Не отдавался наслаждениям,
Конями чувств он твердо правил
И в благости превысил всех.
Не изучал он вредных знаний,
Лишь в благотворных подвизался,
И блага всем желал он людям,
Как верным подданным своим.
Служил усердно богу Агни,
Во имя долголетия сына,
Широкий пламень разгорался
От возлияний без числа.
Коров и золото давал он
Браминам; в чистых водах тело
Купал; пил Сомы сок священный,
Согласно с повеленьем Вед.
Приятное лишь говорил он
И что полезно есть для сердца:
Того, что жестко или ложно,
Он неизменно избегал.
Что́ нужно было сделать, делал,
Приятно или неприятно,
Осуществлял, что́ надлежало,
Не слишком жертву он ценил.
Коль кто с ходатайством являлся,
Он жажду утолял немедля,
Коль кто был горд и вызывающ,
Его он тотчас умерял.
Преступников, хотя бы к смерти
Он присуждал, все ж не казнил он,
Но исправлял их добрым словом
И на свободу отпускал.
Все то, что древние провидцы
Установили, исполнял он
И, добродетелью сияя,
Страстей заразу отвергал.
Такого видя самодержца,
Ему и слуги подражали,
И подданные не напрасно
Пример имели пред собой.
И у Ясодхары прелестной,
Красивогрудой, в срок законный,
Сын Рагула родился, нежный,
И солнцелик, и лунолик.
Царь, в жажде долголетия роду,
Обрадован был чрезвычайно.

«Хотел бы чувствовать — что в сердце
У сына к внуку моему!»
Так говорил он, и, свершая
Обряды, в белое оделся,
И, жертвы принося, не делал
Вреда живым он существам.
Сияя в царственности мудрой,
Он быть хотел подобен Солнцу
И был как Бог, который древле
Творить замыслил существа.
Оружье отложив, он думал
О правом бытии спокойно,
И был для всех своих владений
Он словно любящий отец.
Лелеял царство — ради сына,
А сына — для семьи, семью же —
Для славы, славу же — для Неба,
А выси Неба — для души.
Душе желал он продолженья —
Во имя долга. И себе он
Твердил: «Увидев сына, сын мой
Как может быть удержан здесь?»
Цари разумные, в заботах,
Блюдут за сыновьями твердо;
А он, молитвенный, для сына
Искал услад, а не молитв.
Но Бодгисаттвы все, узнавши
Мирских восторгов вкус и сладость,
Как только сын у них родился,
Молиться уходили в лес.
Так он, свершив предназначенье,
Свои исчерпав воплощенья,
Все ж ведал радости, покуда
Срок высшей мудрости придет.

ПРИМЕЧАНИЯ *

¹ *Царь Сикья*.— Имеется в виду правитель шакьев. См. словарь.

² *Освобождение* (мокша), то есть избавление от рождений и смертей в круговороте бытия (сансара),— центральная категория всей индийской сотериологии.

³ *Рожденный дважды*.— Так именовались представители трех высших варн: брахманы, кшатрии и вайшьи (прежде всего первые). Именование связано с тем, что, в отличие от шудр и других «низкокастовых», они проходили обряд инициации (упанаяна), основным элементом которой было надевание на шею посвящаемого священного шнура (упавита). Это открывало доступ к чтению и слушанию вед и приравнялось тем самым ко «второму рождению».

⁴ *Царевича увидев, на подошвах // Тех детских ног увидев колесо*...— По буддийским представлениям, Будда, хоть и рождается в человеческом облике, должен (даже внешне) отличаться от «обычных людей». Рождение с изображением колеса на стопах — один из наиболее известных телесных знаков (лакшана) буддийского «сверхчеловека»; буддисты обычно считали, что их всего тридцать два.

⁵ *...закончил круг рождений*...— См. примеч. 2.

⁶ *...от пяти желаний ускользнет*...— Имеются в виду желания, возбуждаемые объектами пяти чувств: слуха, осязания, зрения, вкуса, обоняния.

⁷ *...дождь Закона*...— Имеется в виду дхарма (палийское дхамма) — важнейшее многозначное понятие буддийской религиозно-философской мысли. В данном случае термин упот-

* Примечания и словарь составлены В. Шохиним. В словарь не вошли те имена и названия, однозначная идентификация которых представляется сложной ввиду отсутствия надежных параллелей в основных буддийских источниках.

ребляется в первичном значении: «закон», «религиозная истина», «доктрина», а также канон текстов, в которых изложено все «истинное учение» Будды. В китайской культуре слово «дхарма» во всех случаях передается иероглифом, означающим «закон».

⁸ *Шестиликий младенец.*— Имеется в виду сын Шивы Сканды, вскормленный, согласно мифу, шестью Криттиками — звездами Плеяды и считавшийся шестиглавым, ибо должен был одновременно брать молоко у всех шести кормилиц. Сканды, как гласит миф, был рожден, чтобы убить могучего Тараку и других демонов (на этом сюжете строится поэма Калидасы «Кумарасамбхава»). Обычно изображается с луком и копьем, верхом на павлине; другие его имена — Карртикея («Происходящий от Криттик») и Субрахманья («Добрый к брахманам»).

⁹ *Четыре Великих.*— Согласно С. Билу, имеются в виду будды, предшествовавшие Шакья-муни. Не исключено, однако, что здесь содержится намек и на хранителей мира — локапалов, каждый из которых «отвечает» за одну из четырех сторон света.

¹⁰ *...пять он чувствовал восторгов...*— Имеются в виду услаждения, вызываемые объектами пяти органов чувств. См. примеч. 6.

¹¹ *Все четыре естества в нем // В беспорядке сплетены...*— Буддийская, как и общендийская физиология объясняет болезни нарушением баланса между основными компонентами тела. Можно предположить, что здесь говорится о четырех «жизненных соках» — ветер, желчь, флегма и кровь.

¹² *...изведал первичный восторг.*— Очевидно, имеется в виду первая из четырех основных дхьян, которая в буддийских сочинениях описывается как «погружение». Оно сопровождается, как полагают сторонники этого учения, чувством и устранимостью, и радости и «восторгом», о котором и идет речь в тексте.

¹³ *...ответствуя, молвил: «Шаман».*— В оригинале: «шраман» — странствующий аскет-подвижник времен Сиддхартхи.

¹⁴ *Тридесать три бога* — нормативное число богов ведийской мифологии. Согласно наиболее известной классификации, включает двенадцать адитьев (солярные божества), восемь васу (персонифицируют разнородные природные феномены), одиннадцать рудр (божества, связанные с прото-Шивой) и двух близнецов Ашвинов.

¹⁵ *Место Пыток.*— Имеется в виду Уравильва. См. словарь.

¹⁶ *...владеет ими Самобытный.*— Очевидно, имеется в виду Сваямбху («Самосуший») — Брахма-Праджapati.

¹⁷ *...в пять — сочетанье великих...*— Имеются в виду пять «великих элементов» (махабхута) — пространство, ветер, огонь, вода и земля как субстраты объектов восприятия.

¹⁸ *...знающий это есть Я.*— Этим завершается изложение

основного учения древней санхьи в «редакции» Арада Каламы. В его учении различаются два основных параметра реальности — «сознательное» (субъект) и «лишенное сознания» (оно же «сущее»). Последнее представляет систематизацию начал бытия и включает: «природу» (пракрити), трансформации последней (викрити), рождение, старость и смерть. Но и «природа», и ее трансформации также включают в себя другие элементы: первая — «непроявленное» (авьякта), «интеллект» (буддхи), «чувство индивидуальности» (аханкара) и пять указанных выше «великих элементов» — начал материального бытия; вторые — пять объектов органов чувств, сами эти пять чувств и пять способностей действия (речи, «манипуляции», передвижения, испражнения и размножения), а также «ум» (манас). Особенностью санхьи, как и многих других индийских религиозно-философских систем, является исключение из «Я» всех начал познания, воли и чувства. Поэтому здесь и нельзя говорить о духовном начале в собственном смысле слова.

¹⁹ *...эти четыре постигнешь, // Можешь избежать рожденья...* — Китайская версия текста соотносит «четыре» со знанием и незнанием; на деле же речь идет о том главном различии, с которого и начинается учение Арады (см. примеч. 18) — «сознательного» и «лишенного сознания», а в пределах второго — «проявленного» и «непроявленного».

²⁰ *...в небе ты Врихата-фаля...* — В китайской версии это и другие названия соотносятся с тремя небесами, которых достигает тот, кто медитирует по правилам Арады. На самом деле эти названия следует соотносить с теми божествами, которые, по учению Арады, «населяют» эти небеса. Их природа выражена в их же обозначениях: абхасвары — «лучезарные», шубхакристы (у К. Бальмонта Субхакристы) — «всеблаженные», брихатпхалы (у К. Бальмонта Врихата-фаля) — «имеющие великие плоды».

²¹ *...мудрости нет здесь вселенской, // Лучшего должен искать.* — Здесь завершается ответ — своеобразная отповедь Сиддхартхи Араде, чье учение, будучи близким буддийскому, все же сохраняет субстанциальное «Я», что несовместимо с основами буддизма.

²² *...шесть частей круговращения жизни* — шесть модусов рождений; начиная с самых «благоприятных» (в одной из небесных сфер) и кончая самыми «неблагоприятными» (в одном из адов).

²³ *И вступил он в бодрствование третье...* — Возможно, что речь идет о третьей дхьяне. С. Бил, однако, отмечает, что имеется в виду только «глубокое понимание истины».

²⁴ *Уничтожь неведение, — и с ним // Имена и лики умира-*

ют.— Здесь завершается изложение буддийской двенадцати-членной формулы пратитья-самутпада («взаимозависимое возникновение»), классический вариант которой представлен в палийском каноне. Поток существования индивида в сансаре рассматривается через звенья цепи: старость и смерть обуславливаются рождением, рождение — «становлением»; «становление» — «привязанностью»; та, в свою очередь, — «жаждой»; «жажда» — «чувством»; оно — «соприкосновением»; «соприкосновение» — «именем и формой»; те — «незнанием», а последнее — снова «именем и формой».

²⁰ *Так усовершенствовавшись, Будда, // Духом, восьмикратный путь нашел...*— Речь идет о восьмеричном «благородном пути» поэтапного самоосвобождения от страданий, посредством обретения следующих достоинств: правильных воззрений, мышления, речи, поведения, образа жизни, усилия, внимания и сосредоточения.

²⁵ *Истин высоких — четыре...*— Четыре «благородные истины», составляющие квинтэссенцию всего буддийского учения (дхарма): о страдании в мире, о причинной обусловленности страданий, о возможности прекращения страданий и о способе прекращения страданий (см. примеч. 25).

²⁷ *...восемь открылось путей.*— См. примеч. 25.

²⁸ *Так четверичная правда...*— См. примеч. 26.

²⁹ *...Аньята — Знающий значит...*— Неточность в русском переводе: санскритское «аджнята» означает «познанный».

³⁰ *...шесть есть чувств и шесть предметов чувства, // Слитые взаимно в шестеричность, // Шестеричность знания создают.*— Один из канонических способов буддийской классификации дхарм (конечные элементы бытия) на восемнадцать классов (дхату-готра). Шесть чувств — способности органов зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания и мышления (манас); шесть предметов чувств — цвет, звук, запах, вкус, осязаемое и нечувственные предметы; шестеричность знания — сознание видимого, сознание слышимого, сознание обоняемого, сознание вкушаемого, сознание осязаемого и сознание нечувственного.

³¹ *Тройной в руках у них явился посох, // Сосуд с водой пред ними появился...*— Три посоха, символизирующие контроль над мыслями, словами и действиями, и сосуд с водой — знаки мироотречного образа жизни в индийских религиях.

³² *...и десять разных точек совершенства...*— Намек на десять парамит, то есть «добродетелей» бодхисаттвы.

³³ *...и троезвездье, в ярком повтореньи, // Служило Будде, Солнцу между звезд.*— Имеются в виду три ученика Будды — Шарипутра, Маудгальяяна и Агнидатта.

³⁴ *Если скажем мы: «Само-природа // Есть Творец — оши-*

бочно и то... — Речь идет о буддийской критике учений, распространенных в эпоху Будды. В предыдущем отрывке рассматривалось учение о разумном агенте космоса — ишвара-вада; здесь — свабхада-вада — натуралистическое учение, согласно которому вещи суть то, что они есть благодаря «самим себе»; допущение же причинности в мире излишне.

³⁵ *...в колесе вращаясь мощном, // Три разряда дел твоишь...* — Подразумеваются действия «благоприятные», «неблагоприятные» и относительно нейтральные, совершение которых определяет кармический баланс индивида.

³⁶ *...Хиранакашину — Ступень Златая.* — Более правильная этимология этого имени: «Имеющий золотую подушку».

³⁷ *Пьяный слон.* — Речь идет о том, что Девадатта подговорил хранителей слонов выпустить на дорогу, по которой должен был идти Будда, свирепого слона по имени Налагири (Дханапала), напоенного вином.

³⁸ *Царь Гандхара внял Закону...* — Речь идет о царе Гандхары (государство на Северо-Западе Индии). Его собственное имя С. Бил реконструирует как Пудгала.

³⁹ *И в селе Ангулимале...* — Судя по русскому тексту и переводу С. Била, имеется в виду Ангулимала — местность, однако основные буддийские источники знают Ангулималу-разбойника, обращенного Буддой в свою веру и ставшего впоследствии «совершенным» (архатом).

⁴⁰ *...я свободен от дней Троемирья...* — Древняя общеиндийская космология исходит из представления о трехмерной структуре космоса: земля — промежуточное пространство (атмосфера) — небо, с которой соотносились и основные боги ведийского пантеона. В буддизме утвердилось и другое деление: мир чувственных форм, мир тонкоматериальных форм и мир нематериальных форм. Поскольку тремя мирами исчерпывается вселенная, то Будда хочет этим сказать, что он «свободен от всего».

⁴¹ *...фиалковые очи...* — Следует иметь в виду «лотосовые» очи.

⁴² *...несравненный люд Богатырей...* — Здесь и выше («Могучие», «Сильные») имеются в виду маллы (слово действительно означает «борец») — сильная племенная конфедерация на Северо-Западе Индии.

⁴³ *Собор Пятисот.* — Так традиционно назывался первый буддийский «собор» в Раджагрихе, который состоялся, по преданиям, вскоре после смерти Будды. Буддисты сохраняют предание о том, что Упали воспроизвел на нем всю первую часть канона, посвященную дисциплинарным правилам («Виная-питака»), в то время как другой ученик Ананда — вторую часть, фиксирующую собственно религиозно-этическое учение («Сутта-питака»).

СЛОВАРЬ *

ТОПОНИМЫ И ЭТНОНИМЫ

А н ь ч а в а р и — соответствует Агратави — город в Магадхе.

Б е л у в а — деревня близ Вайшали, куда Будда, по преданиям, пришел незадолго до своей кончины.

Б е н а р е с (совр. Варанаси) — один из священных городов Индии, цитадель традиционного индуизма.

Б х и д х а в а л и — согласно буддийским источникам, небольшое селение в Магадхе.

Б х о г а - Н а г а р а, или Бхогагаманагара, — деревня в стране Вриджи, где Будда, по преданиям, остановился в своем последнем путешествии.

В а и с а л и (Вайшали) — столица сильного племенного объединения личхавов, место активной проповеди Будды.

В а н н у ш т а (Вайнушта) — селение в Магадхе.

В а р а н а — небольшая речка, сведения о ней разноречивы, возможно, один из притоков Ганги.

В е д и — соответствует Ведия, Ведьяка — мифическая гора в Магадхе, где Будде будто бы нанес визит Индра.

Г а й я (совр. Бодх-Гайя) — город в Магадхе, недалеко от которого произошло, как верят буддисты, прозрение Сиддхартхи.

Г а й я с и р т а, **Г а й я с и р ш а** (Гайяширша) — небольшая гора близ Гайи, известное место проповеди Будды.

Г р и д р а к у т а (Гридракута) — один из пяти холмов,

* Древнеиндийские имена и названия даются в транслитерации К. Бальмонта, принятой в его время. В скобках указано современное прочтение.

окужавших Раджагриху; по преданиям, Будда часто посещал его.

Д ж э т а в а н а — роща близ Шравасти, где Будда часто останавливался и проповедовал. Здесь был воздвигнут известный буддийский храм (вихара).

Д и н а м а т и — соответствует Кханумата — поселение брахманов Магадхи.

К а и л а с а (Кайласа) — сказочная обитель бога Куберы и «рай» Шивы; индуистская мифология помещала Кайласу в Гималаях.

К а п и л а в а с т у — столица рода шакьев, из которого произошел Сиддхартха; на крайнем Северо-Востоке Индии.

К о т и г а м а — деревушка на берегу Ганга близ Паталипутры.

К о ш а л а (совр. Уттар-Прадеш) — могущественное государство Северо-Восточной Индии, соперничавшее с Магадхой, в эпоху Будды управлялось знаменитым царем Прасаджитом.

К у ш и н а (г а) р а — столица племенной конфедерации маллов; город на крайнем севере Индии, у границы с современным Непалом, по традиции место кончины Будды.

Л и х а в и (личхав) — сильное племя, составлявшее основу республиканской федерации Вриджи; находилось к северу от Магадхи.

Л ю м б и н и — поселение близ Капилавасту; здесь, по преданию, находилась саловая роща, где родился Сиддхартха.

М а г а д х а (совр. Южный Бихар) — крупнейшее государство в Северо-Восточной Индии, чьи цари стали первыми инициаторами создания «всеиндийских» империй.

Н а й р а н ь д ж а н а (Найранджанья) — согласно буддийской мифологии, река в Уравильве, где Будда — «просветленный», подвергся искушению Мары.

Н а д и к а (Натика) — местность между Котигамой и Вайшали.

Н и г а н т х а — по буддийским источникам, гора близ Капилавасту.

П а в а — столица племенного объединения маллов на Северо-Западе Индии, по традиции, предпоследняя остановка Будды в его земном путешествии.

П а д а т т и — деревушка в Магадхе.

П а н д а в а — гора; иногда ее ассоциируют с горами Виндхья.

П а т а л и п у т р а (совр. Патна) — один из важнейших городов Гангской долины; с V в. до н. э. столица Магадхи.

Р а д ж а г р и г а (Раджагриха, совр. Раджгир) — древняя столица Магадхи; место активной проповеди Будды, важный центр буддизма.

С а к ь я (шакья) — аристократический род на крайнем Северо-Востоке Индии, в предгорье Гималаев, из которого происходил Сиддхартха.

С и р ш а (Ширша).— См. Гайясирта.

С у м е р у, или Меру,— по брахманистской космологии, центр вселенной (индийский Олимп), золотая гора, вокруг которой вращаются планеты, располагаются материки; на нее с неба падает Ганг, а ее вершина — обиталище главных индуистских богов.

У р а в и л ь в а (Урувела) — лес близ Гайи, где обитали, по преданию, подвижники, занимавшиеся умерщвлением плоти.

Ш р а в а с т и — столица Кошалы и один из «великих городов» Индии в эпоху Будды, важнейший центр буддизма.

ТЕРМИНЫ И РЕАЛИИ

А м р и т а («бессмертный») — напиток бессмертия, нектар, амврозия.

А с в а т т а (ашваттха — «лошадиная стоянка») — баньян, индийская смоковница, сакральное дерево, *Ficus Religiosa*, которому приписывались важные мифо-ритуальные функции, рассматривалось как символ Брахмана.

А с о к а (ашока — «беспечальное») — священное дерево с красными цветами.

А с у р ы — демоны ведийской, а затем брахманистской и индуистской мифологии, извечные противники богов — дэвов, непрестанно конкурирующие с ними за обладание миром и главенство.

Б о д г и с а т т в а (Бодхисаттва — «тот, чья природа — просветление») — в буддизме человек (или другое существо), предназначенное стать буддой; помимо сына Шуддходаны и

Майи буддизм знает множество бодхисаттв (в буддизме махаяны их число безгранично), которые перед исхождением на землю должны родиться на небе Тушита («небо блаженства»).

Б о д х и («пробуждение») — дерево в Гае, под которым, по буддийскому преданию, произошло «просветление» Сиддхартхи.

Б р а м а н (Брахма) — Абсолют в основных течениях индийской религиозно-философской мысли, описывается в терминах мировой субстанции и мирового сознания.

Б р а м а ч а р и н (брахмачарин) — ученик, изучающий веды в доме учителя до вступления в брак; религиозный подвижник, принявший обет безбрачия.

Б у д д а («пробужденный», «просветленный») — индивид, достигший высшей ступени знания, окончательно освободившийся от действия закона кармы и передающий способ этого «освобождения» всему миру; по буддийской традиции, Будда исторический — один из неисчислимых будд бесчисленных миров и эпох. Это отсутствие уникальности и незаменимости радикально отличает его от основателя христианства.

Б х и к ш у — странствующий аскет, живущий милостыней.

Г а н д х а р в ы — полубожества, супруги небесных нимф — апсар, небесные певцы и музыканты.

Г у н а и г у н и — категории индийской религиозно-философской мысли, означающие свойство (условно «качество») и его носителя (условно «субстанцию»).

Д ж а м б у — вид розовой яблони, *Eugenia jambolana*.

Д х а т у («слой», «компонент») — многозначный термин, прежде всего обозначает свойства вещей.

Д х и а н а (дхьяна) — степень медитации, достигается особыми психо-ментальными упражнениями, ведущими к трансформации в сознании адепта (его восприятию космоса, собственного «я» и т. д.).

Д э в а («сияющий», «небесный») — бог ведийского, а затем индуистского и буддийского пантеона.

Д э в и («сияющая», «небесная») — в индийских мифологиях супруга дэвы.

И ш в а р а («господин») — персонифицированное божество; широко известный эпитет Шивы.

К а р м а («действие») — важнейшее понятие религиозно-философской мысли Индии; означает «результатирующий» баланс дел, которые совершены индивидом в «предшествующих»

существованиях. Считалось, что он в значительной мере предопределяет факторы его «будущего» рождения.

К у м у д а — красный лотос, *Nymphaea rubra*.

К ш а т р и я — представитель военной аристократии, царь.

М у н и («молчальник») — обозначение аскета в различных религиозных традициях Индии.

Н а г а - р а д ж и — цари нагов.

Н а г и — полубожественные существа, изображались со змеиным туловищем и человеческой головой (головами).

Н и р в а н а («угасание») — одно из основных понятий буддийской религиозно-философской мысли; высшее, «неопределимое» состояние сознания и конечная цель жизни буддиста, полное прекращение действия закона кармы.

П а р а м а р т а (парамартха) — «высшая истина».

П а т а л и — красный цветок, *Bignonia suaveolens*.

Р а к ш а (ракшас — «кто охраняет» или «от кого охраняют») — устрашающие демоны индийской мифологии, выступали противниками уже не богов (как асуры), а людей.

Р и ш и — класс персонажей общеиндийской мифологии; первоначально под риши понимались поэты — патриархи ведийских кланов (отсюда семь «великих риши»), а затем наиболее почитаемые «мудрецы» и подвижники вообще; многим из них приписывается авторство основных религиозно-философских текстов.

С а м б о д х и — в буддизме «совершенное знание», «просветление».

С а с т р ы (шастры) — традиционные системы любого организованного знания в индийской культуре, включая и философские системы.

С у т р ы — основополагающие тексты традиционных индийских дисциплин знания, кодифицированные в виде прозаических афоризмов.

Ч а к р а в а р т и н («вращающий колесо») — монарх, претендовавший на владение всеми землями (дословно: «по которым могли пройти колеса его колесницы»).

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ

А г а с т я (Агастья) — один из семи «великих риши», считался сыном Митры и Варуны (одновременно) от апсары Урваши, известен своей страстью к супруге Сомы Рохини.

А г н и («Огонь») — важнейшее божество ведийской мифологии, персонифицирует жертвенный огонь.

А г н и д а т т а — благочестивый и богатый брахман, который пытался сам решить сложные метафизические вопросы и нашел ответы на них в учении Будды.

А д ж а («Нерожденный») — царь Солнечной династии, дед знаменитого героя Рамы.

А д ж а т а с а т р у (Аджаташатру) — сын Бимбисары (см. ниже), ведший упорные и успешные войны с соседями Магадхи; покровительствовал различным учителям-шраманам.

А и д а («Происходящий от Иды») — матроним мифического царя Пурураваса; его полная драматизма любовь к нимфе Урваши стала популярным индийским вариантом сюжета любви смертного и богини; сюжет лег в основу драмы Калидасы «Мужеством добытая Урваши».

А л а в а, или Алавака, — по буддийской мифологии, людоед-кша, обращенный в буддизм.

А м б а р и ш а («Владыка неба»), **Д р у м а** («Дерево»), **В а с и т а** (Васиштха — «Превосходнейший»), **А т р е й я** (Атрея — «Потомок Атри») — мифологические цари, практиковавшие аскезу в лесу, а затем вернувшиеся к мирской жизни.

А м р а (на яз. пали) — знаменитая куртизанка Вайшали, от которой Будда принял пищу и которая подарила свой парк буддийской общине.

А н а н д а — кузен и любимый ученик Будды, известный особой преданностью учителю; стал одним из руководителей раннебуддийской общины.

А н г а — один из аристократов, ставший буддийским монахом.

А н г и р а с — один из семи «великих риши», носитель особых жреческих функций в индийском пантеоне, посредник между богами и людьми.

А н у д ж а с а, **В а д ж р а б а г у** (Ваджрабаху — «С громовой палицей»), **Д р у м а**, **В а т а д ж а н а** — мифические цари прошлого, благополучно сочетавшие роскошь чувственной жизни с исполнением государственных и религиозных обязанностей.

А н у р у д х а, А н у р у д д а (Ануруддха) — кузен Будды; вначале не желал расставаться с удовольствиями царской жизни, но затем стал одним из первых учеников; ему приписываются оккультистские «подвиги».

А р а д а, А р а д а Р а м а — соответствует Арада Калама — знаменитый аскет, которого посетил Сиддхартха в поисках «высшего знания»; от его лица излагается одна из версий древней санкхья-йоги — важнейшего религиозно-философского направления, значительно повлиявшего на буддизм.

А с и т а («Небелый», «Темный») — знаменитый риши, которому приписывается множество деяний.

А с о к а (Ашока — «Беспечальный») — знаменитый царь (III в. до н. э.) Маурийской династии, крупнейший покровитель и миссионер буддизма.

А т р и («Едящий») — один из семи «великих риши»; его сын Дурвасас прославился особой гневливостью.

А у р в а («Потомок Уру») — по индийской мифологии, внук риши Бхригу, спасенный своей матерью, которая спрятала от врагов его зародыш в своем бедре.

Б а с у н д а р а и С у н д а р а — соответствует Сунда и Упасунда — два брата-асура, вначале чрезвычайно дружные, но затем убившие друг друга из страсти к небесной нимфе Тилотгаме, посланной к ним коварным Брахмой.

Б и м б и с а р а (VI—V вв. до н. э.) — первый из известных царей Магадхской династии; при нем началась экспансия Магадхи в Гангской долине.

Б р а м а (Брахма) — в индуистской мифологии одно из трех первоверховных божеств (наряду с Вишну и Шивой); с ним ассоциируется функция периодического мирозидания; истоки образа — персонификация абстрактного понятия Брахман. В буддизме весьма популярен Брахма-лока (мир тонкоматериальных и нематериальных форм).

Б р и г а с п а т и (Брихаспати — «Господин молитвы») — божество молитвы и жертвоприношения в ведийской мифологии (другое имя — Брахманаспати).

Б х р и г у (от глагола «пылать», «сиять») — один из семи «великих риши», пользовавшийся исключительным авторитетом в индуистском пантеоне и сделавший даже однажды Вишну верховным божеством.

В а л ь м и к и («Муравейный») — полупоэтический составитель эпической поэмы «Рамаяна», именуемый «первым из

поэтов»; ему приписывается изобретение эпического стихотворного размера шлоки.

В а с и т а (Васиштха — «Превосходнейший», «Богатейший») — один из семи «великих риши», олицетворение добродетелей брахманства; всю жизнь воевал с доблестным кшатрием Вишвамитрой.

В и а с а (Вьяса — «Разделитель») — легендарный «великий риши», к которому относят «разделение» гимнов вед, авторство пуран и великой эпической поэмы «Махабхарата».

В и м а л а («Незапятнанный») — мифический риши, известный подвигами умерщвления плоти.

В и с в а м и т р а (Вишвамитра — «Друг всех») — один из семи «великих риши», которому приписывается невероятная аскетическая сила, позволившая ему достичь небывалого, по индийским понятиям, результата — стать из кшатрия брахманом; по легенде, был соблазнен, однако, небесной нимфой Менакой. Так родилась знаменитая Шакунтала.

В р и д х а (Вриддха — «старец»). — Имеется в виду «старец Парашара», известный из буддийской литературы как учитель йоги.

Г а д а и **Н а д и** — братья, обратившиеся в учение Будды после победы последнего над драконом на горе близ Гайи.

Г а у т а м а («Потомок Готамы») — один из семи «великих риши», проклявший похотливого громовержца Индру за соблазнение его супруги Ахальи родовое имя Сиддхартхи, часто встречаемое в литературе.

Г и м а п а т и (Химапати) и **В а т а д ж и р и** — демоны, обитавшие, по буддийской мифологии, на горе Вибхарде и обращенные в учение Будды.

Д ж а и г и с а в ъ я (Джайгишавья — «потомок Джигишу») — один из видных учителей древней санкхья-йоги.

Д ж а н а к а («Порождающий») — по древнеиндийским преданиям, знаменитый царь Видехи (впоследствии территория личчавов) и великий мудрец, интересовавшийся ритуалистическими и мировоззренческими вопросами, при дворе которого собирались виднейшие мудрецы-брахманы.

Д ж и в а (к а) — знаменитый врач Магадхи, лечивший царей, а затем ставший первым целителем в буддийской общине.

Д ж э т а — один из правителей Кошалы, предоставивший Будде свое имя; стал учеником Будды.

Д р о н а — брахман из Кушинагары, почитатель Будды, выступивший посредником в споре маллов с коалицией семи государств (во главе с Магадхой) за реликвии Будды

Д р у м а — мифический царь, связанный с племенем шальвов, враждебным, согласно пуранам, роду Кришны.

Д э в а д а т т а — кузен и соперник Сиддхартхи, по преданиям, начал строить козни уже после неудачной попытки получить в жены Яшодхару, а затем смертельно враждовал с ним после вступления в буддийскую общину

И д а — персонификация жертвенного возлияния (прежде всего молочного), дочь прародителя людей Ману и мать царя Пурураваса

И к ш в а к у — в индуистской мифологии основатель Солнечной династии со столицей в древней Айодхье (совр Ауд), предок знаменитого героя Рамы

И н д р а — глава богов ведийского пантеона, бог грома и молнии, предводитель воинства дэвов в их вечной борьбе с асурами, победитель грозного асура Вритры (основной индийский вариант мирового космогонического мифа), первый воин и сластолюбец

К а к ш и в а т («Обладатель укромного места») — известный риши.

К а л я Н а г а — царь нагов, которого можно ассоциировать с тысячеглавым змеем Шешей, по индийской космогонии, поддерживает землю и служит ложем для Вишну в мировом океане в период прекращения созидания космоса.

К а н д ж а н а — демон с горы Гайяширша, обращенный в учение Будды.

К а п и л а («Красноватый») — полумифический мудрец, ему приписывается основание религиозно-философской системы санкхья.

К а с н а п а (Кашьяпа) — благочестивый и влиятельный брахман, живший на горе близ Гайи и обращенный со своими многочисленными последователями в учение Будды после победы последнего над страшным драконом

К а у н д и н ь я, **Д а с а б а л а к а с и а п а** (Дашабалакашьяпа), **В а г и п а** (Вашпа), **А с в а д ж и т** (Ашваджит), **Б х а д р а** — пять бхикшу, с которыми Сиддхартха начинал свои аскетические упражнения, позднее он обратил их в свое учение.

К а у р а в а («Потомок Куру»). — Видимо, имеется в виду Дурьодхана, старший из кауравов, персонаж «Махабхараты»,

преследовавший двоюродных братьев — пандавов (основной сюжет поэмы), пока не погиб после битвы на Курукшетре.

Кришасва (Кришашва — «Тощий конь») — мифический добродетельный царь древности.

Кришна («Темный») — самое знаменитое воплощение Вишну (аватара), герой многочисленных легенд, в которых он выступает в качестве игривого юноши, героя-воина и религиозного учителя.

Кумара и **Асидака** — два демона, друзья Алавы, обитавшие близ Вайшали и вынужденные духовной силой Будды принять его учение.

Кутадапта — образованный и влиятельный брахман в Магадхе, обращенный Буддой после того, как тот стал советовать с ним об устройстве жертвоприношения.

Мага-Кали (Махакали — «Великочерная») — в буддийской мифологии тетка Мары, ее облик напоминает супругу Шивы в образе Кали.

Магесвара (Махешвара — «Великий Господин») — один из популярнейших эпитетов Шивы.

Мадгалияйна (Маудгальяяна) — один из ближайших учеников Будды, прославившийся наряду с эрудицией и своими «сверхспособностями» (силы иддхи); вместе с Шарипутрой почитался в буддийской общине образцовым учеником.

Майя или **Майядэви**, — дочь царя Супрабуддхи, супруга царя Шуддходаны, мать Сиддхартхи.

Манга, **Мандгари** — соответствует **Мандха** — один из чакраватинов, соперничавший в могуществе с самим Индрой.

Мандхатри («Держащий ум») — мифический царь, родившийся, как и Сиддхартха, из бока, но не матери, а отца.

Ману («Человек») — мифический прародитель людей; индуистская мифология насчитывает четырнадцать Ману, живших в различные мировые периоды (манвантары); наиболее известен первый Ману — **Сваямбхува** (сын Брахмы), считающийся отцом семи «великих риши» и составителем «Законов Ману» — основного кодекса индуистского «обычного права».

Мара, **Мара Дэвараджа** («Убивающий», «Разрушающий») — в буддийской мифологии олицетворение зла, извечный противник будд и бодхисаттв, искушающий их (как и обычных людей) чувственными страстями и страхом в целях препятствовать «просветлению»; в его свите множество негативных мужских и женских полубожеств, «отвечающих» за одну из страстей.

На н да («Радость») — один из кауравов, брат Дурьодханы, вместе с ним упорно преследовал пандавов.

На н да — сводный брат Будды по отцу; по преданию, был обращен в монашество накануне своей коронации и свадьбы.

На н да Б а л а д а — соответствует Суджата — дочь землевладельца деревни Сенани близ Урувелы; по преданию, принесла пищу истощенному аскезой Сиддхартхе.

П а н ь ч а с и к х а (Панчашикха — «Пятиглавый») — один из гандхарвов, посланный к Будде Индрой и воспевавший на вине (известнейший индийский щипковый музыкальный инструмент) совершенства Будды и его учения.

П а р а с а р а (Парашара — «Разрушитель») — сын или внук риши Васиштхи и отец Вьясы, предок героев «Махабхараты», полюбивший Кали, дочь рыбы.

П а т а л и и **П а т а л а** — известные демоны, обитавшие в магадхской деревушке и обращенные Буддой.

П р а д ж а п а т и **Г а у т а м и**, она же **Г а у т а м и** и **Г о т а м и** — сестра Майи, тетка и кормилица Сиддхартхи; впоследствии приняла буддизм.

П р а й я н т и к а — один из брахманов-аскетов Магадхи, принявший учение Будды.

П р а с э н а д ж и т — могущественный царь Кошалы (V в. до н. э.); вел борьбу с Магадхой за гегемонию и очень интересовался различными религиозно-философскими учениями.

П р и т х у, **П р и т х и** («Широкий») — сын мифического царя-тирана Вену; родился из руки своего отца, которой был убит прогневленными им риши.

П у р и д ж и в а н а — сын богатого магадхского аристократа, обращенный Буддой.

Р а г у л а (Рахула) — единственный сын Сиддахартхи, рожденный в день ухода его из дворца; впоследствии неоднократно получал наставления от отца, пока не достиг степени архата («совершенный»).

Р а м а («Темный») — герой эпической поэмы «Рамаяна», знаменитый царь Айодхьи, сын Дашаратхи, почитался в качестве одного из основных воплощений (аватар) Вишну; как свидетельствует поэма, когда отец хотел провозгласить его наследником, мачеха изгнала его в лес на четырнадцать лет, которые он провел в аскетических подвигах.

Р а т и («Наслаждение»), **П р и т и** («Удовлетворение»), **Т р и ш н а** («Жажда») — три дочери Мары; они олицетворяют три похоти, которые переданы их именами.

С а к и (Шачи — «Дающая помощь») — супруга Индры.

С а к р а (Шакра — «Могучий») — популярнейший эпитет Индры.

С а к ъ я - м у н и (Шакья-муни — «Молчальник из шакьев») — имя Сиддхартхи, отличающее его в буддийской мифологии от других будд.

С а м б х у (Шамбху — «Милостивый», «Благотетельный») — эпитет многих богов, в данном случае Шивы, супруга «Горянки» Парвати.

С а н т а н у (Шантану — «Благотетель») — мифический царь, женатый на богине Ганге и Сатьявати, отец Бхишмы — двоюродного деда кауравов и пандавов.

С а р а с в а т и («Обладающая водой», «Изящная») — в ведийской мифологии богиня одноименной реки, позднее супруга Брахмы, покровительница красноречия и мудрости, изобретательница санскрита и алфавита, патронесса наук и искусств.

С и в а (Шива — «Благой») — один из трех верховных богов индуистского пантеона, носитель одновременно созидательной и разрушительной космической энергии, плодородия и аскетической силы.

С и д д х а р т а (Сиддхартха — «Исполнивший свое назначение») — основное имя сына Шуддходаны и Майи, до того как он стал Буддой.

С о м а — ведийское божество, третье по значению после Индры и Агни, связанное с луной; название галлюциногенного напитка, который употреблялся во время торжественного ритуала.

С у б х а д р а — последний из обращенных Буддой житель Кушинагары, принадлежавший до этого к секте паривраджаков — странствующих аскетов.

С у д д х о д а н а (Шуддходана) — отец Сиддхартхи, царь шакьев и, соответственно, Капилавасту; дословно имя значит «Питающийся чистым рисом».

С у л а, **Ч у р н а**, **Н и а г р о д х а** (Ньягродха), **Ш р и к у н т а к а** — первые из обращенных жителей Магадхи на двенадцатый год проповеднической деятельности Будды.

С у н д а р и («Прекрасная») — одна из небесных нимф — апсар, соблазнительница «великих риши».

С у р а (Шура — «Герой») — один из аристократов племени ядавов, отец Васудэвы и дед Кришны.

С у р и а к а (Сурьяка).— См. Сурья-Дэва.

С у р ъ я - Д э в а («Божество-Солнце») — ведийское солярное божество, занимавшее важное место и в индуистском пантеоне.

Т и м б и л а, или Кимбила,— один из родичей Будды, обращенный им вскоре после посещения Капилавасту.

У д а й и (Удайин) — сын пурохиты (жреца) Шуддходаны, уговаривавший Сиддхартху вернуться к радостям царской жизни.

У д р а (к а) — один из древних учителей йоги, наставник особой медитативной практики.

У п а г а (Упака) — обращенный Буддой брахмачарин; по другим буддийским версиям, адживик — последователь антибрахманистского (и в еще большей мере антибуддийского) натуралистическо-фаталистического направления древнеиндийской мысли.

У п а л и — один из первых учеников основателя джайнизма Джинны Махавиры (в палийских текстах ему соответствует Нигантха Натапутта), вступивший в полемику с Буддой, но перешедший после этого в буддийскую общину.

У п а т и ш и я — собственное имя Шарипутры.

Ч а н д а к а — друг и возница Будды, родившийся с ним в один день и присоединившийся впоследствии к буддийской общине.

Ч а н д р а д э в а («Бог Луны») — эпитет Сомы, породившего Будху (олицетворение планеты Меркурий) от жены Брихаспати, когда та совершала жертвенные возлияния.

Ч и а в а н а (Чьявана) — сын риши Бхригу, замечательный по своей целеустремленности подвижник, простоявший на берегу озера до тех пор, пока наконец на нем не вырос большой муравейник.

Ч у л а — один из богатых купцов Раджагрихи.

Ч у н д а — ремесленник-кузнец, пригласивший Будду в свою рощу и из лучших чувств угостивший Будду мясом, что вызвало у последнего предсмертную дизентерию.

Ш а р и п у т р а («Сын Шари») — один из главных учеников Будды, которому приписывается особая способность к созерцательной практике. Ближайший друг Маудгальяны.

Ш у к р а («Светлый») — наставник и жрец асуров, оживлявший их в войнах с дэвами; олицетворяет планету Венера.

Я ма («Узда») — мифологический царь предков и божество, определяющее судьбу усопших, «обитает» в нижнем регионе мира.

Я с а с (Яшас) — один из первых последователей Будды, аристократ Бенареса, чья история как бы дублирует отдельные эпизоды жизненного пути самого Сиддхартхи.

Я с о д х а р а (Яшодхара) — кузина-супруга Сиддхартхи и мать Рахулы, на которой он женился, победив на состязании в силе и ловкости всех прочих претендентов из рода шакьев, в том числе своего будущего соперника Дэвадатту.

ИСТОРИЯ БАЛЬМОНТОВСКОГО ПЕРЕВОДА

В письме от 17 мая 1911 г. Бальмонт сообщал М. Сабашникову, что перевел уже треть поэмы Ашвагхоши «Жизнь Будды», с которой впервые познакомился два-три года назад ¹.

«В данное время я перевожу на Русский язык — стихами — замечательнейшую, считаемую Европейскими специалистами лучшей, среди других разночтений легенды, «Жизнь Будды». Я познакомился с ней года 2—3 назад, и много раз мне хотелось перевести оттуда хоть несколько отрывков... Около трети всего у меня уже переведено... Если ты захочешь ее издать, это будет для меня настоящая радость, для Русского же слова и мышления — думаю — истинная польза».

Следующее письмо издателю уже прямо указывает на перевод С. Била (китайской версии Дхармаракши) как основу русского перевода: оно же и свидетельство положительного ответа Сабашникова на предложение Бальмонта об издании «Жизни Будды» в России. (Письмо отправлено Бальмонтом из Сен-Бревена 23.VIII.1911):

«Дорогой Миша,

Благодарю тебя за письмо, в котором ты пишешь о своем желании издать «Жизнь Будды». Я послал тебе два дня тому назад 9 песен этой поэмы Асвагоши, переработанной Дгармаракшей. По объему это составляет ровно треть всей поэмы. Сколько мне известно, французских и немецких изданий этого сочинения нет ², — во всяком случае я их не знаю. Я запросил по этому поводу специалистов по Санскритской и Китайской литературе ³ и, как только получу ответ, сообщу его тебе. Пока же могу лишь указать на английский перевод поэмы, изданный в весьма основательной серии «Священных Книг Востока», исполненной различными ориенталистами, под издательской санкцией Макса Мюллера. Его подробное название вот: The Fo-

Sho-Hing-Tsang-King, A Life of Buddha by Ásvaghosha Bodhi-sattva, transl. from Sanskrit into Chinese by Dharmaraksha, A. D. 420— by Samuel Beal. Oxford. Clarendon, 1883.

Условия будь добр предложить сам. Я думаю, что для меня был бы приятен метод, принятый тобою для Словацкого ⁴. Ставлю только на вид, что перевод этой вещи — кстати, мало кому известной, кроме специалистов, — намного труднее, чем перевод Словацкого. Если, прочтя эти 9 песен (а остальные — в том же роде, немного более философские, ибо в них право-верно излагается основное зерно буддизма), ты захочешь издать поэму (ее красота, мне кажется, говорит за себя сама), я попросил бы тебя начать набор теперь же. Это дало бы мне тот действенный взлет души, при каковом окончании работы становится не трудностью, а одним наслаждением. Если ты (при условии согласия) согласился бы не настаивать на Английском дорогом изяществе издания, а издать поэму совсем просто, дабы ее мог купить каждый небогатый человек, — это вполне совпало бы с моим желанием. Те песни, которые я тебе послал, я читал в Париже своим, а также Маргаре ⁵, Г. И. Чулкову ⁶, А. М. Ремизову, и нескольким другим писателям и художникам — и по их глубокому впечатлению могу предвидеть настоящий успех этой вещи у Русских читателей.

Следующие песни мною готовятся.

Буду ждать ответа от тебя. По возможности, прошу, не заставь ждать. Жму твою руку.

Твой К. Бальмонт».

Сообщение о знакомстве Ремизова с бальмонттовским переводом подтверждается также письмом и запиской Бальмонта, которые сохранились в архиве Ремизова:

Запись Бальмонта на визитной карточке 3. VII. 1911:

«Дорогой Алексей Михайлович,

Вот та поэма ⁷, о которой я говорил Вам.

Жму Вашу руку. До свидания. Ваш К. Бальмонт».

31. XII. 1911 — 4. I. 1912 (из Парижа в Петербург).

«Дорогой Алексей Михайлович!

Если я поистине и сверхъестественно был занят все эти месяцы, то да буду я прощен за неаккуратность свою и молчание... Письмо Ваше о Царевиче моем Индийском получил своевременно. Но был в гипнозе работы. И боялся послать Вам оттиск поэмы, ибо каждодневно ждал решения неких судеб, лишь теперь наконец вполне расшифровывающихся. И вот. Один оттиск поэмы у моего Московского издателя, М. В. Са-

башникова, другой у французского Санскритолога, Сильвена Леви, а третий мне нужен самому для дальнейшей работы. Поэма сия будет напечатана в Москве, в двух текстах — более простом, которого Вы еще не знаете⁸, и в более утонченном, который я Вам читал⁹. Но еще должен много работать над ней, и только через долгие месяцы она явит свой лик в печати...

Буду ждать от Вас скорого письма.

Жму руку.

Ваш К. Бальмонт».

В августовском письме поэт писал издателю, что он консультируется с французскими специалистами по санскритской и китайской литературе, но конкретного имени не упоминал. Из следующего послания к Сабашникову ясно, что главным советчиком и помощником Бальмонта в работе над переводом поэмы был С. Леви — не только санскритолог и синолог, но лучший в мире специалист по творчеству Ашвагхоши. С. Леви был одним из первых, кто занялся творчеством Ашвагхоши и перевел часть его поэмы «Жизнь Будды» на французский язык еще в 1892 г.

О сотрудничестве Бальмонта и С. Леви говорят письма французского ученого к поэту (они — на французском языке — сохранились в архиве Сабашниковых). Вот, например, письмо, отправленное С. Леви 21. X. 1911 Бальмонту:

«Милостивый государь,

Не могли ли бы Вы зайти ко мне на чашку чая совершенно запросто, без всяких церемоний, в субботу вечером, около половины десятого? Мои друзья и ученики придут непременно, все мы будем в Вашем распоряжении и постараемся дать интересующие Вас пояснения. Сам я восторженный поклонник Ашвагхоши и как-то раз, в 1908 году, воспользовавшись случаем, опубликовал в Журналь Азиатик свой труд об этом великом поэте¹⁰. Я даже перевел его Буддхачариту¹¹, первая песнь которой появилась в Журналь Азиатик в 1892 году¹². Я в восторге от того, что Вы полюбили и человека, и поэта, и его творения — все, что восхищает меня, простого филолога. Не сомневаюсь, что когда Вы лучше узнаете Ашвагхошу, Вас поразят его величие и гений.

...В надежде увидеть Вас в субботу вечером и с уверениями в моих самых сердечных к Вам чувствах». (Это письмо Бальмонтом для ознакомления было послано М. В. Сабашникову и у него так и задержалось.)

8. XII. 1911 (из Парижа):

«Дорогой Миша,

После долгих недель я наконец имею минутку, чтобы ответить тебе. Раньше физически не мог.

С полной откровенностью. Ты не захотел исполнить моего маленького каприза, или не мог, а каприз-то был не каприз — лишь творческая необходимость. Я просил тебя, раз берешь «Будду», послать мне без промедления корректуру. Если бы она была мне послана, весь «Будда» давно бы уже лежал у тебя на столе. Но я не получил определенного толчка. Был же я тогда, когда писал это, в мучительных колебаниях — отдаться ли «Будде» (чего мне более хотелось), или, не отклоняясь, сдерживать, любовно мною данное, свободно данное, слово перед родною тенью Эдгара По — довершить воссоздание его произведений на Русском языке. Не получив печатных страниц «Будды» — принял это за знак, и весь отдался Эдгару По. Те напряженные месяцы, которые я провел над этой работою, почти целиком меня взяли. Лишь временами я возвращался к «Будде», и только теперь, когда все, что нужно было сделать для Эдгара По, сделано и лишь остались какие-то корректуры, я волен сказать свое «Да» — и вернулся к Индусскому царевичу, отказавшемуся от царства.

Я перечитываю твое письмо. Я рад. Спасибо. Ты отнесся достойно к этому великому произведению, даже еще не зная всей красоты дальнейших страниц. А там, в дальнейшем, именно заключается, полное художественной и канонической точности, изложение легенды о Будде и основных представлений Буддизма. Я радуюсь также и общему твоему плану издания Калевалы, Русских Былин, Гомера. Конечно, «Жизнь Будды» Асвагоши — Дгармаракши как раз подходит к такой серии...¹³

...Предисловие к «Будде» необходимо. Я предпочитаю не Русского, а француза, отличного знатока Индусских литератур и Индии, Сильвэна Леви. На днях я сталкиюсь с Бойэ¹⁴, сколько он (т. е. Леви.— Г. Б.-Л.) возьмет за предисловие, и сообщу тебе, можно ли предложить ему это формально, то есть, вернее, ты сообщишь мне об этом. Не думаю, чтобы он стал запрашивать. Знаток же он превосходный и Асвагошу знает достоверно.

Условие я подписываю то, которое тебе угоднее, я не вижу в них большой разницы. Должен только вот что сказать. Я ведь уже затратил много недель и месяцев на эту работу и буду работать теперь, как только усядусь где-нибудь на три месяца,— устраняя другие соображения... Кроме того, в условие не включено то, что, конечно, ты и без условия сделаешь — именно, я получу 40 авторских экземпляров?

Я остаюсь в Париже до 20-х чисел января 1912 года. Я уез-

жаю затем в Австралию, вернусь же через Индию. И на Цейлоне, равно как в Индии, сам соберу разные интересности, касающиеся Будды, таким образом и твою мысль об украшении книги иллюстрациями можно будет осуществить любопытно. В Индии я буду не так еще скоро, окончание же рукописи * довершится, как я сказал, на первом же месте моего трехмесячного пребывания — в том или ином уголке Австралии...

Будь добр послать мне дубликат условия, тобою для меня подписанный. Прости, что так долго не отвечал. Замотался с делами и с людьми. На следующее письмо отвечу немедленно.

Буду ждать и от тебя скорого ответа. Спасибо еще раз за истинный отклик. Всего лучшего.

Твой *К. Бальмонт*».

Этим же числом датируется и договор, который в Париже подписал Бальмонт:

«В издательство М. и С. Сабашниковых
Михаилу Васильевичу Сабашникову

Милостивый Государь
Михаил Васильевич!

Настоящим подтверждаю состоявшееся между нами соглашение:

1) Я уступил Вам и Вашим правопреемщикам с правом Вашим на дальнейшие переуступки исключительное право выпуска в свет в неограниченном количестве экземпляров и изданий стихотворного перевода моего поэмы «Жизнь Будды» — Асвагоши Дгармаракши¹⁵.

2) В вознаграждении за уступки Вам этого права я имею получить от Вас с каждого проданного Вами экземпляра пятнадцать процентов продажной цены его (без переплета), объявленной на обложке, причем расчеты производятся раз в год по заключении Вами отчета по Вашему книгоиздательству и определении числа проданных в течение года экземпляров.

3) Вы мне гарантируете получение не менее пятнадцати копеек за каждый переведенный стих, и это минимальное гарантированное вознаграждение уплачивается лишь в счет пятнадцатипроцентного отчисления авансом следующим порядком: половина по представлении мною законченной и готовой к печати рукописи всего перевода и половина по отпечатании книги.

4) Авторская корректура производится мною без добавочного вознаграждения.

* Как я писал уже, у тебя немного меньше половины всего, ²/₅ текста. Несколько песен могу дослать до отъезда (написано Бальмонтом в низу страницы).

5) Время выпуска книги в свет, внешность ее и продажная ее цена определяется Вами.

6) Я получаю сорок экземпляров книги каждого издания бесплатно.

К. Д. Бальмонт
1911 8 декабря, Париж».

Прошло немного времени, и Бальмонт вновь сообщает издателю о своей работе над переводом «Жизни Будды» и встречах с С. Леви.

27. XII. 1911 (из Парижа):

«Дорогой Миша,

я каждый день собираюсь написать тебе подробно, но волна неотложностей каждодневно сметает благое намерение. Напишу хоть два слова. Во-первых, спасибо за посылку документа договорного... Во-вторых, твое второе письмо, сейчас полученное, напоминает мне, что я уже должен было сообщить тебе о своем посещении Леви. Прилагаю его письмо, которое, прочтя, верни ¹⁶. Я, конечно, был у него и узнал от него много интересных вещей, о коих пишу позднее, через две недели, когда пошлю и продолжение «Будды». Работа эта, теперь окончательно выяснившаяся, наполняет меня разными радостными решениями. Прежде всего, я запасаюсь добрым запасом книг по предмету и изучу их, во время моих плаваний и странствий по диким областям Океании и Австралии. Когда, насытившись впечатлениями, я приеду на остров Цейлон, где буддизм еще живет воистину, я буду подготовлен.

Я еще не говорил с Леви ничего о предисловии и не буду пока, хотя уверен, что он может написать хороший очерк. Я предварительно прочту все им рекомендованные книги, увижусь с ним еще два-три раза, выясню его взгляды на целый ряд теоретических пунктов и тогда договорюсь с ним. Разумеется, я подчеркну ему, что, при серьезности изложения (которой у него более чем достаточно), он должен иметь в виду широкую Русскую публику.

О, я рад этой работе и верую в нее.

На днях пошлю тебе книгу Леви об Асвагоше, специальную, но во многом любопытную...¹⁷

До новых строк. Жму руку.

Твой К. Бальмонт.

P. S. Я остаюсь в Париже до 27-го января н. с.».

Работая над переводом поэмы, Бальмонт, судя по письмам, углубленно изучал буддологические труды, готовил себя к встрече с «живым» буддизмом в Индии и на Цейлоне. Чтобы понять

сущность этой религии и подобрать иллюстрации к переводу, в письме к М. Сабашникову он просил прислать книги по буддизму.

13. I. 1912 (из Парижа):

«Р. С. Молил бы тебя послать мне книги:

- 1) Пишель (или Пешель) «Жизнь Будды» (изд. Кушнерева),
- 2) Ольденберга, то же (изд. Солдатенкова),
- 3) Минаев о Буддизме (изд. Акад., Спб.), и
- 4) Васильева о Буддизме. Спб., 1857 (если мыслимо найти).

Дорогой Миша... я здесь до 27-го — 28-го, из Лондона уже уезжаю 1-го февраля н. с.

Жду ответа.

Песни «Будды» дошло перед самым отъездом. Посылаю тебе две книжки С. Леви, чтобы ты увидел две его манеры разговора. Для нас ему придется выбрать среднее: одно слишком элементарно, другое слишком учено. Леви уже искушен мною писать. Но формально я еще не договаривался с ним.

Верно, увижу его сегодня или на днях. Напишу тотчас.

Жму руку.

Твой К. Бальмонт».

В письме речь идет о книгах, которые уже были, очевидно, поэту известны:

1) Р. П и ш е л ь. Будда, его жизнь и учение. Пер. с немецкого под редакцией Д. Н. Анучина. М., 1911.

2) Г. О л ь д е н б е р г. Будда, его жизнь, учение и община. Пер. с немецкого. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1884 (книга затем несколько раз в России переиздавалась).

3) В. П. В а с и л ь е в. Буддизм, его догматы, история и литература, ч. 1. Спб., 1857.

Академик В. П. Васильев — выдающийся буддолог и синолог по праву считался одним из лучших знатоков буддизма, его труды пользовались высоким научным авторитетом. Популярны были в России и книги крупных зарубежных индологов Германа Ольденберга и Ричарда Пишеля. Первое издание перевода книги Пишеля вышло с предисловием известного этнографа и антрополога Д. Н. Анучина, с которым поэт состоял в переписке

и к которому он обратился за помощью в подготовке к кругосветному путешествию (подр. см. вступительную статью).

1 февраля 1912 г. — в день отъезда — Бальмонт направил из Парижа М. Сабашникову письмо:

«Дорогой Миша, уезжаю. Не успел кончить 2-х страниц, чтобы послать продолжение «Будды». Пошлю из дальних стран. Спасибо за все.

Твой К. Бальмонт».

Ровно через месяц из Кейптауна Бальмонт сообщал издателю: «Посылаю тебе 10-ю, 11-ю, 12-ю песни «Будды». Одновременно посылаю Кате¹⁹ песню 13-ю, которую она, по прочтении, перешлет тебе. Следующие готовятся... Собираюсь ехать в глубь страны. Если увидишь Д. Н. Анучина, передай, пожалуйста, ему мою благодарность за письмо и книги...²⁰

Во время путешествия Бальмонт продолжал упорно работать над переводом поэмы. В письме из Тасмании от 16 апреля 1912 г. он писал издателю:

«Миша, я отправил тебе, одновременно с этим письмом, в закрытом и запечатанном пакете, весь текст «Жизни Будды» Асвагоши — Дгармаракши и, в качестве приложения, 4 лучших главы из первичного текста²¹ «Жизни Будды» Асвагоши, коего неполных 13 глав сохранилось на санскритском языке. Я вполне предпочитаю версию Асвагоши — Дгармаракши («Жизнь Будды», как она сохранилась на китайском языке). Но эти добавочные 4 главы имеют безусловный литературный интерес и, кроме того, уберегут нас от осуждения, что первичный текст обойден. Остальные главы первичного текста сухи и не пригодны для Русской публики.

В «Жизни Будды» Асвагоши — Дгармаракши есть тоже 3—4 сухие, и для европейца гротескные, главы, но они теряются в пленительной законченной новелле, отмеченной высоким благородством мысли и настроения.

Листок изъяснительный таких слов, как Риши, Муни, Сумеру, Бхикшу и т. п., дошло в одном из ближайших писем, равно как письмо к Сильвэну Леви, которое попрошу тебя переслать ему с твоим собственным дополнительным письмом (в каком-нибудь добром предложении ему твои условия, а равно указать, что именно ты желаешь иметь во вступительном очерке, — если мое письмо окажется неполным). ...Корректуры хотелось бы увидеть возможно скорее. Прочту их внимательно и не задержу.

Уезжаю послезавтра в Австралию, где пробуду недолго.

Будда сопровождал меня все время в Атлантике и в Индий-

ском Океане и в Южной Африке, и мне все кажется сказочным, что он уже окончен.

Жму руку.

Твой К. Бальмонт».

В одном из писем друзьям в Париж из Аделаиды (16.V.1912) поэт сообщал о «непомерной работе над Буддой».

Следуя договоренности с Бальмонтом, после получения текста перевода издатель написал письмо С. Леви с просьбой подготовить предисловие. В архиве Сабашниковых сохранились русский оригинал письма и французский перевод (на официальном бланке издательства — на «французском варианте», напечатанном на машинке, проставлено число — 22 августа 1912). Русский оригинал написан рукой М. В. Сабашникова:

«Милостивый Государь,

Ваш знакомый известный русский поэт К. Д. Бальмонт перевел в стихах поэму Асвагоши — Дгармаракши «Жизнь Будды». Этот перевод будет выпущен в свет нашим издательством. По соглашению с К. Д. Бальмонтом, находящимся в настоящее время в кругосветном путешествии, мы обращаемся к Вам с просьбой написать в виде вступительной статьи для издаваемой книги небольшой историко-культурный очерк, дающий характеристику эпохи возникновения поэмы, биографические и исторические данные об ее авторе, оценку художественного и исторического значения поэмы, сведения о судьбе ее текста, необходимые для понимания поэмы, а также сведения о Будде и буддизме. Одним словом, желательно, чтобы предполагаемая статья помогла читателю — неспециалисту и не обладающему эрудицией, но образованному и привыкшему к серьезному чтению понять поэму, заинтересоваться ею и оценить ее значение. Издание наше рассчитано на широкую публику. Очерк желательно вместить в 3—4 листа по 40. 000 букв примерно.

Мы очень надеемся, что Вы не откажетесь от составления указанной статьи и, будучи большим ценителем Асвагоши, как нам известно из Ваших трудов и по сообщениям К. Д. Бальмонта, Вы поделитесь с русским читателем поэмы Вашими обширными познаниями и Вашей любовью к этому памятнику литературы.

Нам очень хотелось бы иллюстрировать поэму репродукциями произведений древнебуддийского искусства, архитектуры, скульптуры, живописи и пр. близких ко времени возникновения поэмы.

Особенно было бы приятно дать репродукцию изображений

на сюжеты поэмы и лиц, и предметов, в ней упоминаемых. Мы очень просили бы Вас оказать нам и в этом Ваше компетентное содействие и дать нам возможность иллюстрировать нашу книгу, указав нам, какие именно произведения древнебуддийского искусства желательно поместить в книгу и откуда (т. е. из каких научных художественных изданий, собраний и музеев) можно заимствовать или сфотографировать их.

В случае согласия Вашего на наше предложение мы просим Вас сообщить нам, к какому времени Вы могли приготовить статью, и назначить условия Вашего вознаграждения.

Само собой разумеется, мы рассчитываем получить статью на французском языке и о переводе ее на русский озаботимся сами...»

Путешествие Бальмонта продолжалось, и продолжалась работа над переводом поэмы Ашвагхоши. В письме от 18.X.1912 с острова Ява он сообщал, что «снова перечел 8 песен «Будды» и отослал их М. Сабашникову».

После возвращения в Париж в конце декабря 1912 г. Бальмонт не расстается с Ашвагхошей, вновь консультируется с С. Леви.

«Дорогой Миша,— пишет он Сабашникову из Парижа 6. I. 1913,— привет Новогодний тебе и твоим.

Отослал тебе сегодня первые 5 листов сверстанных и песни 9—15 неверстанные. Молю убедиться, что поправки в листах, подписанных к печати, будут исправлены в точности (их очень немного). Возобновляю прошлогоднюю просьбу: пошли мне, если возможно (хоть на краткое подержание), книги: Ольденберг, «Будда», и исследования по Буддизму Минаева²² и Васильева... На днях собираюсь к Леви. Хотелось бы говорить с тобой. Очень интересуют меня твои новые серии. Жму руку.

Твой К. Бальмонт».

Через три недели поэт вновь пишет издателю.

(30. I. 1913 из Парижа):

«Я получил твое письмо последнее. Равно я получил, в свое время, прекрасный том Овидия и радуюсь, что мой Асвагоша — Дгармаракша будет иметь столь же внушительный и изящный вид...

Я вполне согласен со всеми твоими соображениями. Да будут все технические соображения осуществлены — как ты пишешь. На левых страницах, для красоты и изящности, должно стоять, конечно, Будда,— на титульном же листке и на обложке «Жизнь Будды».

С нетерпением буду ждать последних корректур: песен

Асвагоши, согласно с Санскритским текстом. По прочтении и сверстке их пришлю тебе «Изъяснительный листок некоторых слов»²³. По отпечатании же всей книги, вместе с вводной статьей Леви, думаю, нужно будет сказать несколько слов об иллюстрациях, которые будут включены, к чему я теперь же в ближайшие недели подготовлюсь, в дополнение к тому, что уже сделано мною во время моего путешествия.

Я привез из Боро-Будура (величайший в мире Буддийский храм, в глубине Явы) превосходные фотографии различных Буддийских изваяний. Пошлю тебе наилучшие и наиболее характерные. Кроме того, с ближайшего понедельника (сегодня четверг) я буду ходить в библиотеку Гимэ²⁴ и рассмотрю решительно все сборники, посвященные Будде в искусстве. Там есть хорошие коллекции, и можно будет выбрать хорошие образцы для воспроизведения их в Русской передаче лучшего, существующего в Мировой литературе, песнопения, посвященного лику Совершенного, Миром Хвалимого.

С Леви я увижусь послезавтра и буду его торопить с введением.

Радует меня весьма твой широкий издательский замысел. Как хотелось бы, чтобы он осуществился целиком и в еще более расширенном виде...

У меня есть неиспользованные фотографические воспроизведения памятников искусства, руин, и типов туземцев, которые могли бы послужить иллюстрациями...

Итак, буду ждать от тебя скорого ответа о всех этих работах. Хочется думать, что в твоей плавильне найдется место для тех металлов, для тех обломков и слитков, которые я уже давно собираю по разным странам и хотел бы превратить их в ваяния.

В заключение повторяю просьбу послать мне Ольденберга, «Жизнь Будды», и, если можно, — хотя бы на подержание, — исследования по Буддизму наших ученых, Васильева и Минаева.

Жму твою руку.

Всяких благ тебе и твоим.

Искренно твой
К. Бальмонт».

Переписка с Сабашниковым стала постоянной — в центре ее подготовка к печати поэмы Ашвагхоши.

10. II. 1913 (из Парижа):

«Миша, я наконец свиделся с Сильвэном Леви и с скорбием узнал о каком-то недоразумении. Оказывается, он писал тебе еще до ноября, но до сих пор никакого ответа от тебя не получил...

Во всяком случае, я подтвердил Леви о твоём действительном и серьёзном желании иметь его введение к моему переводу Асвагоши. Я сказал, что предисловие должно иметь в виду большую публику, и просил его, в общих чертах, устраняя все чисто-техническое и специальное, очертить картину эпохи, вызвавшей в Индии явление Будды и Буддизма, и условия, вызвавшие поэму Асвагоши. Если, по получении от него статьи, мы увидим, что в ней не затронуты какие-либо вопросы, которые желательно было бы иметь разъяснёнными в связи с поэмой, я могу дать дополнения в Послесловии ²⁵.

Леви сказал мне, что хочет дать очерк в размере 12-и — 16-и страниц формата Овидия твоего. Будь добр телеграфировать мне, сколько ты ему за это можешь и захочешь предложить. Я тогда быстро сговорюсь с ним.

...Леви сказал мне, что он может написать статью к Пасхе, но я уверен, что я смогу его упросить поторопиться. Во всяком случае, если он нас будет задерживать, задерживаться не стоит, и я нахожу твой план одновременного печатания 1-го и 2-го издания весьма желательным, во многих смыслах.

Я познакомился у Леви с Фушэ, лучшим французским знатоком Буддизма, автором «Буддийской иконографии», которую я сейчас еду купить ²⁶. По ней я выберу ряд иллюстраций, а он мне даст оригиналы фотографий для воспроизведения. Надеюсь все это устроить на этих же днях. Я пошлю тебе, кроме того, фотографии, которые я сам добыл в Боро-Будуре, на Яве ²⁷.

Поспеш с корректурами оставшихся 4-х песен (Асвагоша, согласно с Санскритским текстом).

Спасибо за Ольденберга ²⁸. За размышления же и заботы, связанные с моим возвращением в Россию, да вознаградят тебя светлоголовые духи благополучия и удачи. Тонкое внимание и обдуманность совета так же изящны, как безукоризненное стихотворение или безупречная картина.

Жму твою руку.

Искренно твой

К. Бальмонт».

22. II. 1913 (из Парижа):

«Миша, как я писал тебе в открытке, я получил твоё письмо от 28-го января и телеграмму. Сильвэн Леви у меня был, и мы с ним договорились о предисловии... Статью, по написании, он доставит мне, я её переведу и доставлю тебе в готовом для печати виде. К сожалению, он занят своими лекциями сейчас и не может дать очерк ранее первых чисел апреля, а вернее, половины апреля. Если нас не задержат иллюстрации, конечно, не

стоит задерживаться из-за предисловия, в послесловии будут мною даны необходимые разъяснения,— и тогда я очень сочувствую твоему плану — выпустить первым изданием небольшое число экземпляров без предисловия.

Виделся я и с Фушэ. Он дал мне несколько иллюстраций, пришлет и еще 2—3. Все это я с ближайшей почтой высылаю тебе, равно как последние корректуры, сегодня полученные. На фотографиях будут надписи на обороте. Молю не испортить фотографий и по окончании надобности вернуть их.

Теперь перехожу к твоему плану. На титуле, как писал, нужно выгравировать лишь АСВАГОША (без Дгармаракши)²⁹. Общий заголовок ТВОРЕНИЯ ВОСТОКА весьма одобряю³⁰. Радуюсь, что мой Асвагоша будет первым именем этой благородной Пагоды,— он того и стоит. Его возраст,— без ста лет 2. 000,— дает ему все права на это.

Обращаю твое внимание на то обстоятельство, что перед началом поэмы, которая вся теперь у тебя, должен быть листок. **СОГЛАСНО С КИТАЙСКИМ ТЕКСТОМ**³¹.

Приложение, как ты, вероятно, видел, имеет подобный листок —

СОГЛАСНО С САНСКРИТСКИМ ТЕКСТОМ³².

Корректуру обложки, титула и этого листка хотел бы увидеть...

...До скорой встречи, надо думать...?

Жму твою руку. Твой *К. Бальмонт*».

Поэт ждал последних корректур поэмы, Леви готовил предисловие. В архиве Сабашниковых хранится открытка Леви к Бальмонту от 23. III. 1913 (послана из небольшого городка близ Парижа):

«Милостивый Государь! Подтачивающие здоровье моей жены приступы ревматизма вынудили нас на несколько дней уехать из Парижа. Но я помню свои обещания и выполняю в срок. Как только будет готова рукопись, передам ее Вам вечером какой-нибудь пятницы, если это в конце концов еще возможно после стольких проволочек.

Со всей сердечностью.

Сильвэн Леви»³³.

(Из письма от 7 апреля явствует, что Бальмонт отослал открытку в Москву.)

26 марта из Парижа отправил Сабашникову письмо Бальмонт:

«Посылаю тебе, подписанными к печати, последние листки «Будды»... Благополучно ли дошли фотографии Будды? Не

благодарю тебя за все хлопоты, дружеские и юридические, ибо не имею слов для выражения искренней и сердечной моей признательности».

Вскоре поэт направил издателю иллюстрации для книги.

5. IV. 1913 (из Парижа):

«Посылаю тебе иллюстрации и радуюсь, что ты все их взял. Не нашел я лишь 1-й, «Храмы Боро-Будура»³⁴, и принимаю это за указание Судьбы. Да не будет «Храма», а на его место поставим Цейлонского Будду³⁵.

Кстати, ведь ты поместишь все иллюстрации вместе, после текста? В тексте они разбивали бы впечатление³⁶.

Осуждаю себя, что не догадался вовремя доставить тебе «Примечания»³⁷. Но ведь еще не поздно? Корректуру его мне можно не доставлять. Я надеюсь, что опечаток не будет...

Помышляю о Москве (недель через 5, верно, свидимся).

Шлю признательный привет».

И новое письмо издателю в Москву через 2 дня.

7. IV. 1913 (из Парижа):

«Я отправил тебе иллюстрации (которыми очень доволен) позавчера,— ответить немедленно на письмо твое последнее (20 марта) не мог, ибо вчера было воскресенье.

Первую иллюстрацию (Храм «Боро-Будур») будь добр не включать в коллекцию, таким образом число иллюстраций будет четное. Но, чтоб использовать ее, нельзя ли поместить ее в виде заставки или концовки, как ты найдешь благоподходящим? Это увеличило бы красоту нашего Асвагоши³⁸.

Согласен с тобой, что о Дгармаракше нужно было прибавить два-три слова. Лучше прибавить их в «Заметке», дабы не пестрить титульную страницу. Вырезать напечатанное не нужно,— из самой заметки теперь будет видно, что поэма в Русском воспроизведении согласуется с Китайским текстом³⁹.

От Сильвэна Леви я получил несколько дней назад открытку, каковую прилагаю⁴⁰ (он обещал мне доставить статью до 15-го апреля н. с.). Что статья будет доставлена, и в апреле, это несомненно. Но не знаю, можем ли мы быть уверены, что она будет доставлена именно до 15-го *. Итак, реши сам, что предпочтительнее, выпустить ли небольшое количество экземпляров «Будды», как первое издание, без предисловия Леви или же ожидать. Я бы лично думал, что все же лучше не ждать, ибо задержка с ним (хотя бы на неделю, на две), задержка с переводом статьи (хотя я переведу ее без промедлений), задержка с корректурой статьи (хотя бы на неделю) — все это сложится

* Склонен думать — нет (*приписано Бальмонтом*).

в муравьиные величины, малые, но и возрастающие до муравейника. Итак, в этом реши сам, тебе виднее.

Я счастлив мыслью, что Асвагоша предстанет в достойном лике перед **Россией** (подчеркнуто К. Бальмонтом), о которой он не мог предполагать, но которая в 20-м веке, уверен подарит ему много друзей...

Зная, сколько ты сделал, размышляя о моем возвращении в Россию, я исполнен душевного света, а в то же время мысль меня спрашивает: «Истинно ли ждет меня кто-нибудь там в России?»

Жму твою руку.

Искренно твой *К. Бальмонт*».

В мае Бальмонт вернулся в Москву и на вопрос встречавших корреспондентов о цели его кругосветного путешествия, в частности, ответил: «В Индии мне удалось сделать большую работу — перевести русскими стихами древнюю санскритскую поэму «Жизнь Будды» поэта Асвагоши»⁴¹.

Том, выпущенный М. Сабашниковым, включает перевод Бальмонта «Жизнь Будды» по китайской версии (все 28 «песен» в передаче Дхармаракши), перевод четырех глав (№ 1, 2, 3, 13 санскритского оригинала поэмы Ашвагхоши, текст сохранился не полностью), предисловие С. Леви, небольшую вводную «заметку» и краткий «Изъяснительный листок» (своего рода указатель основных имен и терминов). Послесловия, обещанного издателю, в книге нет — видимо, оно не было Бальмонтом написано либо не поступило в срок (М. Сабашников выполнил просьбы поэта о структуре и оформлении книги).

В заметке Бальмонт дал самые общие сведения об Ашвагхоше и Дхармаракше, которые «лучисто связаны», и выразил признательность А. Фуше и «превосходному французскому санскритологу Сильвэну Леви за доброе отношение к работе и многие ценные указания». Если А. Фуше помог переводчику в подборе иллюстраций, то роль С. Леви в подготовке перевода поэмы была очень велика: С. Леви, как об этом сообщают письма Бальмонта издателю и переписка французского ученого с русским поэтом, ввел переводчика в «мир Ашвагхоши и буддизма», обсуждал с ним различные теоретические проблемы, давал необходимые разъяснения, помогал в трактовке сюжетов, реалий, терминов; есть основания полагать, что именно С. Леви посоветовал Бальмонту ознакомиться с главами санскритского оригинала (по переводу Э. Коуэла) и включить некоторые из них в качестве приложения.

Предисловие, специально подготовленное С. Леви для книги, — небольшое по объему, но глубокое по содержанию и вели-

колепное по форме эссе. В нем ярко проявился и талант популяризатора, и высочайший профессионализм лучшего в мире знатока творчества Ашвагхоши. Буддийский поэт и проповедник показан на фоне общеисторического, культурного и религиозного развития древней Индии и сопредельных стран, приведены известные науке факты биографии Ашвагхоши, вкратце изложено содержание его сочинений.

«Ашвагхоша,— писал С. Леви,— величайший художник, какового породил Индусский Буддизм и самый, быть может, сложный гений Индии».

Предисловие помогло русскому читателю оценить значимость буддийской литературы и культуры в целом, глубже проникнуть в суть буддийской доктрины, отделить поздние легенды от реальных фактов жизни основателя учения (за восемь десятилетий со времени написания предисловия данные об Ашвагхоше и его сочинениях значительно обогатились, многое сейчас наукой пересмотрено. Поэтому переиздавать предисловие С. Леви не представляется целесообразным).

Издание поэмы Ашвагхоши получило высокую оценку критики. Подробную рецензию написал В. Брюсов⁴². Оценив важность издания и публикацию на русском языке памятника буддийской мысли, Брюсов высказал немало замечаний переводчику.

Традиционный интерес в России к Индии, индийской культуре, буддизму получил новое реальное воплощение.

О значимости издания говорилось и много позднее. В 1926 г., когда отмечалось 35-летие издательской деятельности братьев Сабашниковых, писатель С. В. Шервинский в своей речи отмечал: «Сколько нужно было иметь прозорливости, издательского такта, наконец, художественного вкуса и внимания, чтобы серия с такими далекими именами, как Овидий, Фукидид или Асвагхоша, не отпугнула от себя читателей»⁴³. Московский литературовед И. К. Линдеман к юбилею издательства написал небольшое четверостишие:

Когда же Асвагшю
Ввели в свой книжный круг,
Соперников в калошу
Всех посадили вдруг.

В этом шуточном стихотворении содержался и глубокий серьезный смысл — публикация «Жизни Будды» стала заметным событием не только в деятельности издательства Сабашниковых, но и культурной жизни России⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Можно предположить, что Бальмонт знал о поэме Ашвагхоши еще значительно раньше. Об этом свидетельствует один любопытный факт: в 1895 г. друг юности Бальмонта, поэт А. Курсинский писал В. Брюсову из Ясной Поляны: «Очень рад, что к тебе приехал Бальмонт... Теперь пишу «нечто» большее, а также перевожу с аглицкого евангелие Будды, где масса прекрасных стихов. P. S. Если увидишь Бальмонта, кланяйся ему от меня». А. Курсинский в это время был учителем М. Л. Толстого в Ясной Поляне и переводил «Жизнь Будды» (по книге С. Била). В то время это издание имелось, видимо, в яснополянской библиотеке — сейчас там сохранился лишь немецкий перевод поэмы (Лейпциг, 1894), сделанный с английского С. Била. Сравнение «Жизни Будды» с евангелием мы находим затем в рецензии В. Брюсова на перевод Бальмонта.

² Действительно, в то время, кроме английского перевода, никаких европейских переводов издано не было.

³ Речь, очевидно, идет прежде всего о С. Леви.

⁴ Ю. Словацкий. Три драмы: Белладина, Лилля Венеда, Гелоон-Эолион., пер. с польского стихами К. Д. Бальмонта, М., 1911.

⁵ *Margare* — Маргарита (М. В.) Сабашникова-Волошина — художница, друг Бальмонта в течение многих лет. Портрет поэта (1919 г.) был с натуры нарисован художницей, она же оформляла обложку сборника Бальмонта «Литургия красоты» (1905).

⁶ Георгий Иванович Чулков (1879—1939) — русский писатель, литературовед и переводчик.

⁷ Ремизов находился в это время в Париже, и Бальмонт передал ему вместе с визиткой поэму — очевидно, $\frac{1}{3}$ часть перевода, которая была уже готова. В это время Ремизов писал о Бальмонте в Россию А. Блоку: «Сколько еще молодости в нем, порывистости и нежности» (письмо от 1. VII. 1911; хранится в ЦГАЛИ).

⁸ Речь идет о переводе сохранившихся глав по санскритской версии. Можно предполагать, что об английском переводе санскритской версии Бальмонт узнал от С. Леви.

⁹ Версия Дхармаракши по переводу С. Била.

¹⁰ S. Lévi. *Aśvaghosa, le Sūtrālamkāra et ses sources.* — *Journal Asiatique*, 1908, t. XII, № 1.

¹¹ «Буддхачарита» («Буддачарита») — «Жизнь Будды».

¹² S. L é v i. *Le Buddhacarita d'Aśvaghosa.* — *Journal Asiatique*, 1892, vol. I.

¹³ «Памятники мировой литературы».

¹⁴ П. Бойе (Буайе) — известный французский славист, ректор Школы живых восточных языков в Париже, многократно бывал в России, встречался с русскими учеными-славистами, писателями и поэтами, в частности, с А. Блоком. В Париже с ним виделся не только Бальмонт, но также А. М. Ремизов и другие русские писатели.

¹⁵ Некоторые ученые считают, что имя создателя китайской версии было Дхармакшема (например, С. Леви). Один из лучших специалистов, Э. Джонстон полагает, что обе передачи имени справедливы.

Судя по письму, подписанный поэтом договор являлся копией

первого договора, которая учитывала уже просьбы переводчика (в частности, о сорока экземплярах). Договор написан рукою М. В. Сабашникова.

¹⁶ Письмо издатель обратно в Париж не отослал, видимо, потому, что поэт собирался в кругосветное путешествие.

¹⁷ Речь шла, очевидно, об общей статье С. Леви, посвященной Ашвагхоше (1908); она имелась и в виде оттисков, но была послана позднее, вместе с популярной. См. письмо поэта от 13. I. 1912.

¹⁸ О какой из книжек (статей) С. Леви идет речь, сказать трудно. Возможно, перевод 1-й главы поэмы, введение к которому дает самые общие сведения.

¹⁹ Екатерина Алексеевна Бальмонт — жена поэта, которая жила тогда в Москве.

²⁰ Бальмонт в письме из Парижа 17. I. 1912 просил Д. Н. Анучина прислать его работы по антропологии и этнографии. См. вступительную статью.

²¹ Имеется в виду санскритский оригинал.

²² Очевидно, Бальмонту был известен главный труд основателя русской индологической школы И. П. Минаева по буддизму — «Буддизм». Исследования и материалы. Т. I. вып. 1—2. Спб., 1887.

²³ «Изъяснительный листок» был в книге напечатан.

²⁴ Библиотека Гимэ — библиотека музея Гимэ в Париже.

²⁵ Никакого послесловия не потребовалось, Бальмонт снабдил книгу лишь краткой вводной заметкой.

²⁶ Речь идет об одной из двух книг А. Фуше по буддийской иконографии: A. Fouché. Étude sur l'iconographie bouddhique de l'Inde d'après les documents nouveaux. Paris, 1900; он же. Étude sur l'iconographie bouddhique de l'Inde d'après des textes inédits. Paris, 1905.

²⁷ В вводной заметке Бальмонт писал, что ряд фотографий был ему предоставлен А. Фуше (см. письмо издателю от 22. II. 1913), а некоторые были сделаны им самим во время посещения буддийского комплекса Боробудур на Яве.

²⁸ Видимо, Бальмонт получил книгу Г. Ольденберга «Будда, его жизнь, учение и община», о которой не раз просил издателя.

²⁹ Это было сделано издателем.

³⁰ Асвагоша (Ашвагхоша) была первым изданием в этой серии.

³¹ Этого сделано не было.

³² Это пожелание было выполнено: «Четыре главы из первичной «Жизни Будды» Асвагоши, 1-я, 2-я, 3-я, 13-я согласно с Санскритским текстом».

³³ Текст на французском языке.

³⁴ Судя по последующему письму и изданию книги, поэт нашел фотографию храма в Боробудуре и отослал ее в Москву. В книге она помещена под № 1.

³⁵ «Цейлонский Будда» (Самадхи Будда из Анурадхапуры) помещен в книге под № 20.

³⁶ Издатель поместил фотографии в разных разделах книги.

³⁷ Примечания, если они даже и были составлены, не были опубликованы в книге.

³⁸ См. примечание № 34; она как бы «Заставка», о чем и просил поэт.

³⁹ В заметке Бальмонта сказано:

«Русский перевод воспроизводит поэму Асвагоши в том виде, как переработал ее Дгармаракша, который довел благоговейную повесть до законченности».

⁴⁰ См. текст открытки на с. 275.

⁴¹ «Русская мысль», кн. XI, 1913, ноябрь, с. 413.

⁴² Представляется целесообразным вновь, через три четверти века, воспроизвести эту рецензию В. Брюсова. См. ниже.

⁴³ С. В. Ш е р в и н с к и й. Памятники мировой литературы — Издательство М. и С. Сабашниковых. К 35-летию издательской деятельности, 1891—1926. М., 1926, с. 35.

⁴⁴ С. Б е л о в. Книгоиздатели Сабашниковы. М., 1974, с. 96.

«Новым выпуском «Памятников мировой литературы» издательство М. и С. Сабашниковых вновь делает русской литературе ценный подарок. Поэзия индусов и священные письма буддистов до сих пор остаются у нас областями литературы наименее известными. Между тем знакомство с ними весьма важно и по высокой художественной ценности индусской поэзии, и по громадному историческому значению буддизма. Малая распространенность санскритского языка делает особенно желательным появление переводов с него. Новое издание М. и С. Сабашниковых сразу отвечает двум потребностям: дает перевод и одного из замечательнейших созданий санскритской литературы, и одной из «законоположительных» книг буддизма, значение которых приближается к значению наших Евангелий. Приходится, конечно, пожалеть, что поэма Асвагоши доходит до русского читателя, так сказать, из третьих рук. Предисловие к книге объясняет, что на санскритском языке сохранились лишь первые 17 песен поэмы. Но еще в V веке нашей эры она была переработана на китайском языке поэтом Дгармаракша. Эта китайская обработка и положена в основание русского перевода. Так как К. Бальмонт с китайским языком не знаком, он должен был пользоваться переводом поэмы на один из европейских языков, — на какой, переводчик не указывает *. Однако такова творческая сила индусского поэта, что даже в третьем отголоске многие части его поэмы производят впечатление неодолимое — простотою и живописностью рассказа и глубиной высказываемых мыслей. Имея в руках лишь «перевод с перевода пересказа», читатель все же чувствует, что пред ним — создание истинно великое, одно из драгоценнейших сокровищ мировой литературы. Читая поэму Асвагоши, вполне понимаешь, какое безмерное богатство творческой мысли заключает в себе буддизм. Многие из того, что, при передаче в современных философских терминах, кажется нам повторением давно известного, здесь, в поэме, будучи воплощено в художественных образах, приобретает всю яркость новизны и открывает мысли новые кругозоры.

Так как мы не знакомы с оригиналом поэмы Асвагоши и с тем переводом, которым пользовался К. Бальмонт, мы воздержимся от

* На это Бальмонт, однако, указывает в вводной заметке.

окончательного суждения о его работе. Скажем только, что в ней явно видны все обычные достоинства и недостатки его переводов. К достоинствам относится умение переводчика находить слова яркие и выразительные, говорить сжато и метко. Чутье поэта позволило ему во многих местах (хотя он и пользовался переводом китайского подражания) дать нам почувствовать чистоиндийские приемы мысли и речи. Недостатком мы считаем прежде всего крайне невыработанный словарь. К. Бальмонт словно не знает, что у каждого народа и у каждого века своя речь, а у каждого поэта свой словарь, и переводит одним и тем же языком и Шелли, и Эдгара По, и Кальдерона, и Асвагошу. При всем доверии к переводчику, мы не можем поверить, что все эти поэты писали бальмонтовским языком, с характерными бальмонтовскими оборотами речи. В переводе поэмы Асвагоши славянизмы и народные речения («во садах», «сребро», «злато», «златой», «стяг», «болесть», «хвать», «сочетанный» и т. д.) стоят рядом со словами, — вряд ли здесь уместными, — заимствованными из новых языков («жеманно», «свита», «павильон», «балдахин», «бунтовать», «вазы» и т. д.), а выражения, свойственные едва ли не одному К. Бальмонту («разлучности упрек», «внушенья чар», «влеченья телесных услад», «от вознесенности к срыву», «безглагольность» и т. д.), чередуются с преднамеренными неправильностями речи («возжаждалось выезд свершить», «был ужаснут», «был потопшим», «сокрушился вниз», «цеплянья»). Недоумение возбуждают и размеры стихов, которыми переведена поэма. Если переводчик не имел возможности приблизиться к размерам подлинника, ему надлежало (при нежелании переводить прозой) избрать стих, не имеющий резких метрических особенностей, но сохраняющий всю силу ритмической речи, — например, пятистопный ямб, столь обычный в нашем эпосе. К. Бальмонт поступил иначе: отдельные песни поэмы переведены у него то ямбом, то хореем, то амфибрахием, то дактилем, то длинными, то короткими стихами (6-, 5-, 4-, 3-стопными), то с чередованием мужских и женских окончаний, то без такого чередования. Соответствие этих размеров стиху подлинника и тому, что об нем говорится в предисловии, — весьма сомнительно.

В. Брюсов

**Ашвагхоша
Жизнь Будды**

**Калидаса
Драмы**

Редактор

С. Прокунина

Художественные редакторы

А. Орлов, А. Моисеев

Технический редактор

Н. Кошелева

Корректоры

Г. Асланянц, О. Добромysłова

ИБ № 5918

Сдано в набор 27.12.89. Подписано в печать 13.09.90. Бумага кн.-журн. имп. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Тип Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24+альбом=31,92. Усл. кр.-отт. 37,8. Уч.-изд. л. 32,86+альбом=34,74. Изд. № VIII-3240. Заказ 485. Тираж 100 000 экз. Цена 5 р. 50 к.

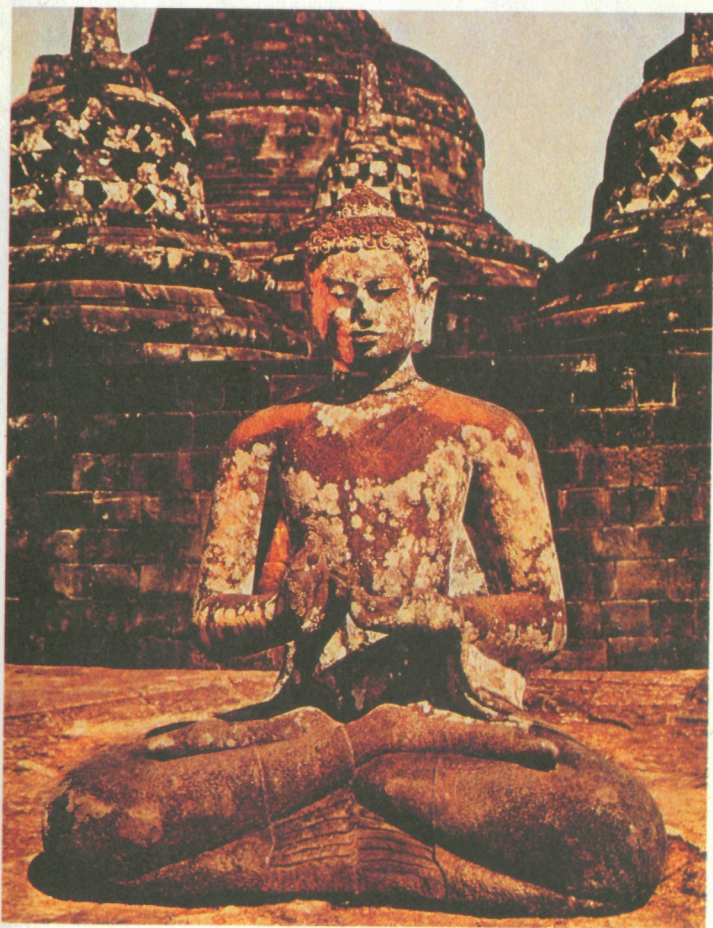
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

Будда сотрудничал меня все время в
Аннамите и в Индийском океане и в Южной
Африке, — и мы кажутся естественными, но
они уже окончили.

Милу другу.

Милой К. Баллишот.

Боробудур. Ступа и статуя Будды.

«Тишина море». Боробудур. Деталь. Фото К. Бальмонта.

Статуя Будды. Боробудур. Фото К. Бальмонта.